

Олег Геннадьевич Сеницын

Магма

Текст предоставлен автором
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=119993
Магма: Армада, Альфа-книга; Москва; 2004
ISBN 5-93556-130-1

Аннотация

Он не владеет приемами рукопашного боя. Он плохо стреляет из оружия. Он – ученый-сейсмолог, кандидат физико-математических наук Евгений Кузнецов.

Он – один, ему никто не верит. Близкие люди гибнут, прикоснувшись к тайне, ключ к которой он должен подобрать. Потому что кто-то всегда рядом, тот, кто пытается помешать ученому...

Через непонимание и противодействие, через головокружительные взлеты и падения никому не известный сотрудник Института физики Земли идет к тому, чтобы совершить переворот в сознании человечества...

Содержание

Пролог	4
Часть первая	16
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Олег Сеницын

Магма

Автор выражает благодарность Евгении Кутузовой за французскую речь героев, Дмитрию Могилевцеву, Дмитрию Воронину, Ольге Сеницыной за качественные рецензии, а также огромную благодарность Алексею Лебедеву, без которого этот роман не состоялся бы.

Автор приносит извинения профессору Анджее Нивинскому за возможные неточности в описании его работ, посвященных раскопкам гробницы Херихора.

Пролог

*12.17 а.т. по времени горных областей США,
27 июня городок Милд Рок, штат Орегон,
приблизительно 80 миль юго-восточнее Портленда.*

Джейк не понимал, чем его заинтересовал этот мальчик, который стоял в стороне и с легким оттенком грусти на лице наблюдал за их с Крисом и толстым Виктором игрой в некое подобие бейсбола. Сам Джейк, стоя рядом с горой свежесорванных, еще не раскрывшихся сосновых шишек, с замашками профессионального подающего, метал их по одной в полуторафутовый картонный щит. Над щитом, который когда-то был коробкой из-под апельсинов, с поднятой корягой, означающей бейсбольную биту, маячил Крис. В обязанности Джейка входило бросить шишку так, чтобы она попала в картонный щит. Если это у него получалось, толстый Виктор в специальный блокнот записывал ему одно очко. Отбив шишку, Крис зарабатывал два очка. Если Джейк не попадал в щит, ему писалось минус целых три очка. Игра шла напряженно. 117 очков Джейка против 116 очков Криса. Джейк после серии точных бросков вырывался вперед, но затем Крис догонял его парой-тройкой удачных отбиваний. Делая записи в блокнот, Виктор успевал комментировать матч. Был летний полдень, стояла жара. Ребята играли на окраине соснового леса через дорогу от авторемонтной мастерской Билла Шонненхейма, или Билла Пустое Ведро, как все его называли.

По дороге проносились машины, проезжали дети на велосипедах, на играющих никто не обращал внимания, кроме этого мальчика, появившегося ниоткуда. Мальчику на вид было лет двенадцать, столько же, сколько и Джейку. У него были светлые волосы, очень светлая кожа и темные глаза. Самое удивительное состояло в том, что Джейк его не знал. Джейк знал всех в округе, по крайней мере своих сверстников. Но этого мальчика он видел впервые в жизни. Возможно, их семья недавно переехала в Милд Рок, а может, он просто гостит у своей тети или бабушки. Джейк бросил и не попал в щит.

– Но что же это? Он промахивается! Вы только посмотрите! Ну и матч! – комментировал толстый Виктор, записывая ему минус три очка. – Такое случается всего раз за матч, чтобы Джейк промахнулся, и мы это видели!

Крис улыбался. Ему впервые удалось выйти вперед. Джейк сосредоточился. При большом отрыве будет очень трудно догнать Криса. Он прицелился, размахнулся, всячески маскируя бросок, и кинул. Шишка летела в правый верхний угол щита, это была «мертвая зона» Криса, раньше броски в эту область он не отбивал. Крис взмахнул корягой, шишка отскочила от нее и улетела далеко в сторону.

– Bravo! – закричал Виктор. – Вот это удар! Сто четырнадцать очков у Джейка и сто восемнадцать у Криса! Это похоже на прорыв!

Джейк начал злиться, а когда он начинал злиться, то все у него валилось из рук. Он снова прицелился. На этот раз не готовился долго, а бросил шишку сразу. Не ожидавший броска Крис поспешно взмахнул своей корягой и не попал по шишке. Шишка пролетела мимо щита, коряга выскользнула из рук Криса и улетела в сторону дороги.

– Пиши ему штраф, Виктор! – закричал Джейк. – Потеря биты наказывается пятью очками штрафа!

– Что?! – воскликнул Крис. – Ты в щит не попал! Это тебе штраф!

– Потеря биты в правилах не оговаривается, – важно заявил Виктор. – А вот минус три очка я тебе запишу.

– Тогда я так не играю! – заявил Джейк и пнул гору из шишек. Шишки рассыпались по лесной поляне.

– А чего с тобой играть – ты проиграл! – усмехнулся Крис, мелькнув дыркой вместо переднего зуба.

– Сто одиннадцать против ста восемнадцати! – объявил Виктор. – Победил Крис Литовски!

Джейк плюнул себе под ноги и обиженно зашагал прочь от места своего поражения. Надо же! Вести всю игру и проиграть в самом конце! Разрыв в семь очков ему ни за что не наверстать. Кстати, он предлагал закончить на сотне, когда вел в счете, но Крис попросил сыграть до ста пятидесяти...

Он неожиданно остановился рядом с мальчиком, на которого обратил внимание во время игры. Тот неотрывно следил за Джейком, его темно-карие глаза, казалось, изучали игрока.

– Привет! – сказал Джейк. Мальчик смотрел на него с удивлением и даже некоторой растерянностью.

– Привет, – ответил он. Что-то странное было в его произношении.

– Как тебя зовут? – спросил Джейк.

– Как меня зовут? – переспросил мальчик. – Как тебя зовут?

– Меня зовут Джейк.

Мальчик смотрел на Джейка некоторое время и затем ответил:

– Меня тоже зовут Джейком.

– Надо же! Значит, мы тезки!

– Значит, – ответил мальчик, но Джейк был готов поклясться, что, мальчик не знает слова «тезки».

– Я никогда не видел тебя в городе, – сказал Джейк. – Ты недавно приехал сюда?

– Да, – ответил мальчик.

– А ты не хотел бы сыграть с нами? – Этот вопрос он задал зря. Виктор и Крис уходили с поляны. – Ну, может, в следующий раз сыграть с нами?

– Я бы хотел, – сказал тезка Джейк. – Только я не умею.

– Это очень просто. – Джейк начал объяснять, указывая на поле, на котором только что происходила игра. – Ты подаешь и должен попасть в щит. Я, допустим, отбиваю. За каждое попадание в щит тебе одно очко. За каждый отбив мне – два очка. Если не попадешь в щит – тебе минус три. Если бита вылетит у меня из рук – мне минус три... – Он повернулся к мальчику, но тот исчез. Он словно испарился. Джейк обшарил глазами окрестности и близлежащие дома. Нет, пока Джейк говорил, до домов мальчик не успел бы добежать. Джейк посмотрел на дорогу. Автомобили иногда проезжали мимо, может, он запрыгнул в один из них?

Станный мальчик. Даже не попрощался, Джейк решил не забивать себе голову вопросом «куда делся мальчик». Присвистнув, он переступил через крышку канализационного люка и, посмотрев по сторонам, перешел дорогу.

* * *

*Несколькими месяцами ранее, Долина Царей,
скалы Дэйр-эл-Бахри, Египет*

Профессор Анджей Новинский выбрался из пробной траншеи, воспользовавшись поданной ему рукой.

– Спасибо, Вацлав, – поблагодарил он по-польски.

Нескончаемой вереницей тянулись дни с тех пор, как начались раскопки гробницы знаменитого Херихора, верховного жреца Амона при Рамзесе XI. Открытие этой гробницы могло стать еще одним потрясением в археологии после того, как в 1922 году сэр Говард Картер обнаружил гробницу Тутанхамона. Херихор был известен тем, что приблизительно 1100 лет до нашей эры стал визирем, практически возглавив царство и подмяв под себя Рамзеса XI. Некоторые признаки придавали Новинскому уверенность в том, что гробница Херихора не тронута грабителями и находится в целости. Ее раскопки могли предоставить ученым для исследования новые предметы из эпохи Рамзеса XI, новые рисунки, новые тексты. Именно поэтому Новинский не замедлил сообщить об открытии общественности. Позже он об этом пожалел.

Тучи налетевших корреспондентов, фоторепортеров, псевдоэкспертов по египтологии и просто зевак заполнили место раскопок, мешая работе. Они требовали от профессора пустить их в усыпальницу и показать золото, найденное в гробнице, не понимая того, что Новинский сообщил лишь о существовании гробницы и о ее вероятном местонахождении. Чтобы добраться до нее, требовалось несколько сезонов тяжелой кропотливой работы. Для начала необходимо было пробными траншеями исследовать район и, обнаружив вход, уже думать об очистке входной шахты от камня и щебенки. Но Новинского не понимали.

И профессор, только чтобы отвязаться от незваных посетителей, позволил сфотографировать несколько случайных находок, не относящихся к Херихору. Глиняные сосуды для бальзамирования, инструменты каменотесов, маленькие ожерелья и амулеты. Репортеры исчезли, туристы вскоре были вытеснены полицией, а в газетах появилось множество преждевременных статей о Херихоре, которые украшали фотографии посторонних предметов, предоставленных профессором.

Новинский отряхнул пыль с рук и посмотрел на небо. Похоже, до конца этого сезона обнаружить гробницу не удастся. Зима подходит к концу, а летом в Египте из-за сильной жары раскопки производить невозможно.

– Тут каменные сваи, – сообщил помощник.

– Да, я знаю, – кивнул Новинский. – Это части домов строителей, рывших усыпальницу в скалах. Но гробница, видимо, не здесь. Попробуем завтра взять правее.

– Будет тяжело. Там щебенка за века слежалась и по крепости стала похожа на скалу.

– Привлечем еще рабочих.

С этими словами профессор перелез через кучу извлеченной из траншеи щебенки и направился к палатке. Недалеко от нее он остановился и посмотрел вниз, на грунтовую дорогу, подходящую к скалам. Там он заметил незнакомый потрепанный внедорожник «лендровер» зеленого цвета, которого вчера на этом месте не было. Пожав плечами, Новинский откинул полог палатки. Знойный ветер вместе с песком ворвался внутрь, запорошив профессору глаза.

– Проклятие! – выругался он, прочищая глаза. Когда зрение восстановилось, профессор обнаружил у себя в палатке незнакомое молодого человека лет тридцати в слегка помятом темно-сером костюме.

– Вы профессор Новинский? – спросил молодой человек по-английски. Языки не являлись сильной стороной профессора Новинского, хотя английский он знал сносно, в рамках, необходимых для общения с профессорами из университетов других стран и написания статей.

– Да, я.

Человек улыбнулся, как показалось профессору, несколько натянуто.

– Меня зовут Джон Смит, я сотрудник Британского музея. – Молодой человек протянул профессору руку. Тот рассеянно пожал ее. Фраза прозвучала привычно, Новинский тысячу раз слышал подобное, но все же что-то было не так. Он не мог понять – что.

– Мне очень приятно, – ответил профессор. – И чем я могу служить?

Человек сунул руку в нагрудный карман и извлек вырезку из газетной статьи, сложенную вчетверо. Он развернул ее и показал профессору. Это была фотография одной из находок Новинского.

Что-то показалось профессору странным, он успел заметить на обратной стороне газетной фотографии совсем не английский текст. Фотография находки опубликована не в англоязычной газете? Может быть, сотрудник Британского музея находился в этот момент за пределами Англии?

– Да, мы нашли его, расчищая штольню севернее. Сначала мы полагали, что это амулет скарабей, но потом обнаружили на его оборотной стороне письмена, которые не соответствуют древнеегипетской письменности того периода, поэтому расшифровать их мы пока не смогли. Возможно, эта вещица прольет свет на существование в Древнем мире еще одной цивилизации. Но меня заботит гробница Херихора.

– А вы не могли бы показать мне эту вещь? – попросил молодой человек. И снова Новинский почувствовал что-то неправильное – необычный акцент? – в речи сотрудника музея.

– Я могу вам ее показать, – ответил профессор. Он подошел к стеллажу, на который в огромном количестве были свалены и бесценные, и никому не нужные предметы. – Вообще-то все находки мы храним в специальном бронированном вагончике, но...

Профессор протянул молодому человеку маленький матовый предмет размером чуть меньше спичечного коробка. Предмет был округлым, словно морская галька, с двумя пересекающимися полосами на поверхности.

– Можно? – спросил молодой человек, осторожно беря находку двумя пальцами.

– Да, конечно. Письмена с другой стороны. Они настолько крохотные, что их можно разглядеть только при помощи лупы. Египтяне пользовались иероглифами, здесь – нечто другое.

– Из чего он сделан, вы не смогли определить? – спросил незнакомец.

– Очевидно, это какой-то камень. Я не слишком разбираюсь в геологии.

– Понятно. Наш музей хотел бы купить эту находку. Скажем, я мог бы дать вам двести долларов.

– Что? – удивился профессор. Он был ошарашен предложением. – Все наши находки принадлежат Арабской Республике Египет. Но даже если бы Египетский музей Каира захотел продать эту вещь, я думаю, он оценил бы ее намного дороже! К тому же вещь совсем не изучена!

– Я мог бы дать вам пятьсот долларов, профессор... Новинский взял предмет из рук неожиданного посетителя.

– Я прошу вас убраться отсюда! – решительно сказал он.

– Мне нужна эта вещь, профессор.

– Я сказал – вон отсюда, мистер... Смит! – воскликнул профессор, указывая пальцем на выход.

– Тысяча долларов!

Профессор вытолкнул незнакомца на улицу.

– Вы, очевидно, из тех купцов, которые торгуют древностями, а я – ученый. Я исследую Древний мир по крупичкам, дошедшим до нас. Каждый предмет для меня бесценен! – Профессор резко захлопнул полог палатки перед носом наглого посетителя. Он медленно выдохнул воздух, успокаивая себя и свое больное сердце, и положил предмет обратно на полку. Теперь вдруг до него дошло, что же так резало ухо в речи незнакомца! Представитель Британского музея говорил со славянским акцентом!

Вечером следующего дня, возвращаясь с раскопок, Анджей Новинский обнаружил разрыв в молнии на пологе палатки. С нехорошим предчувствием он вошел внутрь сквозь щель. На первый взгляд внутри палатки все осталось по-старому. Но профессор уже догадывался, что могло исчезнуть. К несчастью, его опасения подтвердились. Новинский не обнаружил у себя на полке того самого маленького камешка с письменами, похожего на амулет скарабей.

– Джон Смит, – констатировал профессор. Он вызвал местную полицию, со следователем которой был немного знаком.

– Я предупреждал вас, профессор, – нравоучительно говорил темнокожий следователь, – что все найденные вещи следует хранить в сейфе или отправлять их в Луксор.

– Но кому нужны камни?! Мы же золото пока не обнаружили! И до сих пор прецедентов не было.

– Впредь следуйте моему совету. И тогда ничего не пропадет.

Профессор рассеянно кивал, соглашаясь со следователем. На вопрос, кто мог бы это сделать, профессор предложил поискать зеленый «лендровер», крутившийся в этих местах день назад, и проверить Джона Смита из Британского музея. Через восемнадцать часов пришло сообщение о «лендровере». Он был взят напрокат в Луксоре и возвращен сутки назад. Имя нанимателя – Джон Смит. А через двое суток пришло сообщение из Британского музея, что человек по имени Джон Смит у них работает, но за последний год никуда не отлучался из столицы Объединенного королевства. Понятно. То, что посетивший его человек представился чужим именем, Новинский мог предсказать с самого начала.

Спустя пять месяцев в жизни профессора произошло странное событие. Новинский находился в Варшаве, обрабатывая результаты зимних исследований в Египте. Мировые новости сейчас мало интересовали его, но однажды, бросив взгляд на телеэкран, профессор с удивлением увидел того самого Джона Смита. То, кем оказался этот человек, потрясло профессора до глубины души. Поиски гробницы Херихора представились ему жалкими и бессмысленными. Весь оставшийся вечер Новинский просидел в глубокой задумчивости, уставившись в выключенный телеэкран.

* * *

12.15 по времени Сиднея, 27 июня,

Утбак, Новый Южный Уэльс, Австралия

Справа промелькнул столб с надписью «Редфилд», едва различимый за сплошной стеной дождя. Уставшие от работы очистители ветрового стекла жалобно скрипели, угрожая отказать в любой момент. Красная бесконечная равнина простиралась по обе стороны от дороги. Впереди виднелось несколько одноэтажных строений. Видимо, это и был «Редфилд». Через две минуты *он* оказался возле домов.

У обочины стоял человек без зонта. Увидев приближающийся автомобиль, человек усиленно замахал рукой. *Он* остановил машину и, потянувшись, опустил стекло со стороны пассажира.

– Мистер Куснецоф? – спросил абориген. На нем была насквозь промокшая полосатая рубашка. Человек за рулем молча кивнул и открыл дверцу. Пассажир запрыгнул в салон, капли дождя забрызгали велюровую обивку сидений, но человек за рулем не обратил на это внимания. Машина принадлежала прокатной конторе в Сиднее.

– Где это? – спросил *он*.

Абориген кивнул, подразумевая, что понял вопрос.

– Я... показать! Туда! – сказал он, указывая на дорогу.

– По дороге? – спросил человек за рулем.

– Да, да!

Задние колеса дали пробуксовку по грязи, но машина тронулась с места. Они проехали несколько домов, казавшихся пустыми.

– Туда! – воскликнул абориген, показывая, что за домами следует повернуть налево. Человек за рулем послушно свернул с дороги. Теперь он увидел. Метрах в двухстах, в глубине равнины, стояли два автомобиля. Возле них находились люди, укрывающиеся под зонтами. Человек за рулем прибавил газу, и автомобиль запрыгал по кочкам.

– Может, следовало оставить автомобиль у дороги? – спросил он. Абориген посмотрел непонимающим взглядом. Видимо, его знания английского были сильно ограничены. Человек за рулем предпочел вопроса не повторять.

Он остановил машину рядом с двумя «тойотами-лендкраузер». Кто-то открыл ему дверцу, *он* выбрался из машины, и тут же заботливые руки подали зонт. Косой дождь мигом промочил его брюки.

Проклятие!

Это единственный костюм. Теперь придется ходить в сырых брюках. Может, купить новые? Нет, денег хватало только на авиабилет до дома. К черту!

– Доктор Кузнецов, рад вас видеть, – произнес худощавый японец в очках, прячущийся под огромным зонтом.

– Рад вас видеть, профессор Накамура. – Он действительно был рад видеть давнего знакомого, одного из ведущих специалистов по сейсмологии из университета Хоккайдо. – Вы можете показать мне?

– Пойдемте.

Они прошли несколько метров по красной грязи и очутились на краю обрыва. Участок равнины размером приблизительно в сто квадратных метров опустился вниз. Глубина смещения на глаз составляла метров пятнадцать. Они стояли на самом краю, прикрываясь от дождя зонтами, и смотрели вниз.

– Сколько? – спросил *он*.

– Магнитуда оценена в семь целых и шесть десятых, очаг землетрясения находился близко к поверхности.

Он обернулся и еще раз внимательно посмотрел на дома у дороги.

– Вы правы, Женя. Эти сооружения ни капли не пострадали.

– Но ведь при такой магнитуде сила землетрясения должна составить восемь-девять баллов по шкале Рихтера! Должны наблюдаться повреждения зданий, причем очень сильные повреждения.

– И тем не менее наши австралийские коллеги утверждают, что магнитуда составила семь и шесть десятых, а очаг находился близко к поверхности. Район не сейсмоактивен, располагается вдали от границы континентальной плиты, не могу его отнести и к зонам внутриплитовых напряжений... И все же огромный пласт земли совершает вертикальное движение. В конце концов, я мог бы отнести это явление к обыкновенному провалу земли в естественные или искусственные пустоты, если бы, опять же, не эти семь и шесть десятых.

Быть может, мы имеем дело с новым разломом в австралийской тектонической плите. Или этот разлом существовал ранее, но нам о нем ничего не было известно. А вы как думаете?

– Сейчас нельзя ничего утверждать, – задумчиво произнес *он*. – Вы не могли бы помочь мне спуститься вниз?

– Трещин нет. Прилегание слоев плотное.

– Я хотел бы сам посмотреть.

– Хорошо.

Один из помощников профессора накинул *ему* на пояс веревку. Другие встали у края, и *его*, упирающегося ногами в стену обрыва, опустили вниз. Зонт сейчас мог только мешать, поэтому *он* оставил его наверху. Дождь насквозь промочил костюм, *его* ноги по щиколотку утопали в грязи.

Несмотря на эти неприятности, *он* тщательно обследовал провал по периметру.

«Ничего, – подумал *он*, внимательно осмотрев каждую трещину. – Никаких следов».

Дождь заканчивался, когда *его* подняли наверх. Профессор Накамура рассеянно взглянул на выходящее из-за туч солнце и свернул зонт. *Он* смахнул тыльной стороной запястья капли воды с кончика носа. Помощник Накамуры подал полотенце, и *он* вытер волосы. Брюки до колен были выпачканы в грязи. О ботинках и говорить нечего. *Он* стянул с себя галстук и задумчиво сунул его в карман, где в кошельке покоились последние семьсот долларов, на которые *он* рассчитывал добраться до Москвы.

– Я никогда не сталкивался с подобными явлениями, – произнес Накамура.

– Интересная вещь, – подтвердил *он*. – Магнитуда землетрясения большая, разрушений никаких. Здания остались целы. Такое ощущение, что вся энергия выплеснулась на этом участке в сто квадратных метров, заставив его опуститься вниз.

– Как вы себя чувствуете, Женья? – спросил профессор.

– Я в порядке, – промолвил *он*.

– Я остановился в отеле «Савой» в Брокен Хилле. Вы можете переночевать у меня.

– Спасибо, но сегодня я хочу вылететь в Москву.

– Тогда до свидания. Надеюсь, вы сможете предсказать следующее землетрясение, – попрощался профессор. Он и его люди уселись в джипы, и мощные машины заскользили по грязи к дороге, оставив *его* в одиночестве.

Он проводил взглядом удаляющиеся автомобили, пока они не скрылись из поля зрения и, грустно вздохнув, залез в салон. Тронувшись с места, «опель» вновь начал буксовать, но все-таки двинулся вперед. Через пять минут *он* уже оказался возле дороги. Справа по ней следовал мини-грузовик, и *он* решил пропустить машину. *Он* притормозил, показав поворот, и подумал о том, что никак ему не удастся нащупать ту ниточку, которая все-таки существует. Несомненно, что нынешнее землетрясение было странным, но может ли оно стать еще одним звеном?

Сильный удар в правый бок сотряс автомобиль. *Его* голова откинулась и ударилась о стекло, на мгновение разум помутился. Не осознавая своих действий, *он* открыл дверцу и вывалился из салона. В голове гудело, мир вокруг шатался. *Он* услышал, как хлопнула дверца. Через несколько секунд *его* подняли с земли и опрокинули лицом вниз на капот, заведя руки за спину. Затем раздался щелчок, и руки оказались закованы в наручники.

Он поднял голову. Правый бок «опеля» был изуродован от столкновения с мини-грузовиком. *Он* даже не заметил, как тот съехал со своей полосы движения и врезался в него. Теперь стало понятно, что *его* поджидали. А возможно, следили от самого Сиднея.

Его подняли. Незнакомец, оказавшийся перед *ним*, был высокого роста. Фигура человека совершенно не выглядела атлетической, только выдавались широкие плечи. Лицо не было выразительным, лишь распухший покрасневший нос да опущенные уголки глаз, придававшие лицу какое-то грустное выражение, которое, несомненно, было обманчивым.

– Идите вперед, – сказал человек по-английски, и по акценту *он* понял, что перед ним француз.

– Вы не за того меня принимаете! – воскликнул *он*. – Я представитель России! Я ученый!

Выстрел оглушил *его*. Француз помахивал непонятно откуда взявшимся пистолетом прямо перед его носом.

Комок застрял у *него* в горле. Пистолет выглядел очень большим. Бывает ли у пистолета калибр больше двенадцати миллиметров? *Он* не знал. Пуля, просвистевшая рядом с *его* ухом, ясно давала понять, что пистолет не игрушечный и что шутить им не собираются.

– Идите вперед, по направлению к этому дому, – произнес француз, указывая на ближайший к ним одноэтажный дом, и, придавая убедительности своим словам, подтолкнул *его* дулом пистолета. Крепко сжав зубы, *он* двинулся вперед.

Дверь дома оказалась не заперта. Француз, несомненно, знал это. Более того, он подготовился заранее. Все дома в поселке выглядели пустыми. Они и были пустыми, сейсмологи выселили всех людей из домов близ очага землетрясения, опасаясь дальнейших толчков.

Открыв ногой дверь, *он* вошел в дом. Француз проследовал за ним и аккуратно прикрыл дверь.

Внутри царил беспорядок. *Ему* живо представилось, как люди в спешке покидают дома, забирая с собой самые ценные и нужные вещи, оставляя раскрытыми ящики и дверцы шкафов.

– Я все-таки не понимаю, – осторожно начал *он*, – почему вы схватили меня? Мне необходимо попасть в Сидней. Через пятнадцать часов у меня самолет в Москву. Если я пропущу его, у меня не будет денег на следующий...

Его речь была оборвана на слове «рейс» новым тычком пистолета в спину. Они миновали хаос прихожей и очутились на кухне. Француз неожиданно захлопал носом.

– Стой, – произнес он.

Француз достал из нагрудного кармана носовой платок и высморкался. Из его ноздрей раздался протяжный писк – насморк был основательным. Теперь стало понятно, почему нос француза выглядел припухшим и покрасневшим.

Прочищая нос, француз на мгновение опустил глаза, потеряв *его* из виду. Легким движением *он* крутанул ручку конфорки газовой плиты, оказавшейся за спиной. Могло ли это *ему* помочь? Вряд ли. Особенно если перекрыта задвижка на трубе.

– Садись на стул, – произнес француз и зашелся в кашле. Не оставалось сомнений в том, что он простужен. *Он* присел на стул возле окна.

– Я ученый, вы не за того меня принимаете, – вновь начал *он*.

Француз вытер платком нос, аккуратно сложил его вчетверо и убрал во внутренний карман.

– Вы – Джон Смит! – произнес он утвердительно.

– Это ошибка, моя фамилия Кузнецов, я российский ученый, занимаюсь проблемами прогнозирования землетрясений.

Француз сделал останавливающий жест, *он* прекратил говорить.

– Вспомните Марсель.

– Я никогда не был в Марселе, более того, я никогда не был во Франции!

Француз вновь остановил *его*.

– Вспомните Рене Жино.

– Я не знаю человека с таким именем! Отпустите меня! Если вы из полиции, то предъявите ордер!

Он знал, что француз не полицейский. С такими глазами он мог быть только наемным убийцей.

– Я не из полиции, – коротко ответил владелец пистолета Конечно, полицейские не стреляют без предупреждения, не носят огромные пистолеты, не одеваются в такие приличные костюмы и с самого начала предупреждают тебя о том, что ты имеешь дело с полицией. – Меня прислал Рене Жино, господин из Марселя, которого вы знаете. Полгода назад этот господин передал вам Иттлу.

– Я не понимаю, о чем идет речь!

– Иттла – это древнеиндийская статуэтка, изображающая человека. Вещь выполнена из чистого золота. Мсье Жино был заинтересован в продаже этой вещицы по цене большей, чем ее вес в золотом эквиваленте, потому что мсье Жино любит и уважает искусство и не хотел бы, чтобы вещь была переплавлена.

– И все-таки я не...

– Вы представились как Джон Смит, сотрудник Британского музея, ценитель древних вещей и человек, способный найти покупателя. Вы обманули мсье Жино и охрану, которая сопровождала вас, скрывшись вместе с Иттлой. Вы совершили очень глупый поступок. Вы полагали, что мсье Жино не сможет вас найти, но у мсье Жино очень большие связи во многих странах мира. Но теперь это не важно...

Француз неожиданно чихнул, второпях достал платок и вытер им нос. *Он* с недоумением и страхом следил за действиями француза.

– Да, теперь не важно, как я смог вас выследить. Мсье Жино желает получить свои деньги от продажи Иттлы плюс проценты за просроченный возврат денег. Подводя черту, с вас – миллион франков или двести тысяч долларов.

Он предполагал, что все сведется к деньгам, но чтобы к такой сумме! *Он* решил начать все заново:

– Послушайте, я не Джон Смит, меня зовут Евгений Кузнецов! Вы можете посмотреть паспорт у меня в нагрудном кармане. Я работаю в Объединенном институте физики Земли Российской академии наук. Я занимаюсь созданием общей сейсмической модели, я никогда не был во Франции и не знаю мсье Рене Жино.

Неожиданно француз размахнулся и ударил *его* в солнечное сплетение. *Он* согнулся, не в силах произнести ни слова, полностью поглощенный болью. Слезы брызнули из глаз. Француз сделал паузу и ударил ногой по склоненной голове. Удар разогнул его, откинув на спинку стула. Удар пришелся по носу, кровь брызнула на белую рубашку.

– Я не спрашиваю вас, были ли вы во Франции или знакомы ли с Рене Жино. Я знаю, что это были вы! Мне не нужно от вас ничего, кроме двухсот тысяч долларов.

Боль в носу казалась отделенной от тела. Рот наполнился кровью, текущей из носа. *Он* сделал медленный вдох. Кажется, появился запах, или *ему* показалось?

– У меня нет таких денег, – с трудом произнес *он*. Теперь нос горел.

– Тогда верните Иттлу и пятьдесят тысяч долларов.

– У меня нет этой статуэтки!

– Тогда вы останетесь в этих красных песках навсегда.

Он вновь втянул носом воздух. Запах уже ощущался. А вот француз его не чувствовал. У него был заложен нос.

Он попытался изобразить растерянность, хотя особого труда это не составило, – *он* действительно был растерян. Мысли носились в голове лихим галопом. Он не мог сосредоточиться и придумать что-то, кроме одного.

– Я хочу курить, – произнес *он*.

В действительности *он* ненавидел курение и не выносил дыма. Но это единственное, что пришло *ему* в голову. Далее события могли развиваться по сотне возможных вариантов, но фраза о том что *он* хочет курить, была, несомненно, основополагающей.

Сердце слегка замерло от предчувствия, что француз окажется таким же ненавистником курения, как и *он*, и что сигарет у него не будет. Но этого не случилось. Француз напряженно втянул носом воздух (это далось ему с трудом), достал серебряный портсигар и выудил оттуда тонкую сигару.

– Джон Смит не курил, – произнес он.

– Джон Смит бросил курить десять лет назад, когда от рака легких умер его отец. Желание закурить возвращается, когда волнуюсь. – Ложь прозвучала правдиво.

Француз едва улыбнулся, довольный тем, что наконец его пленник раскрыл себя. Он вставил сигару *ему* в рот. *Он* подумал о том, что нужно будет очень быстро выпрыгнуть в окно, но со скованными за спиной руками это вряд ли получится.

– Расстегните наручники, я никуда не убегу, ведь у вас есть пистолет.

Француз снова непринужденно улыбнулся, словно услышал легкую шутку.

– Ну уж нет! – ответил он. – Клод рассказывал, как вы ушли от охраны. Я не хочу совершать ошибок.

Капля пота скатилась со лба и попала в глаз. Глаз зашипало. *Он* чувствовал, как другая капля катится по левой щеке. Шея напряглась. *Он* осторожно втянул носом воздух. Запах ощущался сильнее.

Француз опустил руку в карман пиджака. *Он* с ужасом наблюдал, как тот достает из кармана одноразовую зажигалку. В таком шикарном костюме и дешевая пластмассовая зажигалка! Зажигалка медленно приближалась к сигаре, зажатой у *него* во рту. Руки, скованные за спиной наручниками, задрожали, зубы непроизвольно сжались и откусили кончик сигары. Сигара упала в складки рубашки, испачканные кровью.

Француз опустил руку с зажигалкой.

– Двести тысяч долларов – большая сумма, – пытаюсь отвлечь убийцу, произнес *он*. – Если вы думаете, что они легко зарабатываются... Вы не могли бы снова вставить мне сигару в рот?

– Конечно, – ответил француз, двумя пальцами поднял сигару и вставил ее в рот пленника. *Он* ощутил сладковатый привкус крови во рту, смешанный со вкусом табака. Француз вновь поднял руку с зажигалкой. *Его* ноги напряглись. *Он* был готов в любой момент выпрыгнуть в окно, лишь бы не было рано (но и не поздно, добавил *он*). Француз поднял большой палец, чтобы крутануть колесико. Вот! *Он* был готов выпрыгнуть прямо сейчас!

– А чем ценна эта статуэтка? – неожиданно произнес француз.

Он, все внимание которого было сосредоточено на маленькой зажигалке, даже не понял вопроса.

– Что? – промычал пленник.

Француз отнял руку с зажигалкой и задумчиво продолжил:

– Цена золота в этой статуэтке – тридцать тысяч долларов. Почему цена статуэтки выше этой суммы?

Он не сводил глаз с зажигалки. Та свободно лежала в руке француз, вдали от кончика *его* сигары. *Ему* было трудно что-то сказать в ответ, *он* с трудом представлял ценность Иттлы в художественном или историческом плане, и все *его* внимание сейчас концентрировалось на другом.

– Она очень древняя. Очень-очень, – только и смог вымолвить *он*.

– Ладно. – Француз, казалось, довольствовался ответом, выставил руку вперед и чиркнул зажигалкой. Сноп искр вылетел из-под колесика. Это действие явилось настолько неожиданным, что *он* ничего не успел сделать. Ни вскочить, ни выпрыгнуть в окно. Только сердце замерло от испуга.

Ничего не произошло. *Он* явственно ощущал запах газа, но искры не воспламенили его. Сердце бешено забилося, пот тек ручьями.

– Черт! Проклятая зажигалка! – сердито воскликнул француз и хлопнул по ней ладонью другой руки. Затем снова неожиданно чиркнул перед *его* носом, введя *его* в полуморочное состояние от испуга. Вновь вылетевшие искры не воспламенили природный газ. «Лучше так больше не шутить, – подумал *он*. – Выпрыгнуть я уже не успею. Лучше попробовать сбежать от него в другом месте».

– Спасибо, но мне расхотелось курить, – слабо произнес пленник, выплюнув сигару на пол. *Он* был готов на все, только чтобы француз больше не чиркал своей треклятой зажигалкой.

– Как хочешь, – произнес француз, достал сигару и сунул ее в рот, быстро поднеся зажигалку. Два раза чиркнул ею. От каждого раза сердце пленника заходило.

– Нет! – воскликнул *он*.

– Что – нет? – недоуменно спросил француз. Его сигара все еще оставалась незажженной.

– Может, выйдем отсюда. Мне не нравится здесь, я терпеть не могу замкнутых пространств. У меня эта... клаустрофобия.

– Ну уж нет, мсье. Мы все сделаем здесь. Вы говорите мне номер счета, откуда можно снять деньги, мои друзья по спутниковому телефону организуют это. Только тогда я вас отпущу.

Мимо *его* ушей не ускользнула маленькая пауза перед словом «отпущу». *Его* совсем не собирались отпускать, *он* был в этом уверен.

Француз шмыгнул носом и вновь чиркнул зажигалкой. Наконец-то появилось пламя. Он поднес его к сигаре и раскурил ее. Кончик сигары ярко вспыхивал при каждой затяжке француза, *он* напряженно следил за кончиком сигары.

– Итак, – произнес француз, вытащив сигару изо рта.

– Строительный банк России, город Китежи. – «Интересно, есть ли такой город?» – подумал *он* и поймал себя на том, что не сводит глаз с горящего кончика сигары.

– Россия? – поморщился француз. – Как можно снять оттуда деньги?

– Только я могу снять эти деньги с предъявлением паспорта и договора.

Француз затянулся, размышляя. Кончик сигары постепенно превращался в пепел. Запах газа делался все более ощутимым.

– Займите деньги, – коротко бросил *он*.

– Мне никто не даст такой суммы. Француз ударил его в живот, не вынимая сигары изо рта. Кишки скрутило, *он* согнулся от боли.

– А вы подумайте, мсье Смит.

«Боже, почему газ не взрывается?» – отчаянно подумал *он*. Сейчас *он* был готов быть разорванным на куски вместе с этим бандитом, только бы не терпеть эту боль.

– Я уже подумал, – быстро сказал *он*, – Есть еще один счет. Швейцария, Первый Цюрихский банк. Счет на предъявителя. Пятнадцать, шесть нулей, двести восемь, триста двадцать пять, кодовое слово «весна».

Француз вытащил из внутреннего кармана телефон и долго набирал чей-то номер. Соединившись, он заговорил по-французски. Сигара его догорела, и он бросил ее на пол, затушив последние искры каблуком. Огромный камень свалился с *его* души.

Внезапно *он* ощутил порыв. *Ему* показалось, что если *он* сейчас выпрыгнет в окно, то сможет убежать от преследования. Этот момент являлся наиболее удачным, француз сейчас был настолько поглощен объяснениями по телефону, что совсем потерял *его* из виду.

Недолго думая, *он* оттолкнулся ногами от пола, распрямляясь. Это резкое движение обратило на себя внимание француза, который, отбросив в сторону телефон, метнулся к лежащему на столе пистолету. Но *он* уже разбил головой стекло и неуклюже вывалился из окна на улицу. Вслед *ему* прозвучал выстрел.

Он упал на землю, и одновременно с этим прогремел взрыв. Мелкие щепки и осколки стекла полетели во все стороны, жаркая лапа взрывной волны охватила *его*. Вслед за этим из окна вылетело тело француза, стены дома не выдержали, и он развалился.

Одна стена упала на *него* оконным проемом. Звук взрыва удалялся, а *он* лежал, свернувшись калачиком в оконном проеме упавшей стены, и не мог поверить, что выбрался живым из этой переделки. Рядом покоилась груда дымящихся развалин – все, что осталось от сельского дома.

Только теперь *он* понял, что произошло. В тот момент, когда прозвучал выстрел, концентрация газа в комнате достигла взрывоопасного значения. Взрыв произошел тогда, когда *он* менее всего ожидал этого.

Он поднялся, выбравшись из-под осколков стекла и мусора. Левую часть лба саднило – ее рассек осколок стекла. Руки по-прежнему были скованы за спиной. Тело француза находилось в пяти метрах от *него*. Он подошел к французу. Правую часть лица пересекал кровоточащий порез. Других видимых повреждений видно не было. *Он* изловчился и попытался нащупать пульс на сонной артерии: Пульс был, но очень слабый. По иронии судьбы, французу повезло даже больше, чем *ему*.

Скованными руками *он* порылся в карманах француза и нашел ключ от наручников. Когда *его* руки оказались свободны, *он* уже тщательнее прошелся по карманам наемного убийцы, которого, судя по паспорту, звали Жан-Люк Перье. Он взял документы на автомобиль, ключи от него с брелком, изображающим Эйфелеву башню, и три тысячи долларов. На память взял ключ от наручников. Немного подумав, стянул с француза штаны, рубашку и пиджак. На подкладке пиджака красовалась надпись «Гуччи». *Он* поморщился, переваривая незнакомое название, скинул свою одежду и облачился в эту. Теперь можно было более-менее спокойно проходить таможенную в аэропорту.

Евгений Кузнецов, кандидат физико-математических наук, сотрудник Объединенного института физики Земли Российской академии наук, посмотрел на разбитый бок «опеля» и без колебаний сел в мини-грузовик француза. Этим вечером Кузнецов вылетел в Москву.

Часть первая

Проявления

*8.30 по московскому времени, 28 июня,
Объединенный институт физики Земли
им. О. Ю. Шмидта РАН, Москва*

– Наша планета, под названием Земля, имеет форму, близкую к шару. То, что находится внутри планеты, напрямую увидеть нельзя. Даже самые глубокие скважины, которые способны пробурить люди, – не более чем легкие булавочные уколы. Поэтому большая часть знаний о том, как устроена внутренность Земли, определена косвенными методами. Преимущественно на основе данных, полученных при исследовании землетрясений.

В центре планеты расположено ядро, состоящее из двух частей: твердой внутренней и жидкой внешней. Ближе к поверхности находится твердая мантия. Ну а место, где мы живем, называется литосферой – это твердая оболочка Земли. Представьте, что Земля – это яблоко. Кожура этого яблока и будет литосферой.

В 1910 году немецкий ученый Альфред Вагнер предложил гипотезу, в соответствии с которой вся поверхность Земли разбивалась на так называемые литосферные плиты. Движение и взаимодействие этих литосферных плит – основа многих геологических процессов на поверхности Земли, в том числе землетрясений и извержений вулканов. Считается, что существует семь крупных литосферных плит – евразийская, тихоокеанская, североамериканская, южноамериканская, австралийская, африканская и антарктическая. Существуют также более мелкие плиты...

Женя заглянул в актовый зал, наполовину заполненный школьниками средних классов, в котором Наталья Белозерцева читала ознакомительную лекцию по физике Земли. Она увидела Кузнецова в дверях и, не прерывая лекции, улыбнулась ему. В ответ Женя помахал ей рукой. Наталья – ученый, беззаветно преданный своему делу, и талантливый педагог. Она способна увлечь школьников, пробудить интерес к науке – пусть на дворе стоят и не лучшие времена: наука теперь в загоне.

Он прибыл в Москву накануне поздно ночью, когда жена и дочь спали. Тихо отпер дверь квартиры и провел остаток ночи на диване в большой комнате. Будильник наручных часов разбудил его в половине седьмого. Он наспех позавтракал и двинулся в институт, так и не повидавшись с женой.

Женя быстрым шагом шел по коридору, приветствуя попадающихся навстречу знакомых. Первым делом следует отчитаться по командировке перед заместителем директора Института сейсмологии – отделения Объединенного института физики Земли, членом-корреспондентом Российской академии наук Михаилом Николаевичем Воздвиженским.

– Женя, привет! – воскликнула Дарья Семенова, появившись откуда-то сбоку.

– Здравствуй, – сказал Женя, останавливаясь.

– Как прошел семинар?

– Да в общем-то...

– Тебе звонил твой друг из Санкт-Петербурга, – проговорила она, не дослушав ответ на собственный вопрос. – Он сказал, что у него получилось.

– А что получилось, он не сказал?

– Он сказал, – ответила она с расстановкой, – что ты должен знать, о чем идет речь.

Считая разговор оконченным, она исчезла. Он пожал плечами и продолжил свой путь. Дойдя до развилки, он остановился. Один коридор заканчивался кабинетом заместителя директора института по научным вопросам и являлся конечной целью путешествия Евгения

по институту. Второй вел на лестницу. Рядом с лестницей было отведено место для курения, в простонародье называемое курилкой. – Поразмыслив, Женя решил, что перед кабинетом замдиректора следует сделать остановку в курилке. Сам он не курил и не выносил дыма, но ему всегда нравились курильщики. Они казались ему заговорщиками или, точнее, членами клана посвященных в таинство курения. В этой тесной курилке на лестничной площадке царил неповторимая атмосфера отстранения от домашних и рабочих проблем с разговорами об автомобилях, политике и всяком начальстве.

– Женя, елы-палы! – радостно ухмыльнулся здоровяк-геофизик Федор Иванов, которого все звали Иван Федоров. Оскалив зубы, он улыбался, скосив один уголок рта. В другом углу была папироска «Беломора». Женя прекрасно помнил его убеждающую речь о том, чем папиросы «Беломор» отличаются от сигарет. «Вот вы все, – говорил он, обращаясь к своим собеседникам-курильщикам, – курите заграничную химию. Возьми любую импортную сигарету и зажги ее, не куря. Она не потухнет и догорит до самого фильтра. А все почему? Потому что бумага, из которой сделаны сигареты, селитрованная. И вы думаете, что вся эта химия задерживается фильтром? Вспомните, в Великую Отечественную, да и после нее люди курили махорку, делали самокрутки из газет и жили до девяноста лет. Они курили чистый табак! А что теперь? Рак настигает людей и в шестьдесят лет, и раньше. Я пытался курить сигареты, так наутро встаешь и не можешь откашляться. От „Беломора“ такого у меня нет. От дыма хорошего табака все микробы в организме дохнут». Женя ему тогда сказал: «Загнешься от своего „Беломора“», на что Федор Иванов, или Иван Федоров ответил: «Загибаются некурящие вроде тебя».

– Приветствую тебя, Евгений, – монотонно прогнусавил маленький завхоз Сергеич, причмокивая сигареткой «BS». Ему было уже шестьдесят, и все никак не могли дожидаться, когда же он наконец соизволит уйти на пенсию. – Как прошел семинар?

– Да-а... – Женя развел руками.

– Наш-то, идиот, что удумал! – прогремел своим зычным голосом Федор Иванов. – Сделал в отделении проходную! Ты опаздываешь на пять минут, у тебя на проходной отбирают пропуск. Пишешь объяснительную, только тогда пропуск отдают. Три объяснительных – и ты без премии! Каково?

– Мрак! – авторитетно подтвердил Сергеич, качая седой головой. – Вот в восьмидесятых у нас хотели ввести такую же систему. Опоздал человек на работу, пишет объяснительную. В отделе кадров читают объяснительную – а человек-то опоздал по уважительной причине. Вроде и не виноват. Сколько бумаги перепортили, пока поняли, что это ерунда.

Дверь на лестничную площадку распахнулась, и к курильщикам влетел третий их постоянный компаньон – Вова Титов.

– Женя! – вяло воскликнул он и махнул худощавой рукой. Сигарета была уже зажата у него в зубах, и он наклонился к Сергеичу, чтобы прикурить. Раскурив сигарету, он устало выпустил дым изо рта и спросил: – Как прошел семинар?

Женя даже не счел нужным отвечать на этот вопрос. Уж кого-кого, а Титова точно не интересовал его ответ. Титов был заядлым болельщиком.

– Вчера до половины второго ночи смотрел матч Колорадо с Торонто. – Женя обратил внимание на его красные воспаленные глаза, – Вся игру шли вровень, а за тридцать секунд до конца матча Мат Сандин в полете забивает гол.

Титов обожал Национальную хоккейную лигу, а в особенности команду «Колорадо Эвеланж», а самым его любимым игроком был швед Питер Форсберг.

– Тренер выводит Джо Сакика вместо вратаря. И за восемь десятых секунды до конца игры Форсберг забивает гол с подачи Каменского! Вы представляете! За восемь десятых секунды! Вот это да! – Титов нервно затаился.

Женя подумал, что настало время вступить в разговор:

– Когда был матч-то?

– Вчера он шел в записи, а играли они накануне.

– Так я был на этом матче!

Сигарета чуть не выпала из тонких губ Вовы Титова.

– В семинаре выдался перерыв, и коллеги пригласили меня слетать в Денвер на матч, – продолжил Женя. – Зрелище, конечно, впечатляет.

Титов не мог произнести ни слова. Попасть на матч НХЛ было его самой заветной мечтой.

– Ты Форсберга вблизи видел?

– Конечно! Более того, мне удалось протянуть ему блокнот, и он оставил автограф. – Женя похлопал себя по карманам пиджака и брюк. – Нет, блокнот остался дома.

Краем глаза он заметил, как Федор Иванов, давясь папироской, покатывается со смеху.

– Женя, ты же не болельщик! Зачем тебе этот автограф? Подари его мне!

– Ну, не знаю. – Женя почесал висок, изображая раздумье, – Вообще-то матч мне понравился. Я думаю, что еще смогу стать болельщиком.

– Давай, Женя, я возьму у тебя этот автограф и сделаю тебе ксерокопию, а автограф останется у меня. Ты же знаешь, я обожаю Питера Форсберга!

Женя выдержал необходимую паузу, в течение которой он наблюдал за забавным нетерпением Титова, ожидавшего ответа.

– Ладно, ты меня уговорил.

– Принеси, Женя, завтра, ладно?

– Ладно, принесу завтра, если опять не улечу в Америку. Коллеги звали на матч Детройта с Вашингтоном. Ну, мне пора.

Покидая курилку, он едва удерживался от смеха, видя полуобморочное состояние Титова.

Кузнецов прошел до конца коридора, выдохнул, набираясь смелости, и постучал в дверь кабинета заместителя директора по науке, одновременно являющегося начальником Лаборатории прогноза сейсмических явлений.

– Можно, Михаил Николаевич? – спросил он, приоткрыв дверь.

– Кузнецов? – спросил Воздвиженский, оторвавшись от бумаг и взглянув поверх очков. – Заходи, Кузнецов.

Женя вошел, плотно закрыв за собой дверь, и уселся на стул перед столом заместителя директора, закинув ногу на ногу.

– Как прошел семинар, Женя? – спросил Воздвиженский.

– Замечательно! – ответил Женя, считая, что больше вопросов о семинаре ему не зададут.

– Я бы хотел поподробнее. Кто выступал? Какие темы тебе понравились?

– Если честно, Михал Николаевич, ни одна из тем мне не понравилась.

– Так. Воздвиженский встал и обошел свой стол, приблизившись к Кузнецову. Женя поднял на Него глаза. – Самсоненко из МГУ тоже был на семинаре в Нью-Йорке, однако тебя там не видел. Кроме этого я сделал официальный запрос, и оказалось, что ты, Женя, даже не прошел регистрацию на семинаре! Где же ты был?

– Дался же вам этот семинар, Михал Николаевич! – Лучшая тактика обороны – наступление. – Ну не был я на семинаре в Нью-Йорке!

– Так! – умиротворенно произнес замдиректора. – Женя, я не скрываю, что считаю тебя одним из самых перспективных сотрудников нашего института. Это было бы глупо. Институт геофизики Лос-Анджелеса приглашал тебя работать у них, но ты отказался. Нам приятно знать, что не все яркие дарования нашей страны стремятся уехать за рубеж. Тем не менее институт решил заказать тебе выполнение общей сейсмической модели для прогно-

зирования землетрясений. Американцам выгодно это сотрудничество, поскольку они потом продадут модель заинтересованным странам. Тебе это выгодно: ты занимаешься исследованиями, которые интересны и за которые ты получаешь неплохую зарплату. Нам это выгодно, поскольку деньги на исследования достаются и нашему институту. Государству это выгодно, потому что это не грант, а коммерческий проект, и американцы должны платить с него налоги. Посылая тебя на семинар, мы посылали одного из лучших представителей нашего института. А вместо этого... Где ты был, Женя?

– Этот семинар – бестолковая болтовня, Михал Николаевич! Я был на паре подобных семинаров и представляю, о чем там могла идти речь. Мне было необходимо посетить в Калифорнии одного профессора. Он смог предоставить большой объем информации по разломам в Северной Америке.

– И как же имя этого профессора?

– Питер Форсберг, – не задумываясь, выпалил Кузнецов.

– Он что, еврей? – настороженно спросил Воздвиженский.

– Вовсе нет. Это швед, работающий в Америке.

– Странно, я никогда не слышал этого имени. Конечно, он не слышал этого имени, – подумал Женя, – потому что не интересуется хоккеем.

– Титов очень хорошо знаком с его работами, – произнес Женя.

– Наш Володя Титов? – переспросил Воздвиженский.

– Да.

– Ладно. – Замдиректора отвернулся и говорил теперь, не глядя на собеседника, – Мне хотелось бы, Женя, чтобы ты пользовался предоставленными тебе командировочными по назначению. Потому что организация, финансирующая тебя, постоянно интересуется, куда уходят ее деньги. Ей не хватает твоих отчетов, они постоянно присылают дополнительные запросы. Деньги-то уходят, а результаты? – Он вновь повернулся. Где результаты, Женя? Полтора года бесконечных командировок на деньги американцев, и всего четыре предсказания, два из которых опоздали, а два до сих пор не сбылись! Хорошо, что это знаем только ты и я. Хорошо, что ты умеешь писать красивые отчеты. Но рано или поздно это закончится. Где твоя хваленая математическая модель движения тектонических плит? Твой программист весь свой кабинет завалил разгаданными кроссвордами и распечатками эротических картинок, скачанных из Интернета. Он мучается от безделья!

– Прежние данные были неточны, и мне приходится собирать новые. Для программиста пока работы нет.

– Я не хочу тебя пугать, Женя. Но в один прекрасный день ты обнаружишь, что банк «Юнион Трейд» более не оплачивает твои командировки, потому что у американцев кончилось терпение.

Женя поднялся со стула.

– Это все? – спросил он.

– Да.

Женя вышел из кабинета, сам не заметив, как хлопнул дверью. Из курилки, важно выставив грудь вперед, сопровождаемый клубами дыма, выходил Федор Иванов.

– Ну, как старик? – спросил он, ожидая от Женя очередной репризы. Женя махнул рукой. Сейчас было совершенно не до смеха. В сущности, Воздвиженский прав, он всего лишь произнес вслух то, о чем последнее время думал Женя. В один прекрасный день американцы могут обрезать финансирование, посчитав занятия Кузнецова бесперспективными. Вся его работа по созданию общей сейсмической модели для предсказания землетрясений осталась на том же уровне, что и полтора года назад. Его командировки создавали видимость работы, но сама работа стояла. Если хотите, Женя находился в творческом застое.

Он доплелся до двери под номером 306 с названием на табличке: «Лаборатория методики прогноза сейсмических явлений». Женя не состоял в штате лаборатории, а только занимал в ней помещение. В его тесной комнатке находился стол Ильмыра Шакирова с компьютером «Крэй» и стол самого Евгения Кузнецова, заваленный бумагами, папками, кальками, ксерокопиями.

Войдя без стука, Женя застал Шакирова за чтением книги под названием «Триста анекдотов в постели». Не ожидая появления начальника, Шакиров перепугался и стал прятать книгу между бумагами на своем столе. Однако книга не пролезала, и Шакиров так и оставил ее наполовину торчащей из бумаг.

– Здравствуй, Женя! – вымученно улыбаясь, произнес он. Книга с анекдотами вывалилась из бумаг и хлопнулась на пол, заставив Шакирова вздрогнуть. – Как прошел семинар?

Женя грозно посмотрел на него, ничего не ответив, и опустился в кресло.

– Как твоя модель филиппинской плиты? – спросил Кузнецов.

– Филиппинской? – переспросил Шакиров, словно не расслышал.

– Да, ее самой!

– Никак, Женя. Ты же мне сам сказал, что прежние источники неточны, и уехал, не оставив новых.

Женя зажмурился и потер глаза рукой! Боже, он, кажется, собирался сорвать злость на безобидном Шакирове, который не сделал работу только потому, что Женя сам не дал ему работы.

– Прости, – тихо сказал Кузнецов. – Я совсем запутался. Командировка выдалась тяжелой, а тут еще Воздвиженский достал.

– Я понимаю, – покачал головой Ильмыр и отвернулся к экрану монитора, выведя на него какие-то строки программы. «Понимаешь ли?» – подумал Женя.

Он кое-как протянул время до обеда, пытаясь увлечься работой. Рассматривал геологические карты с нанесенными на них точками эпицентров прошедших землетрясений, делал отметки и давал указания Шакирову. Но азарт, который присутствовал в нем еще полтора года назад, не приходил. Измученный собственными попытками, он с радостью отпустил Шакирова, отпросившегося после обеда домой. Минут пятнадцать Женя отдыхал, развалившись в кресле и закрыв глаза.

Так продолжалось на протяжении последних восьми месяцев, с того момента, когда Воздвиженский впервые поймал его на том, что Женя вместо командировки на Камчатку укатил в Израиль. Теперь каждый раз, возвращаясь из командировки и получив очередную порцию упреков со стороны профессора, Женя бросался за работу. Но надолго его не хватало.

Кузнецов быстро поднялся с кресла и подошел к телефону. Он взял трубку, набрал код Санкт-Петербурга и номер.

– Мне Мигранова, пожалуйста, – попросил он женщину, поднявшую трубку. Через десять-пятнадцать секунд трубку поднял Миша Мигранов.

– Женя! Рад слышать тебя. Где ты был?

– Очень интересное землетрясение в Австралии... Мне передали, что у тебя есть новости.

– Есть, – утвердительно ответил Мигранов. – Я перевел текст.

– Судя по твоим интонациям – это что-то стоящее?

– И даже более!

– Ты не мог бы мне пересказать это по телефону?

– Нет, ты должен увидеть фигурку своими глазами.

– Миша, я видел ее. Именно я тебе ее и привез!

– Ты должен взглянуть на нее с новой точки зрения. – Миша был явно взволнован. – Я думаю, это из тех вещей, которые ты ищешь.

– Нет, – убежденно произнес Женя.

– Приезжай.

– Я подумаю.

– Тут нельзя думать. У тебя мало времени. Это был новый поворот в разговоре.

– При чем тут время? Я ничего не понимаю.

– Поэтому я и тороплю тебя. Сегодня же садись на самолет в Питер, но имей в виду, что сразу после меня ты отправишься в Бельгию. Я жду тебя, в крайнем случае, завтра. До свидания. – В трубке раздались гудки. Женя так ничего и не понял. При чем тут время? Неужели кто-то охотится за фигуркой?

Он опустил трубку. Что за неуместный вопрос! Конечно, за фигуркой охотятся, как и за головой кандидата физико-математических наук Евгения Кузнецова. Но Миша мог сказать по телефону об опасности, и, кроме того, в его голосе не чувствовалось тревоги. В голосе историка Миши Мигранова чувствовалось волнение от предвкушения открытия.

– Все это очень странно, – произнес Женя в пустоту комнаты.

Женя вставил в замочную скважину ключ, попытался повернуть его и обнаружил, что дверь в квартиру не заперта. В прихожей горел свет. В квартире стоял запах жарящейся рыбы, слышалось потрескивание кипящего масла.

– Эй! Наталья! Сколько раз я должен повторять, что входную дверь нужно запирать!

Со стороны кухни раздались шаркающие шаги, и в прихожей появилась Наталья. Она была одета в потрепанный халат, грудь плотно упакована в лифчик, часть которого выглядывала из-за отворота халата. Лицо сохранило следы макияжа, который она еще не стерла после возвращения с работы, а крашенные в платиновый цвет волосы находились в беспорядке. Она остановилась, сложив руки на груди.

– Появился наконец-то!

Он снял ботинки и прошел мимо нее в гостиную.

– Что это за барахло на тебе надето? – спросила она.

– Это костюм. Я купил его.

– Он же велик тебе! Господи, ты никогда не умел сам покупать вещи. Чье производство? Вот так она всегда. Ее интересовали только вещи и еще раз вещи.

– Это «Гуччи»!

– Я так и знала! Ты купил костюм китайского производства! Куда ты дел старый костюм?

– Брюки порвались, и я выбросил его.

– Ты выбросил тот отличный костюм из-за порванных брюк! – взвилась Наталья. – Тот костюм ты мог проносить еще десять лет.

– Я и так ходил в нем не меньше!

– Ты совсем дурак!

– Лучше заткнись.

– Папочка! – Пятилетняя дочка бросилась к нему. Он нежно обнял ее.

– Как ты тут? – спросил он.

– Тебя только хватает на то, чтобы спросить, как дочь растет без отца, и укатить обратно куда-нибудь за границу, – бросила жена и, повернувшись, удалилась обратно на кухню.

– Я теперь умею считать до ста.

– Неужели?! – Он картинно нахмурил брови, – А до пятидесяти ты умеешь считать?

– Нет, – вздохнула дочка, – только до ста.

Он засмеялся. Она засмеялась вместе с ним. Он еще крепче обнял ее.

– Ты мне привез что-нибудь? – спросила она, устав от объятий и начиная тихонько высвобождаться.

– Конечно! – Он сунул руку во внутренний карман пиджака и вытащил оттуда маленький брелок.

– Ой, как красиво! – воскликнула девочка, принимая подарок, – Это какая-то башня?

– Это Эйфелева башня. Она находится во Франции.

– Далеко?

– Кто?

– Эта Франция – далеко?

– Очень далеко.

– А ты был во Франции, – папа?

– Да, дочка. И я видел эту башню во всей ее красе. Я поднимался на самую высь этой башни, откуда видна вся Франция, а тихий ветерок нашептал мне сказочку.

– Она страшная? – поежилась дочка.

– Вовсе нет. Рассказать?

– Конечно!

– Ну, хорошо, – Он присел на краешек дивана, а дочь забралась на него с ногами, приготовившись не упустить ни единого слова из рассказа отца, – Давным-давно в далекой-далекой стране жили гномики. Это сейчас мы знаем гномиков как рудокопов, живущих и работающих под землей. Но в то время они жили на поверхности земли. Они были очень трудолюбивы, и поэтому все у них спорилось. Пшеница росла выше, чем у всех, и веселились они на зависть соседям.

Но вот однажды в окрестностях, где жили гномики, появилась злая волшебница. И стало ей завидно, что гномики славно работают и весело отдыхают. И тогда она стала говорить всем их соседям, что под землями, на которых живут гномики, лежат горы золота и бриллиантов.

– А зачем она это говорила? – спросила дочка.

– Все это она говорила затем, чтобы соседи стали копать на землях гномиков и разорили их сады и поля. Так и произошло. Сначала жадные соседи приходили по одному и по двое, потихоньку раскапывая землю в поисках сокровищ. Потом они стали приходить толпами. Конечно, гномикам не понравилось то, что соседи вытаптывали их пшеницу и разгоняли их скот. И веселиться они стали реже.

Попросили тогда они соседей уйти подобру-поздорову, потому что никакого золота и никаких драгоценностей в их землях не зарыто. Соседи было поверили этому, но тут...

– Тут? – переспросила дочка, подняв брови и изображая вопрос, как это делают взрослые.

– Злая волшебница заявила, что гномики сами нашли сокровища и что сокровища лежат в их домах. Жадные соседи ночью бросились к домам гномиков. Они выгнали гномиков из домов и стали рыться там в поисках спрятанных сокровищ. Конечно, они ничего не нашли, и все бы закончилось, если бы опять не злая волшебница.

Дочь, раскрыв рот, слушала рассказ отца.

– Волшебница стала говорить, что гномики прячут сокровища. Соседи стали преследовать гномиков, допытываться, где лежат сокровища, и угрожать оружием. Гномикам надоело это, и они стали защищать себя. Началась война между соседями и гномиками. Но соседей было гораздо больше, и гномики поняли, что им эту войну не выиграть. Уходить им было некуда, и они решили вырыть глубокую пещеру, чтобы ни один из соседей не мог пробраться в нее. Так и сделали. А злая волшебница, узнав об этом, завалила выход из пещеры камнями и построила на этом месте свой замок. С тех пор гномики стали жить под землей. Они там так же хорошо трудились, как и на поверхности, поэтому получились у них под

землей великолепные дворцы. Кстати, те сокровища, о которых говорила злая волшебница, они нашли. Конец сказке.

– Значит, поэтому гномики живут под землей?

– Именно! – ответил Женя.

– Наша воспитательница, наверное, не знает об этом.

– Вот ты ей об этом и расскажи.

Этот вечер Женя провел с дочерью, наслаждаясь редким моментом. На следующее утро он вылетел в Санкт-Петербург.

* * *

12.30 по московскому времени,

29 июня, Санкт – Петербург

Самолет приземлился в аэропорту Пулково. Было половина первого дня. На метро Женя добрался до Васильевского острова, где располагался Санкт-Петербургский государственный университет.

Кузнецов вошел в здание, в котором кроме исторического факультета размещались факультет философии, военная кафедра и поликлиника № 1. На кафедре истории Древней Греции и Рима его знали – Кузнецов не один раз обращался сюда за консультациями. Кивая головой знакомым, но не здороваясь ни с кем за руку, Женя прошел в комнату с табличкой на двери «Историческая экспертиза». В этой комнате и обитал его друг – незаметный, но талантливый историк Миша Мигранов.

Кабинет Мигранова был увешан полками, на которых грудились книги по истории и археологии, проспекты музеев мира вперемешку с античной посудой, глиняными и железными статуэтками, предметами старины разных периодов. Мигранов обожал неразгаданные тайны истории. Он мог заниматься любой эпохой от античного мира до Второй мировой войны, лишь бы в ней была какая-нибудь загадка. Он дал свое толкование надписям на Фестском диске, разработал проект поднятия и консервации царской ладьи у южной стены пирамиды Хеопса, развил свою теорию о пользе инквизиции для Средних веков и был убежден, что знает, где искать остатки Ноева ковчега.

Они обнялись.

– Как долетел? – спросил Миша, двигая ему кресло на колесиках.

– Если честно, то я устал от этих полетов, Миша, – ответил Кузнецов, присаживаясь в кресло. – Можно я позвоню от тебя?

– Надеюсь, не международный звонок?

– Всего лишь междугородний. Мне надо позвонить в Москву.

– Ты прилетел из Москвы! Ты не мог оттуда позвонить? – со смехом спросил Мигранов.

– Так получилось, – неопределенно ответил Кузнецов, набирая код города. Миша деликатно отошел в сторону, не желая ему мешать. После пятого сигнала на другом конце провода подняли трубку:

– Замдиректора Института сейсмологии Воздвиженский.

– Михал Николаевич, это Кузнецов вас беспокоит, – произнес Женя. Мигранов посмотрел на него искоса и усмехнулся. Он знал, что разговор у Жени с замдиректора никогда не получался.

– Кузнецов? Ты откуда звонишь, Кузнецов?

– Я в Санкт-Петербурге, Михал Николаевич.

– Женя, вчера еще ты был в институте, а сейчас уже в Питере?

– Мне пришлось срочно вылететь. Меня пригласил академик Мигранов.

– Спасибо, – сказал Миша, слушая разговор. – Не начальство, так хоть ты меня в должности повышаешь.

Женя кивком головы показал, чтобы Мигранов подошел к трубке. Миша поднял руки вверх и отрицательно замотал головой.

– Мигранов хочет сейчас с вами поговорить, Михал Николаевич, – сказал Женя и, поймав Мигранова за рукав, подтащил его к телефону и сунул в руки трубку.

– Алло, Михаил Николаевич Воздвиженский? – неожиданно басом произнес Миша. – Это Мигранов. Мы с вами встречались в...

– Казахстане, – подсказал Женя шепотом.

– ...в Казахстане. Помните?

Профессор на другом конце провода молчал. Воспользовавшись паузой, Женя прошептал:

– Он точно не помнит. В 1985 году они в большой компании сейсмологов так набрались, что он до сих пор не может без слез смотреть, как пьют другие.

– В 1985 году, – все так же басом произнес Мигранов.

– Да-да, конечно, – ответил наконец Воздвиженский. – Вас, кажется, зовут...

– Михаил, – опередил его Мигранов.

– Точно, Михаил!

– Дорогой мой, – сказал Мигранов, – мне хотелось бы побеседовать с Кузнецовым по тектонике Тихого океана. Я уверен, что мы оба найдем в этих беседах много полезного для себя.

– Да, конечно. На какой период времени вы хотите его задержать?

Мигранов быстро прикинул в уме:

– Дней на пятнадцать.

– Это слишком много, у него стоит работа...

– Тогда хотя бы на десять.

– Хорошо. Можно я снова поговорю с Кузнецовым?

– Пожалуйста, – ответил Мигранов, протягивая трубку Жене. Кузнецов вскинул подбородок, изображая вопрос – какого еще хрена нужно этому Воздвиженскому? Мигранов недоуменно пожал плечами. Женя взял трубку и, прикрыв ладонью микрофон, спросил:

– Почему ты просил так много времени?

– Ты что, забыл? Тебя ждет Бельгия.

– Михаил Николаевич? – Женя приложил трубку к уху. Некоторое время он слушал то, что говорил заместитель директора, а затем вернул трубку на рычаг.

– Ну как? – спросил Мигранов.

– Я получил последнее предупреждение.

– Я что, не попал? – забеспокоился Мигранов. – Нет такого термина «тектоника Тихого океана»? Я, конечно, не блестящий актер, в отличие от тебя...

– Да нет, все нормально. Ты сыграл прекрасно. Ну, давай.

Миша внимательно изучил его лицо, после этого подошел к входной двери и запер ее. Затем он проследовал к дальней стене, на которой находились полки с книгами, и потянул за одну из них. Часть полок отъехала в сторону, словно дверца. За полками от посторонних глаз был скрыт сейф, в котором Миша хранил наиболее ценные вещи, переданные ему для изучения, и крохи собственных сбережений в долларах. Миша, покопавшись в кармане брюк, выудил маленький желтый ключик и отпер сейф. Он вытащил из сейфа коробку из-под ксероксной бумаги «Кимлаке» и поставил ее на небольшой столик перед Кузнецовым. Женя задумчиво смотрел на коробку, вертя на пальце брелок. Мигранов открыл коробку и достал из нее золотую статуэтку.

– Как видишь, я держу Иттлу в таком месте, где никто ее не найдет, – произнес Мигранов. – Можешь не волноваться за нее. Кроме меня, о статуэтке никто не знает.

Женя внимательно разглядывал фигурку, вполуха слушая Мигранова. Статуэтка изображала человека в длинных одеждах, ноги которого упирались в подставку. Человек вытянул руки вперед, словно держа что-то, но ладони его были пусты. Фигурка не была особенно искусной, черты лица выполнены в упрощенной манере, складки одежды не казались естественными. На эту статуэтку указал один древнеегипетский текст, и Женя заинтересовался ею. Когда Кузнецов заполучил ее, он усомнился в том, что Иттла – одна из тех вещей, которые он разыскивает. Однако, не доверяя своему чутью, Женя решил перепроверить это. Он тайно перевез Иттлу из Франции в Россию и попросил Мигранова, который уже много лет помогал ему, перевести текст, выгравированный на нижней стороне подставки.

– Эту статуэтку я датирую 2065 годом до нашей эры, – произнес Миша.

– Откуда такая точность? – удивился Кузнецов.

– На подставке изображен гороскоп. То есть расположение планет, видимое из определенного района земного шара. Он означает дату, когда создавалась статуэтка. А как ты знаешь, одно и то же расположение планет по созвездиям Зодиака повторяется очень редко, только через сотни и тысячи лет. Я консультировался с астрономами, и оказалось, что такое расположение действительно уникально. Его можно было наблюдать с полуострова Индостан в 2065 году до нашей эры. Я даже знаю конкретный день.

– Поразительно, – с сомнением произнес Кузнецов.

– Статуэтка – произведение древнеиндийской цивилизации, называемой Хараппской, которая, как считается, была уничтожена в 1500 году до нашей эры арийцами. Хотя у меня на этот счет есть другие соображения, но они к делу не относятся. Хараппская письменность до сих пор оставалась для нас загадкой, а надписи на подставке выполнены именно на этом языке.

Женя оторвался от статуэтки, вслушиваясь в слова Мигранова. Тот обошел вокруг стола и продолжил:

– Язык оставался загадкой до тех пор, пока я не нашел сходные знаки на Иттле и каменных табличках из города Мохенджо-Даро. Пользуясь этими знаками как базовыми, я вначале перевел текст с каменных табличек. Он получился очень приблизительным, но я считаю перевод правильным.

– При чем тут таблички? – спросил Женя.

– После перевода табличек я получил новые знаки, которые мог использовать при переводе текста с Иттлы. Когда я прочитал этот текст, то понял, что перевод правилен, потому что иного толкования быть не может. Текст предельно конкретизирован.

Миша достал из коробки, в которой лежала Иттла, лист бумаги и стал читать:

«Да велик будет пророк Иттла, самый великий из пророков на земле! Только посвященные хранят статую эту. Познай истину через данный срок. Путь к истине укажет луч солнца, пещера на южном склоне горы в Дравахне словно рот. Посвященный, войди в пещеру и найди путь к истине. Слон поможет тебе, но не до конца. Поторопись найти путь до срока и спаси жизнь человеческую».

Миша поднял глаза:

– Ну как? Кузнецов потер лоб:

– Не знаю. Если честно, я ничего не понял.

– В тексте говорится об истине, которую должен познать, очевидно, член какого-то клана посвященных. Если предыдущий текст, который дал указание на Иттлу, верен, то истинной является то, что ты ищешь, Женя.

– Допустим. Что за место – Дравахна?

– Я полагаю, так древние индийцы называли Гималайский хребет. Заметь, что в пещере в Гималаях лежит не сама истина, а путь к ней. Я полагаю – это предсказания, сделанные Иттлой, так как Иттла, заметь, пророк. Необходимо отыскать предсказания, чтобы найти...

– Я понял. И где нам искать эту пещеру?

– На одной из гор в Гималаях.

– Гималаи тянутся на две с половиной тысячи километров, являясь частью Индии, Китая и Непала. Если исследовать все горные пещеры в Гималаях, пусть даже только на южных склонах, нам не хватит и двухсот лет!

– «Путь к истине укажет луч солнца», – процитировал Мигранов.

– Эта фраза не несет никакой информации.

– На наш взгляд – да. Я тоже не понял этого. Но затем попытался поставить себя на место человека, который писан текст. Ведь посмотри: он объясняет, где находится пещера. Он указал район – это Гималаи. Он указал, что пещера находится на южном склоне и что она напоминает рот. Спрашивается, почему он не указал гору. Он хотел это скрыть? Нет, ведь он давал полное описание, по которому нужно найти пещеру. Человек, который будет читать данное послание, перед глазами имеет только эту статуэтку. Поэтому фразу «путь к истине укажет луч солнца» необходимо рассматривать в совокупности со статуэткой. Женя еще раз посмотрел на фигурку.

– А теперь внимательнее присмотрись к подставке, на которой стоит Иттла. Видишь, он стоит на неровной поверхности? Я полагаю, что это план горных хребтов Гималаев.

Женя пригляделся, и действительно, после пояснений стало понятно, что выпуклости на подставке изображают горы. Их было около двадцати, но ни на одной не было пометки, где находится пещера.

– Путь к истине укажет луч солнца, – задумчиво повторил Кузнецов.

– Не кажется ли тебе странной поза этой фигурки? – заметил Мигранов. – Иттла стоит, вытянув руки вперед ладонями вверх. Я полагаю, что пророк должен держать в руках изображение солнца. Один из лучей солнца должен указывать на искомую гору.

– Где же это солнце?

– Ты представляешь, я нашел его! Я полазил по каталогам и нашел его в Королевском музее истории и искусств Брюсселя.

– Ты молодец! – похвалил его Женя.

– Спасибо, – скромно улыбнулся Мигранов, потянувшись к полке за каталогом. Каталог составляли черно-белые фотографии античных предметов Королевского музея. Жене каталог показался слегка устаревшим.

– У него какой год издания? – спросил он Мигранова. Миша заложил пальцем страницу, на которой остановился в поисках «солнца», и перевернул каталог.

– 1955-й год.

– Я так и понял.

Мигранов возобновил поиск. Некоторое время он листал страницы, затем резко остановился.

– Вот оно. – Он подвинул раскрытый каталог Кузнецову. На фотографии была запечатлена металлическая бляха, во все стороны от которой расходились лучи разной длины. Под фотографией стояла подпись: «Диск Солнца. Золото. Найден графом де ля Бергом в 1902 году в Западном Пенджабе на полуострове Индостан».

– Мы не сможем по фотографии прикинуть – куда упадет луч? – спросил Женя.

– Вряд ли. Мы не знаем, где у «солнца» верх, где низ, как ляжет оно в руках Иттлы. Видишь, у «солнца» множество лучей. Поворот диска в руках фигурки на неправильный угол – и неправильный луч может дать ложные исходные данные в поисках горы. Я пола-

гаю, с обратной стороны «солнца» есть ключ, по которому оно вставляется в руки Иттлы. Видишь, на руках Иттлы выступы и пазы? Это точно ключ.

– Может быть, в более поздних каталогах фотографии «солнца» представлены с двух сторон?

– У меня это единственный каталог музея.

– Понятно.

– Тебе необходимо лететь в Брюссель.

– Ты мне сделаешь ксерокопию фотографии?

– Конечно.

Женя поморщил лоб.

– Кстати, почему мы ограничены во времени? – спросил он.

– От года создания Иттлы, то есть 2065 года до нашей эры, древние индийцы отсчитали срок, до истечения которого нужно «узнать истину». Они указали количество саросов – циклов лунных и солнечных затмений, величина одного цикла составляет 18 лет 11 дней и 8 часов, – а также количество полных и частичных лунных фаз.

– Ты хочешь сказать, что предсказание дано с точностью до часа?

– Почти! С точностью до дня! Я сложил саросы и лунные фазы, не забыв учесть високосные года. Получилось, что срок истекает 22 июля этого года.

Кузнецов присвистнул:

– Почему необходимо спасти жизнь человеческую до указанного срока?

– Трудно сказать. Возможно, это дата какого-нибудь древнеиндийского Армагеддона.

– Ты полагаешь, стоит к ней прислушаться?

– Понимаешь, Женя, это очень странно. Лицо Мигранова сделалось задумчивым, казалось, он смотрел не на Евгения, а в глубь веков. – Большинство предсказаний, допустим Апокалипсиса, дают расплывчатый срок наступления события. Но срок, указанный на Иттле, заметь, очень точен. До дня. Я с некоторым суеверием отношусь к таким вещам. Представляешь, они дают срок в четыре с лишним тысячи лет. И до истечения его осталось всего 3 недели. За это время необходимо найти путь к истине – предсказание.

Женя задумчиво потер подбородок:

– Все-таки это не то, что я ищу.

– Посмотрим, – произнес Мигранов.

В 15.20 этого же дня на самолете авиакомпании «Скандинавские авиалинии» Кузнецов вылетел в Стокгольм. В 14.45 по местному времени он приземлился в аэропорту Арланда и сделал пересадку на самолет авиакомпании «Файнэйр», который в 16.05 вылетел в Брюссель. После двух с лишним часов полета Кузнецов вышел из самолета в аэропорту «Брюсселе Национал».

В этой европейской стране Женя оказался впервые, поэтому тут же в аэропорте купил карту города. Он всегда так поступал в незнакомом месте. Обменяв пятьсот долларов на бельгийские франки, Кузнецов купил универсальный проездной на все виды транспорта и на метро добрался до Рю-де-Миди, улицы, на которой, как сообщал путеводитель, имелось множество дешевых отелей. Пока метро доставляло его до Рю-де-Миди, Женя обстоятельно изучил карту и путеводитель по Брюсселю. Оказалось, что столица Бельгии насчитывает всего около миллиона жителей, а по плотности населения Бельгия уступает лишь Нидерландам. Пропустив другую ненужную для себя статистическую информацию, Кузнецов нашел на карте Королевский музей истории и искусств, располагающийся в квартале Гранд Саблон.

На Рю-де-Миди Жене показалось, что он очутился в средневековом европейском городе. С обеих сторон над узкими улочками нависали невысокие двух-, трехэтажные дома с

остроконечными крышами. Он прошелся по улице, посидел за столиком уличного кафе, проглотив пять гамбургеров, выпив кофе и на десерт насладившись куском бисквитного торта.

Недалеко от пересечения Рю-де-Миди с Рю-де-Ченс Женья снял номер в небольшом семейном отеле. Комната была узкой, с высоким стрельчатым окном и низкой дверью, кровать застелена белоснежной простыней. Жене очень понравился строгий порядок в комнате, он даже смирился с тем, что его ноги не помещались на кровати.

Измотанный перелетами и сменой часовых поясов, Кузнецов быстро заснул. Ночь пролетела незаметно.

Он проснулся от солнечных лучей, бьющих через занавески на окнах. Наручные часы показывали десять утра. По местному времени. Вчера он перевел стрелки на два часа назад – Брюссель находился от Гринвича в следующем часовом поясе. Минут пятнадцать он лежал, закинув руки за голову, что-то обдумывая. Затем встал, почистил зубы и, не завтракая, вышел из номера. Путь его лежал к бульвару Императора, откуда начинался квартал Гранд Саблон.

Он купил билет в Королевский музей истории и искусств и некоторое время погулял по залам античного мира, рассматривая экспонаты. После этого он нашел отдел Древнего Египта, совмещенный с отделом Древней Индии, и очень внимательно осмотрел представленные древности. «Солнце» он не нашел. Женья еще раз тщательно осмотрел экспонаты, чувствуя, как его прошибает холодный пот. «Солнца» не было. Придя к выводу, что дальнейшие поиски – бессмысленная трата времени, Кузнецов подошел к смотрителю музея.

– Здравствуйте, мадам, – поздоровался он.

– Доброе утро, мсье, – ответила смотритель на приличном английском.

– Я представитель Британского музея. Я ищу вот этот экспонат, – сказал он, доставая из кармана ксерокопию «солнца» из каталога Мигранова.

Вежливо улыбаясь, смотритель нацепила на нос очки и внимательно посмотрела на ксерокопию.

– Боюсь, я не могу вам помочь, мсье. У нас нет такого экспоната.

– Это фотография из каталога вашего музея 1955 года. У вас ведь не пропадали экспонаты?

– Нет, мсье.

– И вы не передаете экспонаты другим музеям?

– Ну, как вам сказать. Бывает и такое. А знаете что! Поговорите с доктором Элеонорой Граббс. Она занимается исследованием экспонатов, у нее большие знания по истории музея.

Женья поблагодарил экскурсовода и, попросив проводить его к доктору Граббс, получил доступ в служебное помещение. В отличие от высоких и просторных залов Королевского музея служебные коридоры были тесными и узкими. Кузнецов и смотритель спустились на этаж ниже, женщина указала Кузнецову нужную дверь и оставила его. Женья толкнул дверь и вошел в комнату.

Комната оказалась небольшой, возле стен высились два книжных шкафа. Судя по переплетам, некоторые фолианты были весьма древними. Посередине комнаты стоял широкий стол, на котором молодая женщина лет двадцати семи – двадцати восьми (очевидно, доктор Граббс) изучала огромную каменную таблицу. Волосы доктора были собраны на затылке в пучок, на носу сидели большие очки в роговой оправе. Она одета была в длинный свитер, достоящий почти до колен, джинсы и кроссовки.

Женья закрыл за собой дверь. От щелчка замка доктор Граббс вздрогнула и обернулась.

– Прошу прощения, – произнес Кузнецов. – Надеюсь, мадам говорит по-английски?

Ее светло-серые глаза в растерянности забегали, а аккуратно очерченные губы приоткрылись. Похоже, он ее напугал. Чтобы смягчить обстановку, Женья улыбнулся.

– Да, я говорю по-английски, – ответила она. – Что вам угодно?

Женья достал из кармана ксерокопию и, подойдя ближе, показал ей.

– Это «солнце», найденное в 1902 году в Западном Пенджабе на полуострове Индостан графом де ля Бергом, значится в каталоге вашего музея за 1955 год. Однако, обойдя экспонаты, я не смог обнаружить «солнце». Более того, смотритель музея заявила, что никогда не видела данной вещи.

Доктор Граббс поморщилась и еще раз посмотрела на ксерокопию. Женя внимательно следил за ней.

– Я тоже что-то не припомню этого экспоната. Можно поинтересоваться, зачем он вам нужен?

– Видите ли, мадам... – Женя сделал паузу, стараясь сконцентрироваться и не допустить ошибок. – Мое имя – Жорж де ля Берг. Я потомок того де ля Берга, который нашел это «солнце».

Удивление в глазах доктора Граббс было настолько искренним, что Кузнецов понял – документов для удостоверения личности графа де ля Берга предъявлять не придется.

– Моя семья последние пятьдесят лет прожила в Англии, поэтому я почти не говорю по-французски. Мой бедный отец скончался от рака два месяца назад. Перед тем как отправиться в мир иной, он оставил письмо, доставшееся ему от моего прадеда. После смерти отца я вскрыл письмо и обнаружил там завещание. В нем было сказано, что если в двадцатом столетии семью де ля Бергов будут преследовать финансовые трудности, он разрешает отсудить у Королевского музея истории золотое «солнце», найденное им в Индии и отданное музеем в долг. Мой отец вложил все деньги семьи в акции угольных компаний. К сожалению, многие шахты закрылись, компании лопнули. Отец умер, а я остался без денег. Чтобы хоть как-то поддержать семью, я бы хотел вернуть эту реликвию. Ведь в письме ясно сказано, что вещь отдана музею в долг.

Элеонора Граббс посмотрела на него из-под своих роговых очков.

– И что же вы хотите?

– Прежде чем представлять дело в суд, я хотел бы найти «солнце».

– Я попытаюсь помочь вам, – с долей участия в голосе ответила она.

– Я был бы вам очень признателен!

– Можно еще раз взглянуть на ксерокопию?

– Пожалуйста.

Она положила ксерокопию на стол поверх каменной таблицы под мощный свет матовой лампы. Затем откуда-то из-под стола доктор Граббс достала большое увеличительное стекло. При его помощи она тщательно исследовала ксерокопию.

– Тут есть инвентарный номер. Зная его, найти предмет будет намного проще.

Она переписала номер на листок бумаги и подняла трубку телефона. После этого некоторое время разговаривала с архивом. Положив трубку, она улыбнулась ему.

– Да, действительно, эта вещь хранилась в нашем музее до 1967 года. В 1967 году граф Бисбрук предложил музею поменять эту вещь на две статуэтки египетской цивилизации эпохи XVIII династии фараонов.

– Граф Бисбрук, – повторил Женя.

– Этот человек знаменит как ценитель древностей и антиквариата. Я слышала о нем. Его особняк расположен, кажется, в Герардсбергене. Конечно, музей не имел права передавать другому лицу вещь, которая отдана ему в долг...

– Конечно-конечно, – Женя заторопился. – Спасибо. Вы мне очень помогли.

– Ну что вы! Если потребуется дополнительная помощь, звоните. – Она протянула ему свою визитную карточку. Женя взял ее, положил в один карман, сложил ксерокопию и положил в другой карман.

На площади Сен-Жан в информационном бюро Женя узнал адрес графа Бисбрука. Кузнецов хотел отправиться в Герардсберген сегодня, но понял, что вернуться до наступления

темноты не успеет. Поэтому он принял решение завтра с утра на электричке отправиться к графу Бисбруку, а сегодня погулять по Брюсселю, посмотреть город и заодно обдумать, что скажет завтра графу. Его речь должна быть убедительной и совсем не такой, какую он произнес сегодня перед доктором Элеонорой Граббс. Во-первых, ему необходимо сначала попасть к графу, пройдя возможную охрану, а во-вторых, Бисбрук может знать об истории «солнца» больше, чем доктор Граббс, поэтому что попало ему не совершить.

На Брюссель опускался теплый летний вечер, по одному зажигались окна двухэтажных домов. Около часа он бродил по улицам, рассматривая витрины магазинов на Рю-Намюр, вечерние фасады зданий, подсвеченные фонарями, и людей – спешащих, гуляющих, радующихся жизни и не обращающих внимания на русского ученого, пытающегося в одиночку совершить открытие, способное перевернуть сознание целого мира.

Он не имел представления, где находится, потому что давно не сверялся с картой. Улица была пустынна, лишь где-то впереди четверо молодых ребят слушали отрывистый рэп, доносившийся из магнитофона. Он споткнулся, едва не упав. Женя посмотрел под ноги и увидел развязавшийся шнурок на левом ботинке. Он присел возле стены и стал завязывать шнурок. Кто-то толкнул его в спину. Женя поднял глаза, и в этот момент последовал удар в висок. Кузнецову показалось, что в голове разбилась лампочка, а осколки ее посыпались на булыжную мостовую. После этого он потерял сознание.

...Из тумана проступила ярко-красная брошь. Перед глазами все плыло, но образ броши выполненной из множества мелких камней в форме овала и оправленных в позолоту, четко стоял перед его взором. А затем к Жене вернулся слух, и в его голову ворвался поток французской речи. Он не понимал ни единого слова, кроме постоянно повторяющегося имени Жорж. Женский голос твердил «Жорж-Жорж», Кузнецову это так надоело, что он готов был дать этому Жоржу пятьдесят долларов, лишь бы тот подошел к зовущей его женщине.

– Жорж, вы слышите меня? Жорж, очнитесь!

Женя чувствовал, что голова его покоится на коленях этой женщины. Несколько голосов рядом говорили по-французски, но эта женщина окликала Жоржа по-английски. Видимо, кто-то еще ранен, если она призывает Жоржа очнуться, подумал Кузнецов.

– Жорж, вы слышите меня? – Она звала Жоржа, а трясла его, Женю Кузнецова. Бестолковая женщина. Или она ЕГО называет Жоржем? Но почему?

Постепенно сознание Кузнецова начало проясняться. Конечно, Жорж – это он и есть, потому что держала его доктор Элеонора Граббс. Для нее он Жорж де ля Берг. Как она оказалась здесь?

– Что произошло? – еле слышно пробормотал Кузнецов.

– Похоже, вас ограбили. Как вы себя чувствуете?

Женя поднял голову с ее колен и сел. Он по-прежнему находился на пустынной улице Брюсселя, названия которой не знал. Он сидел на булыжном тротуаре, рядом с ним – Элеонора Граббс. Их окружали те четверо подростков с магнитофоном.

– Как вы себя чувствуете?

– Как будто столкнулся с локомотивом. – Женя дотронулся до виска и вскрикнул от боли. Лицо с правой стороны раздулось и пульсировало, при каждом толчке причиняя острую боль.

– Ребята говорят, будто видели, как двое, шедшие сзади, внезапно ударили вас, когда вы присели. Они быстро выпотрошили ваши карманы и убежали в проход между этими двумя домами.

Женя поднял глаза на доктора Граббс и отметил красную брошь из мелких камней на белоснежной блузке. Темные волосы доктора были распущены, очки в роговой оправе отсут-

ствовали, и теперь Женя видел, что перед ним симпатичная женщина. Прямой тонкий нос и ровные губы придавали лицу какую-то строгую красоту. Женя заметил это только сейчас.

– Что вы тут делаете, доктор? – спросил он.

– Я живу в соседнем доме... Вам повезло, что все в порядке. Удар в висок – очень опасный удар. Вы можете подняться?

– Кажется, да. – Он поднялся на ноги, поддерживаемый Элеонорой. Его слегка шатало. Он прислонился спиной к стене дома.

– Проверьте, что у вас украли, – настоятельно попросила она.

Женя сунул руку в карман, где у него находился бумажник. Бумажника, естественно, не было. В нем остались бельгийские франки на сумму чуть меньше пятисот долларов, несколько визитных карточек, записная книжка с телефонами. Женя сунул руку в другой карман и вздохнул с облегчением. Заграничный паспорт был на месте. Исчезли ключи с брелком в виде глобуса, который он купил в Америке. Две тысячи долларов лежали в маленьком кармашке на ремне чуть ниже правого колена. Женя потрогал колено. Деньги были на месте. Да, еще исчезла ксерокопия «солнца». Она лежала в одном кармане с бумажником.

– Исчез мой бумажник и ключи, – сказал он.

– Вам нужно обратиться в полицию, – произнесла Элеонора. – Будет лучше, если вы сделаете это прямо сейчас, пока здесь ребята – свидетели.

– Нет, это бесполезно.

– Почему? У нас высокий процент раскрываемое преступлений.

– Я не могу связываться с полицией, это отнимет у меня много времени, а времени почти нет.

– Ну, это ваше право... Хотя я считаю, что этим вы поощряете преступников совершать новые преступления.

Женя попробовал оторваться от стены, сделал шаг вперед, его качнуло, и он упал обратно на стену.

– Где вы сняли гостиницу? – спросила Элеонора.

– На Рю-де-Миди.

– Это почти на другом конце города. Пойдемте ко мне. Переночуете у меня. Места у нас немного, я живу с мамой, но диван для вас найдется.

– Спасибо, – поблагодарил Женя. Элеонора помогла ему пересечь улицу. Затем, пройдя один дом, они вошли в подъезд и поднялись на третий этаж. Квартирка у доктора Граббс была действительно небольшая, зато мать Элеоноры оказалась чрезвычайно чуткой женщиной. Она помогла дочери сделать грелку со льдом для распухшего виска Кузнецова, а затем накормила Евгения ужином.

– Спать будете здесь, в гостиной, – сказала Элеонора, когда ее мать отправилась в спальню. – Диванчик небольшой, но другого нет.

– Спасибо, Элен... Ничего, что я вас так назвал?

– Так меня называют все.

Женя разглядывал полки с книгами в гостиной, прижимая к виску грелку со льдом.

– Вы любите фантастику? – спросил он.

– Я люблю научную фантастику. Правда, археологию обожаю не меньше.

Женя присел на диван. Она хотела уйти, но задержалась в дверях.

– Вы собираетесь завтра к Бисбруку? – спросила она.

– Да, я хотел бы удостовериться, что «солнце» находится у него.

– Я могла бы съездить с вами к графу.

Поначалу Женя подумал о том, что это могло быть полезно, но потом понял: Элен сильно ограничит его в средствах общения с графом. И наконец, в ее глазах он сам потомок

графа, а представляться перед Бисбруком в этом образе Кузнецову не хотелось. Настоящий граф быстро его раскусит.

– Нет, спасибо, мне не хотелось бы отрывать вас от работы.

– Тогда после поездки к Бисбруку я могла бы показать вам пригороды Брюсселя. Там очень красивые места – аббатство Ла-Шамбр, государственный ботанический сад.

– Ну, может быть, после того, как я посетю графа, вы покажете мне Брюссель? Она улыбнулась:

– Договорились.

За сорок минут электричка домчала Кузнецова до Герардсбергена, города, – расположенного на юго-востоке провинции Ост-Вландерен, где в величественной зелени деревьев утопали старинные замки Оденберг и Виан, аббатство Святого Аяриана, а также дом графа Бисбрука.

Дом Женя нашел быстро. Первый же прохожий указал на расположенный возле реки Дендер двухэтажный особняк со скульптурами вдоль каменного забора, фонтанами и подстриженными деревьями. Чем ближе Евгений Кузнецов подходил к особняку, тем больше убеждался, что дом и пристройки выполнены в древнегреческом стиле. Вход в дом начинался с широкой лестницы из белого мрамора, входные двери скрывались за четырьмя высокими колоннами, заканчивающимися атлантами, держащими навес. Перед дворцом был разбит французский сад с подстриженными в форме шара тисами, с невероятно четкой геометрией посадок кустов самшита, квадраты и прямоугольники которых образовывали дорожки. Евгения поразило обилие скульптур не только вдоль забора, но и у фонтанов, возле прогулочных дорожек и на самом здании. Было видно, что хозяин богат и обожает тратить деньги.

У металлических ворот с выписанной на них буквой «М» (Женя не понял, почему «М», ведь фамилия хозяина начиналась на «Б»), его остановили двое охранников в пиджаках. Один из них что-то сказал Жене по-французски.

– Мне необходимо встретиться с вашим хозяином. Это очень важно.

Охранник подозрительно посмотрел на образовавшийся за ночь под левым глазом Кузнецова синяк и вновь заговорил на французском. Жене пришлось на ломаном французском произнести: «Я должен поговорить с вашим хозяином», после чего охранники умолкли. Секунд через пять все тот же охранник что-то спросил.

– Моя фамилия Смит, – произнес Кузнецов, хотя вопроса не понял.

– Смит? – переспросил охранник. Женя кивнул. Охранник запросил кого-то по рации. Пока они переговаривались, внимание Жени привлек забор. Снаружи он действительно был каменным, но за аккуратными кустами, посаженными позади забора, располагалось еще одно ограждение – из проволоочной сетки. Желтый знак с изображением черепа и молнии недвусмысленно указывал на то, что через забор пропущен электрический ток.

– Смит! – крикнул охранник так, что Женя вздрогнул. Он подозвал Кузнецова к себе, обыскал его. Обнаружив кошелек на колоне, охранник убедился в том, что кошелек не представляет опасности, и открыл ворота. Пройдя через них, Кузнецов оказался в зеленом раю.

Какая невероятная работа людей, подстригающих кусты и деревья в саду! Фонтаны со скульптурами создавали атмосферу величественности. Хозяин этой усадьбы должен ощущать себя настоящим королем. Женя чувствовал себя здесь неуютно, он попытался скорее преодолеть путь до дома. Поднявшись по мраморным ступеням, он оказался в тени под сенью крыши. Чернокожая служанка в белом фартуке и еще один охранник, стоявший поодаль, встречали его. Служанка произнесла по-английски:

– У вас есть две минуты, мсье, чтобы изложить цель вашего визита графу Бисбруку.

Женя кивнул, показывая, что понял. Его пропустили в дом. Приемная была огромна. Купол потолка уходил высоко вверх. Вдоль белоснежных стен стояли бронзовые скульптуры. Полупрозрачный пол под ногами заставлял ступающего на него человека лишний раз проверить чистоту обуви. В пол была впечатана огромная буква «М». В проеме высоких дверей, ведущих, по мнению Евгения, в не менее потрясающую гостиную, стоял хозяин. Женя не мог ошибиться, именно этот человек являлся хозяином роскошной усадьбы. Он был в темно-синем, расшитом золотом халате, в брюках, галстук и белой рубашке. Седые волосы гладко зачесаны назад, аристократические черты лица: прямой нос, смеющиеся глаза с множеством морщинок в уголках, брови взлет, сложенные в ироничной улыбке губы.

– Я – граф Бисбрук, – произнес он, не сходя с места. – Что вам нужно, молодой человек?

– Моя фамилия Смит, я представитель Британского музея. Меня интересует древнеиндийский золотой диск, изображающий Солнце. Я знаю, что в 1967 году Королевский музей истории и искусств предоставил вам «солнце» в обмен на две древнеегипетские статуэтки.

– Что ж, я этого не отрицаю, но зачем оно вам?

– Дело в том, что наш музей располагает, как мы думаем, древнеиндийской статуэткой, частью которой «солнце» как раз и является. При сложении эти вещи указывают местонахождение древнего Хараппского погребального города. Это будет великим открытием в археологии.

– Интересно. Но, к сожалению, у меня нет «солнца». Я продал его, посчитав подделкой.

– Кому вы его продали?

Граф наморщил лоб, пытаясь припомнить.

– Кажется, его звали Велор.

– Велор? – переспросил Женя.

– Да, он был ростовщиком на углу Рю-д'Аренбург и Рю-де-Броус в столице. Ему было много лет в то время. Я полагаю, он умер сейчас.

– Но лавка, очевидно, осталась?

– Да, лавка осталась.

В Брюссель Женя возвращался со смешанным чувством. Что-то уж очень много неясностей с этим «солнцем». Кузнецов пообедал в маленьком кафе возле королевского дворца и отправился искать угол Рю-д'Аренбург и Рю-де-Броус. Это место он нашел быстро. На углу улиц находилась лавка Велора. Далее для Евгения все происходило в замедленном темпе. Словно во сне он открыл дверь в лавку, лениво звякнул колокольчик. Женя очутился в полутемном помещении, наполненном старыми платьями, костюмами, пальто, шубами, а также пузатой антикварной мебелью – трюмо, комодами, шкафами. Антикварные часы занимали всю правую стену – в основном это были маятниковые часы, а одни напольные особенно поразили Женю своими размерами.

Длинный проход вел к прилавку. Древняя старуха за прилавком сквозь большую лупу разглядывала японскую нэцке в виде свиньи. Женя приблизился к прилавку и обнаружил под стеклом невероятное множество ценных вещей – часы, кольца, браслеты, запонки, броши, серьги, небольшие позолоченные подсвечники, серебряные столовые приборы, небольшие статуэтки. Все вещи были спрятаны под толстым (очевидно, пуленепробиваемым) стеклом и находились в жутком беспорядке.

– Добрый день, мадам, – обратился Женя к старухе и понял, что это старик.

– Если ты не можешь отличить мужчину от женщины, дубина, иди вон отсюда! – не замедлил последовать ответ.

– Я прошу прощения, мсье, – стараясь вложить в свои слова как можно больше лести, произнес Кузнецов.

– Меня зовут Велор! Это мое имя там, на вывеске!

– Да-да, конечно!

– Ты еще один чертов турист?

– Нет... то есть да.

– У меня ничего нет для туристов, у меня ломбард. Иди прочь!

– Подождите! – Женя перевел дух. – Я ищу вещь, которую продал вам граф Бисбрук много лет назад. Быть может, вы подскажете мне, кто купил ее. Это такой позолоченный диск с отходящими от него лучами. Он изображает солнце. Вы помните его?

– Помню ли я его? – прошепелявил старик. – Конечно, я помню эту штуковину, потому что ее так никто и не купил.

Ноги Евгения будто вросли в пол, а пальцы нервно сжали угол прилавка так, что побелели костяшки.

– И где же оно?

– Здесь, конечно! – Откуда-то из кармана своей кофты Велор достал ключ и отпер стекло прилавка. Он приподнял его и стал шарить рукой среди золотых колец, сережек и подсвечников, разгребая завалы. – Вот оно.

И старик вытащил на свет божий... (Женя не мог поверить своим глазам!)... древнеиндийское «солнце», часть статуэтки Иттлы. Оно было размером с ладонь и полностью соответствовало (насколько Женя помнил) фотографии из каталога 1955 года Королевского музея истории с одним отличием: фотография была черно-белой, а «солнце» тускло светилось в свете лампы желтым цветом.

– Оно валяется тут с восьмидесятого года. Я раз пятнадцать собирался сдать его в переплавку, да все руки не доходили... – Старик замолчал. Женя понял, что он ждет вопроса.

– Сколько? – спросил Кузнецов. Велор заулыбался, и Женя увидел, что во рту у старика остался всего один зуб.

– Пятьсот сорок тысяч франков, но так как его долго никто не покупал, я могу уступить вам за четыреста тридцать, или двенадцать тысяч американских долларов.

– По какому курсу вы считали? – спросил Женя.

– Все точно, молодой человек. Итак, что скажете? У Жени имелось только две тысячи. Но был вариант.

– Через час я принесу деньги.

– Отлично! Я буду ждать.

С неохотой вернув «солнце» перекупщику, Женя вышел на улицу из душного помещения и вдохнул свежий воздух. Существовал вариант достать деньги. Он пошел по Рю-д'Аренбург. Каждые три месяца институт Лос-Анджелеса через банк «Юнион Трейд» перечислял десять тысяч долларов на исследования Кузнецову. Женя тратил эти деньги на зарплату себе и Шакирову, на оборудование, на командировки и суточные. Часть денег уходила Институту физики Земли. Приличную долю поглощала налоговая служба Российской Федерации. На счету сейчас находилось двенадцать тысяч долларов. Только что начался новый квартал, «Юнион Трейд» исправно перечислил деньги. Если Женя возьмет эти деньги, ему придется отчитаться за них. Но он не сможет предъявить ни корешков авиабилетов, ни чеков из ресторанов, ни счетов из гостиниц. Кроме этого придется разбираться с институтом и налоговой службой. По прибытии в Москву ему придется несладко. Женя продолжал идти и думать еще некоторое время, а затем произнес решающую фразу:

– Будь что будет!

С этими словами он вошел в отделение Национального Бельгийского банка и снял по карточке «Виза» двенадцать тысяч долларов. Деньги – пачка стодолларовых банкнот в конверте – легли во внутренний карман костюма бандита Жан-Люка Перье, в котором теперь ходил Кузнецов. Уже твердой и решительной походкой Женя направился обратно в лавку Велора.

Велор ждал его. Как и час назад, посетители отсутствовали. Женя подошел к прилавку:

– Где «солнце»?

– Оно здесь, – с медом в голосе произнес старик, выкладывая диск на стекло прилавка. Женя достал из внутреннего кармана конверт с деньгами и положил его рядом с «солнцем». Велор взял конверт, Женя взял в руки «солнце». Велор начал проверять деньги, Женя – осматривать купленный предмет.

– Ну, спасибо за покупку, – произнес Велор, пряча деньги куда-то под прилавок.

– А чек вы пробивать не будете?

– Ну, – расплылся в своей противной улыбке Велор, – зачем же чек? Если вы надеетесь, что я обменяю вам эту вещь, то вы ошибаетесь. Мне она больше не нужна.

Женя только махнул рукой на старика, желая наконец убраться из этой душной лавки. Он вышел на улицу. Радость переполняла его. Он не думал, что все выйдет так просто. Он управился за два дня! Ему захотелось поделиться своей радостью с кем-либо, и он решил позвонить Мише Мигранову с ближайшего телефона.

– Мигранов слушает!

– Миша, это Женя!

– Не может быть! Ты где?

– Я звоню из Брюсселя, Миша! Оно у меня, слышишь?

– Я не верю! Как ты умудрился спереть его из музея? За тобой сейчас, наверно, гоняется половина Бельгии? Женя засмеялся:

– Все оказалось гораздо проще. Я сегодня вылетаю к тебе! Женя посмотрел на часы. – Нет, очевидно, я вылетаю завтра.

– Великолепно! Завтра весь день я буду на работе!

– Пока, Миша!

– Женя, ты молодец! – С этими словами Мигранов повесил трубку. С улыбкой на устах Женя вышел из кабинки. Его внимание привлек мужчина, звонивший по соседству. Человек что-то говорил по телефону, но их взгляды случайно встретились, и человек поспешил отвести глаза. Женя тоже отвел взгляд и быстро зашагал по улице. Он прошел здание телефонной компании, остановившись на углу у палатки с брелками, и стал рассматривать их, искоса поглядывая в сторону входных дверей телефонной компании. Человек, который встретился с ним взглядом, вышел на улицу. Он был не один. Его сопровождал другой мужчина, повыше ростом и более крупного телосложения. Они остановились у входа и стали о чем-то беседовать. Женя отвернулся от них, взял в руки с прилавка маленькое зеркало и стал наблюдать, что творится за спиной. Мужчины уже не говорили. Человек небольшого роста ушел, а высокий стал приближаться. Женя положил зеркальце. Сомнения отпали. За ним велась слежка!

Женя быстрой походкой пошел по улице. Кто это мог быть? Кому понадобилось следить за ним? Если это люди рене Жино из Марселя? Женя мало в это верил. После Австралии слежка за ним должна была оборваться. К тому же он сомневался, что люди Жино стали бы следить за ним. Они просто пристрелили бы его при первом удобном случае. Тогда кто это? Грабители, пытающиеся украсть у него золотой диск «солнца»?

– Черт возьми! – пробормотал он. От преследователя надо было отрываться.

Он оказался на пересечении улиц. Светофор на переходе сменил свой цвет с красного на зеленый, предоставляя автомобилям право движения. Автомобили тронулись, для Евгения зажегся красный свет, но он рванул через дорогу, обегая автомашины. Несколько гудков раздалось в его адрес, но Кузнецов уже оказался на другой стороне улицы. Он мельком оглянулся: его преследователь тоже пытался пересечь дорогу на красный свет. Да, Женя не ошибся. Слежка именно за ним. Женя побежал.

Он бежал, иногда сталкиваясь с людьми. Люди что-то кричали ему вслед. Он оглядывался. Высокий мужчина не отставал от него. Женя повернул голову и налетел на толпу тури-

стов в пестрой одежде. От неожиданности он споткнулся и повалился на какую-то пожилую мадам. Они вместе упали на тротуар, причем Женя оказался сверху.

– Es ist Rauber!¹ – повторяли туристы.

– Я очень извиняюсь, – пробормотал Женя, вскочил и побежал дальше. Никто из туристов не сделал попытки его остановить.

Напротив магазина одежды стояло такси с открытой дверцей. Очевидно, водитель ожидал какого-то покупателя из магазина. Женя прыгнул в автомобиль.

– Пятьдесят долларов! – крикнул он, прервав этим попытки водителя возразить. – Трогайтесь и поворачивайте направо за угол.

– Окей! – ответил водитель, подумав, что имеет дело с сумасшедшим янки.

Автомобиль тронулся. Женя оглянулся. Человек, преследовавший его, выбежал на дорогу и остановил следующее такси.

– За углом высадите меня! – попросил Женя. – Затем прошу вас проехать квартала три, поплутав по улицам. Вот деньги.

– Окей! Любовница? – спросил водитель на ломаном английском.

– Хуже – жена.

Он выскочил из автомобиля, как только они повернули за угол. Водитель покатил дальше, а Женя вбежал в первый попавшийся магазин и сквозь щелочку приоткрытой двери стал следить за улицей. Секунд через пятнадцать мимо проехало такси с высоким человеком на заднем сиденье. Женя захлопнул дверь. Кажется, он оторвался.

– Вам что-то угодно? – раздался у него за спиной голос молодой девушки.

– Да, я хотел бы посмотреть... – отчеканил Женя, поворачиваясь, и обмер. Магазин заполняли розовые искусственные фаллосы, кожаные клепаные куртки, трусики, лифчики и резиновые куклы в человеческий рост с разинутыми ртами. Он оказался в секс-шопе! – Нет, извините, я ошибся.

– Тут нечего стесняться, – произнесла девушка за прилавком. – Может, вас интересуют отличные наборы для однополрой любви?

Женя выскочил из магазина как ошпаренный. Такси с высоким человеком уже видно не было. Женя постоял несколько секунд перед витринами секс-шопа и двинулся в сторону остановки трамвая.

Женя позвонил Элеоноре Граббс домой и договорился с ней встретиться утром перед входом в музей. Так они и поступили. Музей был еще закрыт. Они вошли в здание со служебного входа, охраннику Элен представила Кузнецова коллегой.

– Значит, вы нашли, что искали? – спросила она.

– Да, но у меня есть сомнения. Вернувшись из Герардсбергена, я обнаружил, что за мной кто-то следит.

– То есть как – следит? – не поняла доктор Граббс.

– Двое мужчин следовали за мной по пятам.

– Это странно, – произнесла доктор.

Женя внимательно посмотрел на нее. Элеонора вновь спрятала свою привлекательность за очками и простотой костюма. Кузнецов никак не мог забыть, какое она произвела на него впечатление, когда он пришел в себя после ограбления.

Они поднялись на второй этаж по старой широкой лестнице с железными перилами. Прутья перил переплетались и образовывали...

Женя даже остановился. Узор из железных прутьев перил был похож на узор на воротах графа Бисбука. Узор представлял собой обрамленную листьями и стрелами букву «М».

¹ Это грабитель! (нем.)

– Что означает эта буква? – спросил Женя, показывая на перила.

– Не знаю, – пожала плечами Элен. – Музей был построен в девятнадцатом веке. Возможно, это первая буква фамилии архитектора.

– А разве принято среди архитекторов вписывать заглавные буквы своей фамилии в элементы зданий? Я полагал, что обычно это первая буква фамилии хозяина.

– Возможно, вы правы. Тогда я не могу сказать, что она означает.

– На воротах графа Бисбрука такая же буква.

– Интересно. Я попробую в этом разобраться. Они подошли к двери кабинета Элен.

– Как ваш висок? – спросила она.

– Спасибо, лучше. Вчера весь день у меня болела голова. Некоторое время Элеонора провозилась, пытаясь открыть замок.

– Раньше он великолепно открывался, – произнесла она. Еще после трех минут усердных попыток замок поддался. Они вошли внутрь.

– Надо попросить, чтобы вам сменили замок, – посоветовал Кузнецов.

– Это все из-за того, что остальные ключи потеряны. Этот ключ единственный настоящий. Еще один есть у директора музея, но изготовлен позже и плохо подходит к замку. Помню, как-то он вошел, воспользовавшись своим ключом. Я потом долго не могла отпереть дверь, почти как сейчас... – Она замолчала, оглядывая комнату.

– Что-то не так? – спросил Женя, проследив за ее взглядом. Особых изменений в комнате по сравнению с позавчерашним днем он не обнаружил.

– Нет, – засмеялась она, – все так!

Они прошли в комнату.

– Хотите кофе? – спросила она.

– С удовольствием, – откликнулся он.

Элен быстро приготовила кофе в кофеварке. Не дожидаясь приглашения, Женя присел в кресло и достал из нагрудного кармана «солнце», завернутое в платок. Он снял платок и передал «солнце» доктору Граббс. Она бережно приняла вещь, в обмен передав Кузнецову кружку дымящегося кофе.

– Осторожно, он очень горячий, – предупредила она.

– Что скажете? – спросил Женя.

– А что я должна сказать? – удивилась Элеонора.

– С одной стороны диска должны находиться пазы, при помощи которых «солнце» вставляется в руки фигурки Иттлы.

– Кого?

– Не важно. На этом диске нет углублений.

– И что вы, собственно, от меня хотите, доктор Кузнецов?

Женя поперхнулся. Кофе обжег ему горло, горячая жидкость изо рта невольно выплеснулась на стол и документы. Элен схватила бумажные салфетки и принялась вытирать ими стол. Женя закашлялся. Горло саднило, Жене казалось, что он с успехом может извергать огонь.

– Откуда вы узнали? – наконец произнес он.

– Зачем же вы солгали мне? – ответила она вопросом на вопрос. – У графа де ля Берга не было детей, и все свои находки он завещал музею. Я не вызвала охрану только потому, что мне стало интересно.

– Откуда вы узнали мою настоящую фамилию?

– Я посмотрела ваш паспорт, пока вы спали. А посмотрев на ваш пропуск, в Интернете я нашла очень интересную страничку о московском Институте физики Земли. Там есть ваша фотография. Зачем вы солгали мне? Неужели я не помогла бы вам, доктору наук?

– У вас талант сыщика, – усмехнулся он.

– Археология чем-то напоминает сыск.

– Мне было необходимо найти «солнце». – Женя отставил в сторону чашку с кофе. Он чувствовал себя ужасно неловко.

– Вам, очевидно, снова нужна моя помощь, иначе вы не пришли бы ко мне?

– Да, – коротко ответил Евгений.

– Я помогу вам, если вы расскажете мне правду. Зачем все это вам, сейсмологу?

Женя оглянулся на входную дверь. Она была закрыта.

– Этот рассказ должен остаться между нами. Не потому, что рассказ тайна. Просто моя жизнь находится в опасности, и, если вы расскажете про Иттлу еще кому-нибудь, ваша жизнь тоже окажется под угрозой. Поймите меня правильно, я не запугиваю вас. Таково положение вещей... Так вот, год назад в Индии была найдена фигурка пророка Иттлы. Как объяснил мне друг-историк, она – произведение Хараппской цивилизации, выполненное из чистого золота. Информация о нахождении фигурки поступила ко мне совершенно случайно. Можно даже сказать, что только несколько человек знали об этом, среди них оказался я. Фигурку нашел, а точнее – украл из храма, один господин из Марселя по фамилии Жино. Он не знал о ее истинной ценности и поэтому пытался продать как древнюю реликвию. Не буду рассказывать, как я встретился с ним, но он обратился ко мне с предложением найти покупателя для Иттлы.

– Вы что, являетесь торговцем?

– Нет... – Женя замялся. – Я ищу по миру вещи, которые объединяет одно обстоятельство... Я не хотел бы сейчас говорить об этом, потому что вы можете посчитать меня сумасшедшим.

– Ну почему же?

– Может быть, в следующий раз. Так вот, когда он показал мне фигурку, я понял, что это та вещь, о которой было упомянуто в одном древнем пергаменте. Иттла содержит в себе информацию о пещере, в которой хранится древнее предсказание. Я полагаю, это предсказание об ужасном землетрясении, которое потрясет один из континентов.

– Предсказание землетрясения на четыре тысячи лет вперед?

– Да.

– Вы серьезно?

– Я очень серьезен.

– Значит, предсказания о грядущих землетрясениях вы ищете в вещах по всему миру? Теперь я знаю, как сейсмологи делают свои прогнозы.

Женя сделал долгую паузу:

– Нет. Больше я ничего не могу рассказать. Элен усмехнулась.

– Вы еще больше окутали мраком свою историю. Я не верю в это. И я не верю, что древнеиндийский пророк мог предсказать землетрясение на четыре тысячи лет вперед. Вы можете объяснить – как это возможно?

– Это возможно, если знать физику и характер движения тектонических плит, градиенты напряжений литосферы, конвекцию магмы.

– Кто был этот Иттла? Вы же говорили о пророке, а не о выдающемся сейсмологе древности!

– Помогите мне, – умоляюще попросил ее Евгений. Она замерла, глядя ему в глаза, – Мне требуется ваша помощь. Мой друг историк сейчас далеко, а вы единственный специалист, которого я знаю.

– Хорошо, чего вы хотите?

Евгений быстро отхлебнул слегка остывший кофе, чтобы смочить пересохший язык.

– Мне нужен каталог 1955 года, где есть фотография «солнца».

– Но вот же оно! «Солнце» у вас в руках!

– Я не знаю, я не уверен... Элен надела очки.

– Хорошо, – произнесла она. – У меня есть этот каталог.

Она повернулась к полкам и с самой верхней достала толстый каталог, в точности такой же, как и у Мигранова. По оглавлению она нашла нужную страницу и быстро перелистала каталог.

– Вот «солнце», – сказала она, протягивая каталог Евгению. Женя взял каталог и положил его на стол. Рядом с фотографией на соседний лист он положил диск «солнца», некоторое время покрутив его, чтобы расположить так же, как на картинке. Солнечный диск полностью соответствовал фотографии.

– Ваш диск соответствует фотографии. Что вы хотели найти? – спросила она.

– Пазы на диске. Солнце как ключ должно вставляться в протянутые руки статуэтки, иначе один из самых длинных лучей, видите, которых здесь несколько, может показать не на ту гору под ногами фигурки.

– Я ничего не поняла, – произнесла Элен.

– Вам нужно увидеть фигурку.

– Может, пазов и не должно быть.

– Выходит так, – сказал Кузнецов, проводя рукой по листу с фотографией «солнца». – Вы можете заказать радиоуглеродный анализ?

– Вы все-таки не верите?

– Я хочу быть уверен полностью.

Женя замер. Пальцы его продолжали гладить страницы каталога. На лице доктора Граббс отразилось легкое недоумение.

– Что с вами? – спросила она. Женя словно очнулся, быстро посмотрел на нее и низко наклонился к каталогу.

– Можно больше света? – попросил он. Элен включила мощную галогеновую лампу над столом.

– Увеличительное стекло у вас есть? – снова спросил он. Она достала из стола увеличительное стекло и протянула ему. Женя, не поднимая головы, взял стекло и принялся изучать страницу. После некоторой паузы Кузнецов произнес:

– Эта страница вклеена в каталог отдельно. Она отличается от соседней по шероховатости. Кроме того, здесь видны следы вырванной старой страницы и капли клея, при помощи которого вклеивали эту. Посмотрите. – Женя протянул увеличительное стекло Элен. Она надела очки и, воспользовавшись увеличительным стеклом, начала тщательно изучать страницу. Сравнила обе страницы, прошла вдоль переплета и, наконец, подняла голову.

– Странно, – произнесла она. – Кто-то вклеил эту страницу в каталог.

– Кому принадлежал каталог до вас?

– Луису Торжену. Он археолог. Я могу позвонить ему.

– Узнайте – он ли вклеил страницу. Вы можете сказать номер вашего факса в музее?

– Зачем?

– Я сейчас позвоню своему другу археологу, и он вышлет по факсу фотографию «солнца» из его каталога.

– Да, вот номер, – сказала она, написав номер факса на листе бумаги.

Евгений Кузнецов вышел из здания музея и пошел вдоль улицы, разыскивая телефон-автомат. Сомнения терзали его. Он не мог понять – что такое связано с «солнцем», раз по пятам следуют неизвестные люди, страницы в каталоге оказываются переклеенными, а...

Женя остановился, пораженный внезапной догадкой. Кажется, он все понял!

Несомненно, в первую очередь необходимо получить фото «солнца» из каталога Мигранова. Женя подошел к полицейскому и по-английски спросил его – как найти телефон-автомат для международных переговоров. Полицейский, подозрительно посмотрев на

синяк под глазом Кузнецова и вздутый висок, показал на кабинку автомата прямо напротив. Женя поблагодарил полицейского и направился к автомату.

Он совершенно забыл проверить, нет ли за ним слежки. Женя обернулся. По тротуару прохаживались горожане и туристы. Каждый направлялся по своим делам, и всем вместе им не было дела до Евгения Кузнецова. Однако Женя не сомневался, что среди этих людей находились глаза, которые внимательно следили за каждым его движением.

Кузнецов вошел в кабинку, снял трубку, вставил телефонную карточку и набрал код России. Дождавшись гудка, он набрал код Санкт-Петербурга и телефон Мигранова. Трубку поднял незнакомый человек.

– Позовите Мигранова, – попросил Женя.

– А кто это? – невинно поинтересовался незнакомец.

– Это Женя, где Мигранов?

– Женя? Вы по междугородному звоните?

– Да, позовите срочно Мигранова! – Незнакомец начинал раздражать.

– А как ваша фамилия, Женя?

Кузнецов повесил трубку. Настойчивость незнакомца была подозрительна, тем более что он упорно не хотел и даже не собирался звать Мигранова к аппарату. Это было странно, так как телефон находился в кабинете Миши и незнакомцам там делать было нечего. С тех пор как Женя привез ему Иттлу, Мигранов вообще никого не оставлял в кабинете, пусть даже сейф с Иттлой был спрятан.

– Странно, – пробормотал Женя себе под нос и вышел из автомата.

Летнее солнце сияло над крышами Брюсселя, в некоторых местах над домами высились остроконечные шпили соборов. Странности следовали одна за другой. Женя не спеша побрел по булыжному тротуару, пытаясь свести все воедино. Он совершенно не заметил, как вновь очутился у служебного входа в Королевский музей. Здесь возникла заминка, так как сменился охранник, который пропустил его утром. Новый охранник совершенно не понимал по-английски и не хотел пропускать Кузнецова в служебные помещения.

– Позвонить! Дайте мне позвонить! – очень артистично объяснял Женя охраннику свое желание. Но тот отрицательно мотал головой и не позволял воспользоваться служебным телефоном. Придя к выводу, что дальнейшие препирательства бесполезны, Женя вышел на улицу и воспользовался телефоном-автоматом. Номер Элен долгое время был занят. Женя купил себе шоколадный батончик и, жуя его, продолжал упорно набирать номер, ожидая, когда освободится линия. Наконец в трубке раздались длинные гудки. Женя ждал бесконечно долго, Элен трубку не поднимала.

Кузнецов начал волноваться.

Он насчитал двадцать гудков и повесил трубку. Что-то происходило прямо в его присутствии. Он нервно вытер губы. Вместо Мигранова к телефону подошел незнакомый человек, Элен исчезла буквально на глазах! Только что она разговаривала по телефону, а сейчас не отвечает! Женя вышел из будки. Голова кружилась, солнечный день совершенно не радовал.

Он присел на скамейку рядом с древним старичком, наслаждающимся солнечным утром. Женя заставил себя неспешно доесть шоколадный батончик, чтобы успокоить нервы. Он знал: у него есть склонность к обжорству. Успокоение нервов набиванием желудка ничем другим назвать нельзя. К тому же у Кузнецова была генетическая предрасположенность. У его отца к шестидесяти годам было такое брюхо, что в некоторые двери он проходил с трудом. Женя же постоянно находился в поездках и набрать вес просто не успевал. Но если только он займется сидячей работой, ожирения ему не избежать.

Глаза Кузнецова внимательно следили за окружающими. Была ли сейчас за ним слежка? Он не мог сказать. Сразу несколько человек, находившихся на улице, могли являться

потенциальными наблюдателями, и в то же время они могли быть обычными людьми, ожидающими чего-то.

Вот молодой человек, прислонившись спиной к фонарному столбу, читает газету. Он иногда поднимает глаза, оглядывая окружающих, и вновь возвращается к прессе. Вот мужчина средних лет в коричневом джемпере разглядывает витрину кондитерского магазина. Вот двое мужчин разговаривают, бросая косые взгляды по сторонам. Каждый задержавшийся человек казался Кузнецову подозрительным.

Его сосед по лавке поднялся кряхтя и, опираясь на палку, заковылял прочь. Женя посмотрел на часы и обнаружил, что просидел на лавке уже тридцать минут. Он решил еще раз позвонить. Трубку подняла Элен.

– Слава богу! – выдохнул он в трубку, – Я весь изволновался! Где вы были?

– Я ходила в архив. Я узнала очень интересные вещи. Где вы?

– Я на улице. Меня не пускают в музей.

– Подходите к входу. Я сейчас спущусь. Через четыре минуты Элен спустилась к охраннику, и Женю пропустили.

– Ваш друг послал факс? – спросила она.

– Его нет на месте. Вместо него в кабинете другой человек. Это странно.

– Это не странно, – произнесла она, открывая дверь в кабинет. – Сейчас я расскажу, что такое странно. Женя опустился в кресло. Она не стала садиться.

– Посмотрите, что я нашла в перечне инструкций для смотрителей залов и работников музея. – Она протянула ему листок бумаги на французском языке с красивой печатью на подписи под текстом.

– Я не понимаю по-французски, – сказал Кузнецов.

– Это секретный циркуляр для работников музея. Содержание требуется знать наизусть. В нем сказано, что, если к сотрудникам музея обратится кто-либо с просьбой предоставить информацию о предмете «солнце», найденном графом де ля Бергом, необходимо сообщить об этом по определенному телефону и задержать посетителя под любым предлогом в течение пятнадцати минут. Циркуляр датируется 1968 годом. Интересно, не правда ли?

– Очень даже... – произнес ошеломленный Кузнецов.

– Далее, я звонила Луису Торжену, он не помнит ничего, связанного с каталогом 1955 года. Практику вклеивания страниц он полностью исключает. Тогда я обратилась в архив и нашла там каталог 1955 года. Как вы думаете, что я обнаружила в нем?

Женя взял со стола кружку кофе, которую не допил полчаса назад.

– Там тоже заменена страница, – ответил он.

– Страница с «солнцем» в этом каталоге вообще отсутствует. Она вырезана лезвием. Люди, совершившие это, аккуратно заменили страницу в моем каталоге и небрежно вырезали страницу из каталога архива! Подождите! – Она перестала говорить, оглядывая свой кабинет. – Это было сделано сегодня. Теперь я уверена, что здесь кто-то был. Все вещи вроде бы стоят правильно, но не так. Кто-то копался в моих вещах...

– Особенно в книгах, – добавил Кузнецов.

– Да, – продолжила она, – и замок не сразу открылся. Я думаю, кто-то воспользовался отмычкой.

– Или ключом, который у директора. Элен посмотрела на Евгения.

– Я сейчас позвоню ему, – быстро сказала она, уже поднимая трубку телефона.

– А вдруг он тоже в этом замешан? – произнес Женя, перехватывая ее руку.

Элен замерла. Она положила трубку и упала в кресло. На лице застыло такое выражение, словно ее ударила молния. Женя отхлебнул холодного кофе из чашки.

– Хороший кофе, – сказал он, чтобы вывести ее из прострации.

– Что же это такое?! – произнесла Элен. – Зачем кто-то подменил страницу в каталоге?
– Чтобы мы не узнали, как выглядит настоящее «солнце». Видимо, диск, который я приобрел, – это подделка.

Она непонимающе посмотрела на него.

– Теперь ясно, что мое ограбление не было случайным. Оно являлось лишь прикрытием для того, чтобы изъять у меня снимок настоящего «солнца». Смотрительница зала, к которой я обратился, согласно требованию циркуляра немедленно сообщила об этом. Не знаю только кому. За мной следили с того момента, как я покинул музей. Когда им представился удобный случай, они ударили меня в висок и изъяли ксерокопию. Далее, Бисбрук сказал, что «солнце» он продал торговцу Велору. Но только сейчас я понял, что не стал бы граф менять две древнеегипетские статуэтки на находку, в ценности которой сомневался до такой степени, что продал ее. Он отослал меня к Велору. Велор продал мне подделку. И я думаю, что у подделки солнечные лучи расположены не так, как у настоящего «солнца».

– И как же они расположены?

– Я подозреваю, что, если как-то исхитриться и вставить в руки Итты эту подделку, солнечный луч покажет на другую гору, а не на ту, в которой находится пещера. Они хотели запутать меня, но, чтобы окончательно быть уверенными, что я не смогу распознать подделку, они переклеили страницу в вашем каталоге, а страницу из каталога в архиве просто вырезали. Они полагали, что в архив мы обратимся в самую последнюю очередь, да и то тогда, когда заподозрим неладное. Поэтому в архиве они не очень старались.

– Может, ваш друг вышлет факсом ксерокопию из его каталога?

– Нам сейчас это не нужно. Важно найти настоящее «солнце». Я считаю, оно находится у Бисбрука. Он купил «солнце» у музея – этот факт неоспорим. Утверждение, что он продал «солнце» Велору, под большим сомнением. Кроме этого я думаю, что именно он участвовал в создании циркуляра для работников музея, предписывающего задерживать людей, разыскивающих «солнце».

– Почему вы так решили?

– Мне не дает покоя эта буква «М» на воротах Бисбрука и на лестнице музея. Мне кажется, что музей и Бисбрук чем-то связаны.

Женя отхлебнул кофе и поставил чашку на стол.

– Спасибо, Элен. Вы помогли мне.

– Вы хотите покинуть меня? Что вы будете делать дальше?

– Пока не знаю. Но мне нужно проникнуть в дом Бисбрука.

– Когда вы собираетесь туда?

– А вы что, хотите поехать со мной?

– Завтра у меня выходной, а я давно не была в Герардсбергене.

Кузнецов усмехнулся и почесал затылок.

– Если я вам откажу...

– Значит, вы неблагодарный тип, который заинтриговал меня интересными исследованиями и бросил.

– Многие ругают меня, – признался Кузнецов, – но из ваших уст это прозвучало обидно.

Они добрались до Герардсбергена вечерним поездом, а до этого им пришлось оторваться от вероятного преследования. Через чердак дома, в котором жила Элен, они перебрались на крышу соседнего. Выйдя из другого подъезда, возле которого их никто не ждал, они взяли такси и отправились на железнодорожный вокзал.

Когда они достигли Герардсбергена, на город опустился вечер. Освещаемые уличными фонарями ветви деревьев проступали из тьмы. Женя и Элен по асфальтовой дорожке шли по направлению к реке Дендер, возле которой находилась усадьба Бисбрука. Мощные прожек-

тора с земли подсвечивали фасад здания. Шикарные автомобили проезжали на территорию усадьбы один за другим, из дома доносились звуки Шопена.

– У него прием, – прокомментировал Кузнецов, остановившись недалеко от забора в неосвещенном месте. – Это хорошо. Можно будет незаметно пробраться внутрь.

– Вы хотите нелегально проникнуть в частные владения? – удивилась Элен.

– Меня никто не пустит туда легально.

– Так нельзя. Нужно подойти к охранникам и сказать, что нам необходимо поговорить с графом.

– И что дальше?

– Дальше мы скажем графу, что он подсунул вам подделку и что мы требуем показать настоящее «солнце».

Женя схватился за голову. Зачем он только взял ее с собой!

– Нет, если охрана и пропустит нас, то Бисбрук точно не признается, что «солнце» у него. А мне даже не это нужно. Я должен заполучить само «солнце»!

– Вы собираетесь выкрасть его?! – с ужасом произнесла Элен.

– У меня нет другого выхода.

– Вы станете преступником! Если вас поймут, то могут посадить в тюрьму!

Женя сделал долгий успокаивающий выдох, чтобы не наговорить грубостей.

– Все, я пошел! – произнес он. – Оставайтесь здесь.

– А что мне здесь делать? Сколько мне ждать вас?

Но Кузнецов ничего не ответил и растворился в темноте.

Женя быстро двигался под сенью деревьев вдоль забора, не выходя на свет. Насколько он помнил, за бетонным забором были протянуты провода с пропущенным по ним электрическим током. Информация о наличии напряжения на разных участках забора должна сводиться к какому-нибудь центральному пульту, расположенному то ли в доме, то ли в караульной будке. В любом случае, если он перережет провода, включится сигнализация, и место разрыва быстро найдут. Быстро найдут и его, Евгения.

Внимание привлек двигающийся по направлению к воротам огромный «форд-эксплорер». Женя понял, что это его шанс. Джип остановился около ворот, один из охранников подошел к открывшемуся окошку водителя и спросил, кажется, имя. Женя, не медля, прикрытый корпусом машины от второго охранника, подбежал к джипу и нырнул под него. Он прополз под задним мостом и схватился за рамную трубу обеими руками. Послышался звук привода, открывающего ворота. Автомобиль медленно тронулся, Кузнецов заскользил по асфальту, сдирая ткань на брюках. Ноги едва не снесло под заднее колесо, Женя вовремя отвел их. А вот его ботинки скреблись по асфальту, ссаживая задники.

В этот момент Женя меньше всего думал о том, что его могут обнаружить. Он думал, где ему вечером можно достать новые ботинки и брюки, чтобы добраться до Брюсселя. Брюки не было жалко, они остались от костюма бандита Жан-Люка Перье, да и пиджак был его же. Жалко было ботинки. Ботинки, купленные на весенней распродаже в Айдахо, он носил всего года два.

Автомобиль повернул и остановился. Хлопнула дверца со стороны водителя, хлопнула дверца со стороны пассажира, звонко чмокнула сигнализация. Женя оторвал руки от трубы и опустил голову на асфальт. Он видел только, как от машины удалялись две пары ног – мужские в черных брюках и великолепных лакированных ботинках и женские в прозрачных чулках и белых туфлях на высоком каблуке. Кузнецов огляделся. Впереди, под передним бампером машины, было темно. Он пополз в том направлении.

Кузнецов выполз из-под «эксплорера» и уселся на корточки. Перед ним выстроился ряд лимузинов, роллестройсов и роскошных спортивных моделей. К Бисбруку на прием приглашены явно не бедные люди. Женя, пригнувшись, стал пробираться вдоль ряда автомо-

билей. Освещенный изнутри вход в особняк находился метрах в десяти и был отделен от Евгения рядом коротких подстриженных кустов. Две супружеские пары и пожилой человек в смокинге, разговаривая и смеясь, проходили внутрь. Охранников поблизости видно не было. Евгений дождался, пока шумная компания прошла, оглянулся: не следует ли кто-либо за ними? – перепрыгнул через кусты и вошел в особняк.

Огромная приемная, в которой он побывал день назад, пустовала. Впереди в зале звучал Шопен, прислуга на подносах подавала напитки и бутерброды с икрой, люди в смокингах, костюмах, дорогих вечерних платьях разговаривали, смеялись, пили шампанское. Но здесь, в приемной, никого не было. Справа от Кузнецова, рядом со скульптурой Венеры, лицо которой выражало полное отсутствие стыдливости за собственную наготу, находилась небольшая дверь. Женя подскочил к ней и легонько толкнул. Дверь оказалась открыта. Кузнецов проскользнул внутрь и захлопнул дверь за собой. Он очутился в начале длинной галереи, с одной стороны которой располагались огромные окна, открывающие вид на парк усадьбы, с другой – ряд дверей. С арочного потолка свешивались светильники, испускающие много света и призванные создать у хозяина настроение солнечного летнего дня. Женя робко ступил на ковровую дорожку. Если его обнаружат здесь, то спрятаться будет негде. Он сделал несколько шагов и миновал первую дверь. Сквозь окна за чередой кустарника были видны ворота и охранники, пропускающие новый лимузин. Женя сделал еще несколько шагов. Теперь он находился в середине коридора. Честно говоря, он не знал, что ему делать.

Из-за последней по коридору двери раздались цокающие шаги. Женя обмер.

Дверь стала открываться.

Женя не мог тронуться с места.

Дверь отворилась, и ему навстречу вышел человек. Цокот лакированных ботинок утонул в мягком ворсе коридорной дорожки. Заметив Кузнецова, человек нахмурился и с выражением озабоченности на лице решительно направился к нему. Женя представил, как он выглядит со стороны – мешковатый костюм, сбившийся набок галстук, разорванные сзади брюки. Его смело можно брать за шкуру и сдавать в полицию как грабителя.

Человек остановился в двух шагах от Евгения и резко что-то спросил по-французски. Женя почувствовал, как по спине пробежал холодок, а колени задрожали. Он испуганно смотрел в ответ на незнакомца, все французские слова вылетели из его головы. Правда, осталось только одно. Его он и произнес:

– Ви.

Незнакомец секунду изучал его лицо, а потом вдруг расхохотался.

– Et voila le blagueur!² – утомившись, произнес он и захохотал снова.

– Que se que se passe?³ – раздался звонкий женский голос из двери, откуда вышел мужчина. Из-за спины человека появилась прелестная мадам в переливающимся блестками вечернем платье и положила свою ручку на согнутый локоть мужчины. Мама родная! Почему он принял этого человека за охранника? Это одна из пар, которых там за стеной целый зал.

– Quel homme sympathique!⁴ – игриво произнесла она. Ее кавалер перестал смеяться и, дернув мадам за собой, решительно зашагал по галерее к выходу. По пути мадам все время оглядывалась, Жене пришлось обернуться к ней лицом, чтобы она не увидела его разорванные сзади штаны. Они покинули галерею, дверь за ними захлопнулась. Женя устало выдохнул и пощупал сердце. Оно бешено колотилось.

² Вот шутник! (фр)

³ Что там происходит? (фр.)

⁴ Какой симпатичный мужчина (фр)

Он заглянул в дверь, из которой вышла пара. Там находилась комната с двумя диванами, журнальным столиком и множеством скульптурных бюстов, расставленных вдоль стен. То ли комната для отдыха, то ли для курения. Женя двинулся дальше.

«Что ты хочешь сделать?» – спрашивал он себя. И не знал, что ответить.

Комната, располагавшаяся прямо за этой, оказалась заперта. Галерея закончилась, Женя повернул ручку последней двери. Дверь открылась. Женя оказался в огромной библиотеке.

Кроме того что площадь помещения была велика, книжные стеллажи достигали шести-семи метров в высоту. Женя не увидел ни одной свободной полки, книги занимали все стеллажи, а стеллажи закрывали все стены. Посередине библиотеки находился громоздкий черный стол с настольным светильником зеленого цвета. Пол был выложен мозаикой. Библиотека была пуста. Женя прошел в дверь и закрыл ее за собой.

Он приблизился к стеллажам и стал рассматривать корешки книг. Раньше он знал латынь, отец-археолог заставлял его учить древний язык, но со временем Женя частично забыл ее. Правда, имена авторов он прочитать смог. Аристотель, Плутарх. Корешки были ветхими, и казалось, что они рассыплются от прикосновения. Женя перешел к другому стеллажу. Та же латынь. Сочинение архиепископа Мадридского Перстия о завоеваниях государственных, 1586 год. Трактат Иосифа Миланского о землях восточных, 1617 год. Сборник указов Папы Льва Десятого. Книги были разбиты по временным периодам. Античный мир, Средние века. Последние разбиты на Европу и Азию. Бисбрук серьезно увлекался книгами, или его предки на протяжении многих лет собирали эти фолианты. Если он так же серьезно относится к древним вещам, то не мог не отличить настоящее «солнце» от поддельного. Женя был почти уверен: если обнаружит музей Бисбрука, то найдет и «солнце».

Что-то зашуршало, Кузнецов оглянулся на дверь. Она по-прежнему оставалась закрытой. К тому же шуршание раздавалось совсем с другой стороны, где не было ничего, кроме книжных полок. Хотя нет, кое-что он обнаружил. Мозаичный пол рядом со стеллажами опускался, образуя ступени. Он вновь оглянулся на дверь и понял, что добежать до нее не успеет. Недолго думая, Кузнецов нырнул под черный стол.

Шуршание прекратилось, и Женя услышал шаги. Казалось, что шаги доносились из-под земли. Похоже, два человека поднимались по лестнице. Шаги затихли – двое завершили подъем, и затем раздался голос Бисбрука, говорившего по-английски своему собеседнику:

– Где-то на западе Соединенных Штатов. Мы не знаем точно где, но они пытаются войти в контакт.

– Это необходимо пресечь. – Голос второго оказался низким и хриплым. Жене подумалось, что говорит не человек – настолько неестественным был его голос.

– Именно этим я и занимаюсь. Существовала потенциальная опасность из России, но теперь там все улажено.

– Где находится сообщение?

– У нас есть ключ, но мы не знаем, куда его вставить. Человек, который знал, умер под пытками, но не раскрыл тайну.

– Значит, сообщение все-таки могут найти? – В голосе собеседника Бисбрука не было угрозы, но по спине Евгения пробежал холодок.

– Без ключа – нет.

Они остановились возле стола. Женя видел их ноги. Отогнав страх, Кузнецов немного вылез из своего убежища, чтобы посмотреть – с кем разговаривает Бисбрук. Этот человек стоял к Евгению спиной, и Кузнецов мог разглядеть лишь его фигуру. Человек был огромным. Не менее двух метров ростом и ста двадцати килограммов весом. На человеке был темно-синий костюм, сверкающий новизной.

Бисбрук и этот огромный человек находились возле стеллажа с литературой девятнадцатого века. Бисбрук протянул руку к стеллажу и дотронулся до какой-то книги. Вслед за этим раздалось шуршание лестницы в полу. Со своего места Кузнецову лестницы видно не было, но он не сомневался, что она убирается. Конец этой операции был озвучен легким металлическим лязгом. Бисбрук неожиданно повернулся. Женя юркнул под стол, вжавшись в угол. Видел ли его Бисбрук?

– Странно, – произнес Бисбрук и замолчал. В библиотеке повисла напряженная тишина. По Жениному лбу катились капли пота, заливая глаза.

– Что? – нарушил тишину собеседник графа.

– Мне казалось, что я запираю дверь в библиотеку.

«Вранье! – мысленно закричал Женя. – Дверь была открыта!»

– Вы уверены?

– Кажется, да.

– Выходит, кто-то проник сюда?

Сердце Кузнецова заколотилось в два раза быстрее. Ладони вспотели. «Я сейчас вылезу из-под стола и скажу, что вошел сюда в поисках туалета, – представлял Кузнецов. – А под столом я очутился потому, что сюда закатилась запонка». Он пощупал манжеты рубашки. Запонок на ней не было и в помине.

– Он мог проникнуть в подвал? – спросил незнакомец.

– Нет, лестница была закрыта.

– Или он покинул библиотеку, или он где-то здесь.

Они замолчали. Женя представил, как они смотрят на единственный предмет, находящийся в библиотеке, способный предоставить укрытие. На стол, под которым как раз и находился Кузнецов. Женя сжался в комок. Он тут же вспомнил, как они разговаривали о человеке, который умер под пытками. Слева он услышал скрип подошв. Бисбрук и его собеседник приближались к столу. Господи, кто они такие?! Почему они делают это?!

Внезапно Женя услышал щелчок открывшейся двери.

– Мсье Бисбрук! Вы здесь!

– Жан-Клод?

– Я искал вас, мсье. Я заглядывал в библиотеку, но здесь никого не было.

– Значит, это ты открыл дверь?

– Да, мсье.

Женя заткнул рукой рот, чтобы не закричать. Чертов слуга! Надо запирать за собой двери!

– Что случилось, Жан-Клод?

– Охрана кого-то задержала у ворот. Они говорят, это что-то важное.

– Вы пойдете со мной? – спросил Бисбрук у незнакомца.

– Конечно, – с безразличием в голосе и все с той же басистой хрипотой ответил собеседник. Раздались удаляющиеся шаги, дверь в библиотеку закрылась. Два раза щелкнул замок. Женя вылез из-под стола. Он подбежал к двери и осторожно подергал за ручку. Дверь была заперта.

– Проклятие! – тихо воскликнул он. Окон в библиотеке не было. Как же выбраться отсюда? Неужели ему ждать, пока Бисбрук в следующий раз появится в библиотеке. А если он уедет на месяц куда-нибудь отдыхать? К примеру, на Гавайи! Женя же умрет здесь от голода. Конечно, Женя может без конца читать, пока глаза его не закроются навсегда. Его тело найдут вот в этом кресле. А в руках у него будет томик Данте. Интересно, сколько будет ждать его Элен? Стоп!

Женя повернулся на сто восемьдесят градусов. Подвал! Быть может, он выберется из дома через подвал? Он обошел стол и присел на колени, рассматривая мозаичный пол.

Он провел по полу рукой. Сине-зеленая мозаика скрывала щели, которые существовали у опускающейся лестницы. Женя встал и подошел к стеллажу девятнадцатого века. Дарвин, Бисмарк, Маркс, Менделеев. Сплошные книги, но именно отсюда Бисбрук закрывал лестницу. Где-то в этих книгах должна быть тайная, которая открывает лестницу, если, скажем, за нее потянуть. Но которая?

Он просмотрел корешки книг, не прикасаясь к ним. Нет, это не книга по философии или истории, это не книга по исследованиям античности, хотя Бисбрук, по словам Элен, считался специалистом по античности. Он поймал себя на мысли, что называет доктора Граббс по имени. Почему бы и нет, в конце концов, если он впутал ее в эту историю и они оба оказались в Герардсбергене. Она знает часть правды. Пожалуй, никто, кроме Мигранова, не знает так много. Так почему Женя не может называть ее Элен!

Одна из книг привлекла внимание. Он еще раз перечитал название. Это была книга в черном кожаном переплете. «Вот она! – подумал Женя. – Именно она».

«Недра» Франко Руно.

Он не мог объяснить, почему именно эта книга привлекла его внимание. Но то, что это она, он чувствовал интуитивно.

Кузнецов прошелся пальцами по серебристой тисненой надписи на корешке книги и положил руку поверх тома. Что-то щелкнуло под его пальцами, и Женя услышал сзади себя тихий скрежет. Он оглянулся. Мозаичный сине-зеленый пол, раскладываясь, опускался, образуя ступени. Крадучись, Женя подошел к ступеням и посмотрел вниз. Мутный свет слабо освещал каменные стены подземного коридора. На полу, у самого основания опустившейся лестницы, темными камнями была выложена буква «М». Кузнецов сделал глубокий вдох и стал спускаться по ступеням в туманный полумрак.

Женя осторожно спускался вниз, эхо от цокота его каблуков по лестнице отскакивало от каменных стен подземелья, словно мячик пинг-понга, и, уносясь вглубь, затихало. Он сошел с последней ступеньки. Справа на стене выделялась громоздкая каменная рукоятка. Это не могло быть не чем иным, как устройством, убирающим лестницу. Женя потянул рукоятку на себя. Рукоятка была тугой, но все-таки поддалась. Лестница стала складываться вверх. Нижняя ступенька поднималась до уровня верхней, затем обе они поднимались до следующей и так далее – лестница убиралась. Когда исчезла последняя ступенька и они все вместе, дружно лязгнув, образовали ровный потолок над головой Кузнецова, в подземелье загорелся свет. Женя ахнул.

Вдоль стен были расставлены древности. Их было множество. Наверно, так же много, как и книг в библиотеке наверху. Вдоль стен в изобилии располагались кувшины, чашки, сосуды различной формы, расписанные невероятными цветами, некоторые украшенные серебром, золотом и драгоценными камнями. Женя прошел вдоль коридора и попал в следующий – отдел оружия, лат и доспехов. Чего здесь только не было! И самурайские панцири, и древнеримские доспехи, и латы крестоносцев. Кольчуги всех цветов, покроев и конструкций. Множество самых разных боевых мечей и щитов. Один щит, похожий на татаро-монгольский, был инкрустирован золотом по всей поверхности. По краям его сверкали изумруды. В центре горел огромный ярко-красный рубин. Женя долго не мог отвести от него глаз.

Следующий коридор был полон статуэток, бюстов, скульптур, изображающих богов, цезарей и простых людей. Они были выполнены из камня, мрамора разных цветов, известняка, бронзы, стали и золота. Скульптуры, которыми был украшен дом Бисбрука там, наверху, потерялись бы в этом обилии и великолепии.

Глаза Кузнецова улавливали теперь только общую картину, а мозг перестал воспринимать каждую древность в отдельности. Он уже не рассматривал вещи, они проносились мимо него сплошным потоком.

Картины. Море картин.

Снова книги. Но на этот раз в кожаных и позолоченных переплетах, с бриллиантами на корешках.

Украшения. Броши, серьги, бусы, кольца, перстни.

Женя быстро двигался по коридору, нигде не задерживаясь. Он все больше убеждался, что это богатство собрано усилиями не одного человека. Кузнецов не сомневался, что коллекция собиралась в течение нескольких сотен лет. И в этом как-то участвовала буква «М».

Коридор закончился небольшой комнатой. На ее стенах, на прозрачных подставках красовались крупные бриллианты. Их было так много, что между камнями нельзя было заметить просвета. Свет от скрытых ламп на потолке многократно отражался на гранях драгоценных камней, и бриллианты сверкали. Но все-таки не это являлось главным в комнате. У дальней стены на постаменте, инкрустированном черными опалами, находился золотой диск «солнца». Лучи «солнца» сияли огнем, а на диске отражался свет от сотен бриллиантов. Именно «солнце» являлось главным предметом не только в комнате, но и во всем подземелье.

Женя подошел к «солнцу» и снял его с подставки. Он потер диск пальцами и перевернул. На задней стороне было четыре углубления.

– Вот это действительно настоящее «солнце», – произнес Женя. Углубления предназначались для пальцев статуэтки Иттлы.

Кузнецов сунул руку во внутренний карман пиджака и достал из него «солнце», которое он купил у Велора. Теперь оба золотых диска находились перед ним. У настоящего «солнца», которое он обнаружил здесь, было восемнадцать лучей. У того, которое он купил, – тоже, но их длина и угол расположения оказались другими. Теперь Женя убедился, что второе «солнце» поддельное. Бисбрук пытался запутать Кузнецова, подсунув ему поддельный диск. Так Женя никогда бы не нашел пещеру в Гималайских горах. Но зачем Бисбруку это нужно? Возможно, свет на этот вопрос проливал отрывок из разговора между Бисбруком и незнакомцем, который Жене довелось услышать. Но он совершенно ничего не понял, кроме слов об опасности из России, под которой, очевидно, граф подразумевал его, Кузнецова.

Некоторое время, подержав в руках оба «солнца», Женя положил настоящее в карман, а поддельное водрузил на подставку. Разницы заметно не было.

Кузнецов возвращался по коридорам назад. Настоящее «солнце» лежало у него в кармане, цель была достигнута. Однако предстояло выбраться из подземелья и беспрепятственно покинуть поместье графа. Женя миновал все коридоры-музеи, в которых Бисбрук прятал от посторонних глаз свою бесценную коллекцию, и вновь очутился в начале коридора, где находилась поднимающаяся лестница в библиотеку. Кузнецов остановился.

Тупик? Он так и не нашел выход. В библиотеке была заперта дверь, а из подземелья выхода не существовало. Хотя нет. При ближайшем рассмотрении Женя заметил дверь в стене. Он открыл ее и вошел в еще один коридор.

Коридор казался очень древним. Стены сложены из больших валунов, потолок затянут толстым слоем паутины. Впереди коридор был темен, и Кузнецову пришлось воспользоваться зажигалкой, чтобы осветить себе дорогу.

Пламя от зажигалки тускло мерцало в темноте. Женя двигался медленно, стараясь не пропустить выход из подземелья. Однако вместо выхода он увидел нечто другое. Впереди, слева по коридору, находилась дверь. Сквозь щель между дверью и полом пробивалась полоска света. Но это не было похоже на свет от лампочки. Свет походил на какой-то густой ярко-красный отблеск.

Отблеск пульсировал. Женя остановился, не зная – следовать ли ему дальше или поостеречься. За дверью вполне мог оказаться какой-нибудь охранник, хотя Кузнецов не

думал, что Бисбрук доверит тайну подземелья охраннику. Ведь даже слуга, заглядывавший в библиотеку, не знал о существовании тайной лестницы. Скорее всего, о подземелье не знает никто, кроме графа и этого огромного незнакомца, с которым видел Бисбрука Кузнецов.

Женя стал медленно двигаться к двери. Подойдя к ней ближе, Кузнецов почувствовал, что ему трудно дышать. Воздух сделался жарким, словно в хорошей сауне, рубашка стала влажной от пота. Кузнецов приблизился к двери и взялся за ручку. Она оказалась обжигающе горячей, Женя быстро отдернул ладонь. Он натянул на запястье рукав пиджака и, взявшись за ручку, потянул ее на себя. Дверь оказалась тяжелой, и, чтобы ее открыть, Кузнецову пришлось приложить немалое усилие.

Он уперся каблуками в пол. Пот лил ручьем, Женя, сжав зубы, напрягся изо всех сил. Наконец дверь распахнулась, волна нестерпимого жара накатилась на него. Женя отпрянул. Что находилось в комнате, он мог различить смутно. Яркий огненный свет исходил из огромной, во всю стену, печи, очень похожей на мартеновскую. Женя отбежал на несколько метров в сторону. Лоб и щеки просто пылали. Женя отдышался. Зачем Бисбруку печь в подвале? Зачем этот жар? Быть может, он занимается незаконной выплавкой цветных металлов? Бред какой-то.

Любопытство выиграло в Кузнецове, и он во что бы то ни стало решил увидеть, что же находится в комнате. Он снял пиджак и обмотал им голову, чтобы не получить тепловой удар. Вновь оказавшись у двери, он чувствовал, как жар щиплет кожу сквозь тонкую рубашку. Женя сделал шаг вперед и переступил порог. Подошвы ботинок мгновенно нагрелись, обжигая ступни. Он по-прежнему плохо различал, что за сооружение находится перед ним. Но если он и дальше будет двигаться так медленно, то рискует сгореть. Нужно сделать быстрый рывок в середину комнаты, увидеть это и вернуться обратно.

Кузнецов рванул вперед и закричал. Лицо было готово взорваться от боли, нагретая рубашка жгла кожу, и Женя чувствовал, что ткань рубашки вот-вот вспыхнет. Он вылетел из комнаты, на ходу скидывая тлеющий пиджак. Увиденное им было, по меньшей мере, непонятно. Что это? Зачем это?

Он посмотрел на брошенный пиджак и, хлопнув себя по лбу, кинулся доставать из него «солнце». Оно нагрелось, но осталось целым. Если бы лучи «солнца» оплавчились, он бы не смог определить, какой из них указывает на гору.

Покряхтев, Женя оторвал от пиджака рукав и завернул в него «солнце». Даже сквозь ткань жар от золота обжигал ладони. Кузнецов подождал, пока сверток немного остынет, и засунул его за пазуху под рубашку. Некоторое время он стоял, пытаясь осмыслить, что же он увидел. Посредине комнаты, опутанный громоздкими трубами с заклепками, находился котел метров двух в диаметре. В котле, шипя и булькая, полыхала огненная масса. Печь, стоящая вдоль стены, предназначалась для нагревания котла, но что было в котле и зачем все это спрятано в подвале графа Бисбрука? Женя отругал себя за излишнее любопытство. В конце концов, какое ему дело, что хранится в подземельях графа! Сейчас его должно заботить, как выбраться отсюда. Самое главное – у него есть «солнце», а этот котел с кипящей лавой...

Женя замер.

Котел наполнен чем-то, похожим на лаву.

Плевать!

Оставив дверь в комнату с котлом открытой, Женя устремился в недра темного коридора.

Около пятнадцати минут он плутал по подземельям, натываясь на запертые двери и оказываясь в тупиках. Но подземелье не было лабиринтом, и по истечении этого времени Женя наткнулся на ступеньки каменной лестницы, ведущей наверх. На четвереньках он поднимался по ступенькам до тех пор, пока не уперся головой в свод. Зажигалка потухла в самый ответственный момент, и Евгению пришлось на ощупь определять, где находится рычаг,

открывающий люк. Рычаг оказался сбоку, Кузнецов потянул его на себя, и люк над его головой с тихим скрежетом отъехал в нишу в стене.

Над ним простиралось звездное небо, аромат листвы перебивал затхлость подземелья. Подземный ход вывел его наружу. Со всех сторон потайной выход был окружен кустами. Женя посмотрел поверх них. Рядом находился металлический забор с пропущенным по нему электрическим током. Женя обернулся. Позади него, лучась светом и весельем, возвышался особняк. Женя по-прежнему находился на территории усадьбы. Теперь нужно сориентироваться, где он. Это оказалось несложно. Впереди, метрах в тридцати, находилась стоянка для автомобилей.

– Угу – произнес Кузнецов.

Люк закрылся сам. Женя даже не дотрагивался до него. Очевидно, он работал по таймеру. Теперь ничто не указывало на находящийся здесь выход из подземелья. Густая трава скрывала все. Женя проверил, на месте ли «солнце», и двинулся по направлению к автостоянке.

Черный «линкольн» оказался не заперт. Минут десять, обливаясь потом от волнения, Женя потратил на то, чтобы найти и соединить два нужных провода и запустить двигатель. Когда же ему это удалось, он вздохнул с облегчением, стер ладонью капли пота со лба, и выехал из ряда автомобилей.

Подъезжая к воротам, Женя обнаружил, что в них остался только один охранник. Интересно, куда подевался второй? Впрочем, не важно. Кузнецов остановил машину перед воротами и коротко нажал на клаксон. Вместо того чтобы открыть ворота, охранник направился к автомобилю. Женя похолодел. Охранник, коснувшись рукой капота, наклонил голову к окошку, водителя.

– Pouvez-vous conduire la voiture?⁵ – спросил он как-то участливо.

«Вероятно, он имеет в виду, не нужна ли мне помощь? – подумал Женя. – Он думает, не пьян ли я?»

Собрав те крохи французского, которые знал, Женя выдал фразу:

– Grand merci, je me sens tres bien!⁶

Для пущей убедительности он икнул, подразумевая, что немного пьян, но это не мешает ему управлять автомобилем. Охранник отошел от «линкольна» и стал открывать ворота. Женя напряженно ждал. Наконец ворота оказались открыты, и, надавив на акселератор, Кузнецов выехал с территории усадьбы, махнув охраннику рукой на прощание.

Он остановился в том месте, где, как ему казалось, должна была находиться Элен. Он свернул с дороги в темноту деревьев. Где же она? Ему казалось, что он просил ее оставаться в этом месте. Ну да! Именно здесь! И особняк находится к нему той стороной, и кусты возле забора здесь разрослись сильнее, чем в других местах.

– Элен! – полушепотом позвал он. Никакого ответа. Он еще раз позвал ее, но вновь безрезультатно. Тихо шелестела листва. Из особняка вместо Шопена теперь доносился Моцарт. Женя зажал рукой рот и посмотрел в направлении дома. В голове его отчетливо всплыла фраза, произнесенная – Женя был почти уверен – слугой графа Бисбрука: «Охрана кого-то задержала у ворот. Они говорят, это что-то важное».

– Проклятие, они схватили Элен!.. Но как у них это получилось?

Женя смотрел на особняк и усиленно думал. Когда он покидал владения Бисбрука на «линкольне», на воротах стоял всего лишь один охранник. Второй, очевидно, сопровождает Элен. Куда они ее повели? В подвал библиотеки? Вряд ли, там хранится слишком много сокровищ. Бисбрук, скорее всего, захочет оставить в тайне существование музея даже для

⁵ Вы в состоянии вести машину? (фр)

⁶ Большое спасибо, со мной все в порядке! (фр.)

охранников. В таком случае – куда? Он совершенно не представлял план дома. Элен не могли увести на первый этаж, так как гости там слоняются везде, Женя убедился в этом сам. Быть может, на втором этаже? Он пригляделся. Из четырех окон на втором этаже горело только одно. Окно было зашторено. Кузнецов не был уверен, что Элен находится там, но стоило попробовать.

Возвращаться в особняк ему не хотелось. К тому же возникала задача – как преодолеть забор, по которому пропущен электрический ток?

При помощи отвертки, которую Женя нашел в бардачке, он вскрыл багажник автомобиля. Запасное колесо, набор инструментов, домкрат – ничто из этих вещей не могло помочь ему. Женя уже опечалился, когда на глаза попались... толстые резиновые перчатки.

– О да! – произнес он.

Кузнецов успешно преодолел невысокий каменный забор, за которым в кустах скрывалось проволочное ограждение с пропущенным по нему электрическим током. Какой здесь ток? Выдержит ли изоляция перчаток? Женя натянул перчатки на руки и осторожно прикоснулся к проводу. Он ощущал, как провод вибрирует под его пальцами. Женя крепко взялся руками за верхние провода и поставил на забор ногу. Сквозь подошву ботинок электричество не чувствовалось. Он забрался наверх, стараясь никакой другой частью тела не задеть провода, а затем спрыгнул, оказавшись на противоположной стороне.

По стене особняка добраться до окна, где горел свет, было невозможно. Зато неподалеку росло высокое ветвистое дерево, в темноте Женя не мог различить какое. По ветвям можно было перебраться на карниз второго этажа, а уже по карнизу добраться до окна.

Кряхтя, Женя вскарабкался по стволу дерева на уровень второго этажа. Он перебрался на ветку, которая подходила к карнизу. Надежность ветки не вселяла уверенности, она была не самой толстой, и все-таки Женя решил попробовать пролезть по ней. Он прополз полтора метра и почувствовал, как ветка начинает под ним гнуться. До карниза оставалось еще метра два. Женя продолжал двигаться вперед. Он хватался за ветку и тянул ее на себя, подтаскивая тело. С каждым дециметром продвижения вперед ветка прогибалась все больше и больше. Когда же Кузнецов поднял голову, чтобы посмотреть, как далеко он продвинулся, то обнаружил, что до стены дома оставалось только протянуть руку, но ветка прогнулась настолько, что карниз оказался у него над головой.

Чтобы достать до карниза, нужно вытянуть руки вверх и попытаться оттолкнуться от ветки. Это Кузнецов и сделал. Ветка громко хрустнула и обломилась. Тело Кузнецова провалилось в пустоту, но руки успели зацепиться за край карниза. Его стукнуло о стену дома, и Женя повис на карнизе слегка оглушенный.

Некоторое время он висел, затаив дыхание и ожидая, что кто-нибудь выбежит на шум. Но было тихо. Моцарт за стенами не прерывался, звуков открываемых окон и озабоченных голосов людей слышно не было. Женя подтянулся и закинул одну ногу на карниз. Ширина карниза не позволяла ему наклониться вперед и снять часть нагрузки с рук. Помогая себе ногами, он перевел локти вверх, отжался и лег на карниз грудью. Все, теперь он на втором этаже особняка. Женя аккуратно поднялся и, держась руками за стену, стал двигаться по узкому уступу. Он миновал одно темное окно, затем другое, около светящегося окна остановился.

Сквозь щель в занавесках Женя отчетливо видел всю комнату. Элен сидела посреди на стуле, спиной к окну. Прямо перед ней в расслабленной позе стоял граф Бисбрук и что-то говорил по-французски. Сбоку от Элен находился охранник, тот самый, с ворот. Пиджак охранника был снят и висел на спинке другого стула, рукава рубашки засучены. В глубине комнаты, скрытый тенью, стоял еще один человек. По очертаниям фигуры Кузнецов узнал в нем собеседника графа. Он не вступал в разговор, и вообще из окна его почти не было видно.

Возле стен стояло несколько скульптур, впрочем, Женя уже привык к обилию статуэток в особняке.

Бисбрук что-то спросил Элен, она ответила отрицательно. В ту же секунду охранник ударил ее по лицу ладонью. Голова Элен откинулась набок. Женя напрягся. Элен попыталась крикнуть, но охранник достал откуда-то заранее приготовленный кусок пластыря и проворно заклеил ей рот. Элен пыталась что-то произнести сквозь пластырь, но последовал еще один удар, и она замолчала.

Качая головой, Бисбрук сказал что-то охраннику. Тот кивнул. Бисбрук повернулся к своему собеседнику, и они вместе вышли из комнаты. Охранник остался один, наедине с Элен. Как только захлопнулась дверь за Бисбруком, охранник что-то произнес. Элен изумленно подняла на него глаза. Охранник наклонился к пиджаку, что-то ища в кармане. Кузнецов понял, что медлить нельзя. Закрыв лицо руками и выставив локти вперед, Женя прыгнул в окно. Звон стекла нарушил покой особняка Бисбрука. Женя ввалился в комнату, порезав о стекла плечи. Перевернувшись в воздухе, он оказался на полу. Наклонившийся к висевшему на спинке стула пиджаку охранник, напрягшись от внезапного появления Кузнецова, уставился на него. Глаза его были совсем не похожи на глаза Жан-Люка Перье, убийцы из Марселя. Глаза Перье были обманчиво-наивными, под этой наивностью скрывалась безжалостность профессионала, глаза охранника были бесчувственными, стеклянными. Он мог убить не задумываясь, что часто и делал. Это была его работа, это читалось по глазам.

Охранник вытащил то, что искал в кармане пиджака. В руках его была удавка. Женя лежал на полу и проклинал себя за безрассудство. Он лежал на спине, в уязвимом положении относительно опытного мускулистого противника. Охранник бросился на него. Женя зацепил ногой подставку, на которой стоял один из бюстов. Мраморная подставка, выполненная в виде колонны, просвистев перед самым носом охранника, упала ему под ноги. Охранник споткнулся о нее и распластался на полу, усыпанном осколками стекла. В это время Женя уже поднимался. Но трюк с подставкой только задержал охранника. Он был невредим и поднимал голову. Женя схватил с расположенной рядом подставки другую скульптуру – бюст, кажется, лорда Байрона – и нанес ею сокрушительный удар по затылку громилы. Охранник ткнулся лицом в пол, бюст вывалился из рук Кузнецова и загремел по полу, перевернувшись пару раз.

Элен обернулась, глаза ее были влажны от слез и излучали изумление и радость. Связанные руки лежали на коленях. Женя подошел к ней, подцепил ногтем край пластыря и аккуратно снял. Она охнула, когда пластырь с треском оторвался от щеки.

– С тобой все в порядке? – спросил он, глядя ей в глаза.

Она смотрела на него снизу вверх, не отвечая, и Женя понял, что вопрос он задал по-русски. Он повторил вопрос по-английски, она закивала головой. На мгновение он залюбовался сбившимися на ее лбу волосами и прелестным изгибом бровей. Она смотрела на него, словно не видела тысячу лет, словно на единственного знакомого ей человека на всем белом свете. Взгляд, полный тоски и благодарности. Она смотрела на него, словно на рыцаря на белом коне, спасшего ее из неволи.

Женя понимал ее взгляд, он читал ее чувства. Он подал Элен руку и помог подняться. В этот момент дверь в комнату распахнулась. На пороге стоял граф Бисбрук с другим охранником. Взгляд Бисбрука был обращен на Евгения, а точнее...

А точнее на «солнце», наполовину выглядывающее из-за брючного ремня Кузнецова. Глаза Бисбрука округлились, он точно определил, что это не подделка, а настоящее «солнце».

– Быстрее, в окно! – крикнул Кузнецов Элен.

– Взять его!!! – закричал граф Бисбрук. Его аристократическое лицо исказилось гневом.

Элен бросилась к окну, Женя перегородил собой подход к нему. Но охраннику Элен была не нужна. Он кинулся на Кузнецова. Женя получил мощный удар в челюсть и отлетел назад, к подоконнику. Но не потерял сознания, хотя в голове на миг помутилось. Охранник уже набегал, собираясь носком ботинка врезать в солнечное сплетение. Женя вовремя увернулся, и охранник свой футбольный удар нанес по стене. От боли он взвыл. Элен находилась уже на карнизе. Женя стал вылезать в окно вслед за ней.

– Что ты ноешь, хватай его! – закричал Бисбрук своему подчиненному.

– Я сломал пальцы на ноге, – плачуще откликнулся охранник.

– Если он уйдет, я тебе ногу сломаю!

Угроза возымела действие. Охранник подскочил к уже пролезшему в оконный проем Кузнецову и ухватился за его рубашку. Рубашка вылезла из брюк, правый рукав лопнул по шву. Диск «солнца» еще на треть выехал из-за брючного пояса. Охранник мертвой хваткой вцепился в рубашку, не давая Кузнецову уйти. Взгляд Евгения упал вниз. К дому подбегали охранники вперемежку с любопытной знатью. Мужчины в смокингах и женщины в блестящих платьях с бокалами шампанского в руках с нескрываемым любопытством наблюдали за событиями, разворачивающимися на карнизе второго этажа, как на специально подготовленное к этому приему шоу.

Охранник резко дернул Кузнецова за рубашку так, что отлетело несколько пуговиц. «Солнце» еще больше вылезло из-за пояса. За ремень оно держалось только кончиком одного луча. Женя размахнулся и обеими руками попытался сбить захват охранника. Но тот вцепился в рубашку намертво.

– Женя! – воскликнула Элен. – Как же мы будем спускаться?

Она стояла на карнизе в нескольких шагах от него, держась связанными руками за раму окна.

– Дерево! – закричал Женя, еще раз пытаясь сбить захват. – Возле тебя дерево!

Крикнув это, он понял, что дерево им не поможет. Сук, по которому Женя перебрался на карниз, обломился, и теперь до ближайших ветвей было не менее трех метров. К тому же чем могло бы помочь дерево? Даже если они и попадут на него, то, спустившись на землю, угодят в лапы не менее десятка охранников, которые поджидают внизу.

Охранник медленно подтаскивал Кузнецова к себе. «Солнце» почти вывалилось из-за пояса. И тогда Кузнецов схватился за отвороты рубашки и рывком расстегнул ее так, что пуговицы полетели в лицо охраннику. «Солнце» вывалилось из-за пояса, намереваясь упасть с высоты второго этажа. В следующий момент охранник обнаружил, что держит одну лишь рубашку. Кузнецов выскользнул из нее, подхватив «солнце» и зажав его в кулаке, и, теперь уже никем не задерживаемый, стал быстро передвигаться по карнизу к Элен.

Гости и охранники снизу что-то кричали, Женя продолжал двигаться по карнизу. Он остановился возле темного окна рядом с Элен. Да, до дерева точно не достать, не допрыгнуть. Он пытался что-то придумать. Чуть дальше за деревом находился столб, от которого к особняку шло несколько проводов. Очевидно, электричество или связь. Быть может, попытаться перелезть по проводам на столб? Нет, маловероятно, что им удастся выбраться из усадьбы по этим проводам. Пока они перебираются, их можно спокойно поджидать внизу или подстрелить из винтовки. Они были в западне на этом карнизе! А ведь настоящее «солнце» у него в руках!

Рядом с Евгением вдребезги разлетелось окно. Пока Кузнецов соображал что к чему, на карниз вылез еще один охранник с топором в руках. Топор был, очевидно, снят с пожарного поста, потому что был полностью выкрашен в красный цвет. Лицо охранника и руки, держащие топор, освещались снизу прожектором, создающим подсветку фасада здания. Глаза охранника и нос словно провалились, так причудливо ложилась на лицо тень. Охранник

замахнулся топором. Женья попятился назад. Охранник ударил, не попав по Кузнецову, зато выбив приличный кусок из стены здания.

– Идиот! – раздался из-за охранника голос Бисбука. Он, видимо, высунулся в разбитое окно. – Ты испортишь весь фасад!

Женья подумал, что для удара охраннику потребуется снова поднять топор, поэтому немного расслабился, полагая, что у него будет время для отскока назад. Но охранник неожиданно ударил ногой. Удар носком пришелся по руке, державшей «солнце». Женья с ужасом наблюдал, как рука против его воли разжалась, «солнце» выскочило из ладони и по широкой дуге совершило полет вниз. Диск ударился о ствол дерева на метр выше ветви, по которой Кузнецов забирался на карниз, отскочил, проехался по суку, словно по ледяной горке, и выскочил на нижнюю ветвь. Кузнецов с замиранием сердца следил за каждым движением реликвии. «Солнце» перевернулось и застыло на переплетении листьев и сучьев. Достать его не было никакой возможности.

– Осторожно! – раздался сзади окрик Элен. Охранник уже успел поднять топор над Кузнецовым, пока тот следил, как кувыркается по ветвям «солнце». Увернуться или отскочить назад не оставалось времени. Топор завис над его головой и был готов опуститься в любой момент. Женья понял, что настал его последний час. Он так и не успел совершить то, ради чего жил все эти годы. Ради чего искал, ждал, надеялся.

Охранник ударил. Женья весь сжался. Откуда-то сверху, над Кузнецовым, раздался звон разбитой керамики, что-то загудело, и лицо охранника исказила короткая судорога. Вместе с этим на секунду пропал и вновь появился свет от подсвечивающих фасад прожекторов. На Кузнецова посыпались искры, Женья поднял голову и увидел, что железный топор его преследователя застрял в изоляторах, к которым подходили провода с того самого столба возле дерева. Охранник дернул топором, вновь сноп искр посыпался вниз. Тело его затряслось, и, выпустив из рук топор, охранник рухнул вниз с карниза. В этот момент везде погас свет.

Первое время Женья не видел ничего, кроме луны. Затем он начал различать контуры здания, Элен, стоящую рядом, бормочущую что-то от страха, и рукоять топора, торчащую перед ним. Женья медленно достал из-за пазухи резиновые перчатки и надел их.

– Что нам делать? Что нам делать? – повторяла Элен. Женья взялся за топориче, которое было железным. Даже если автоматические выключатели на подстанции и не разомкнули эту линию при коротком замыкании, устроенном охранником и его топором, на руках Евгения были резиновые перчатки и участь охранника его постичь не могла.

Снизу вновь появился свет, однако прожекторы светили не так ярко. Теперь они питались от мощного аккумулятора или от другого кабельного ввода электричества. Женья выдернул топориче из изоляторов. Элен испуганно смотрела на него, держась связанными руками за подоконник. Ее правая нога в туфле на высоком каблучке все время соскальзывала с узкого карниза, да Женья и сам едва мог устоять, держа обеими руками топор. Он размахнулся и ударил по изоляторам, основание которых было замуровано в стену.

Изолятор погнулся, но из стены не вылетел. Кузнецов, стараясь не обрубить провод, присоединенный к изолятору, ударил еще раз. На этот раз изолятор вылетел из стены, кабель, идущий от столба, потянул изолятор вниз, но Женья поймал его рукой.

– Сдавайся! – закричали по-английски слева. Женья повернул голову в направлении кричащего и увидел еще одного охранника, высунувшегося из окна и держащего в руках автоматическую винтовку. – Тебе некуда деться!

– Я не хочу снова оказаться у них в руках, – произнесла Элен.

Женья подергал кабель, идущий к столбу. Он был прочно закреплен на конце. Женья отпустил топор, и тот со свистом рухнул вниз, вонзившись лезвием в асфальтовую дорожку. Кузнецов свил из кабеля с изолятором крепкую петлю и просунул в нее руку так, что петля оказалась под мышкой.

– Обними меня, – произнес он. Элен сначала не поняла его фразы, но затем, кивнув, набросила связанные руки ему на плечи и прижалась к нему. Женя почувствовал прикосновение ее груди к своему телу.

– Держись крепче, как только можешь, – тихо сказал он и оттолкнулся от карниза. Кабель выдержал напряжение и понес их по дуге, словно гирию маятника. Их тела сверкнули в свете прожекторов, и по толпе гостей графа Бисбрука прокатился вздох изумления.

Они быстро пролетели три метра, отделяющие карниз от дерева. Женя освободил одну руку, которой придерживал Элен за талию, вытянул ее и схватил диск «солнца», застрявший в ветвях. В следующий момент оказавшиеся на их пути ветви стали больно хлестать по лицу и обнаженному телу Кузнецова. Элен крепко держалась за него, неотрывно глядя в глаза.

Они опустились в самой нижней точке дуги маятника над кустами недалеко от забора. Сила инерции двигала их дальше, поднимая в воздух. И вот они пролетели над забором, едва не задев пятками провода под током, и оказались над дорогой. Взлет стал замедляться, метрах в трех под ними находилась земля. Женя, помогая себе правой рукой, вытащил плечо из петли, и они вместе с Элен упали вниз.

Они жестко приземлились на траву рядом с дорогой, не долетев до нее несколько метров. Связанные руки Элен по-прежнему оставались на шее Кузнецова. Ее лицо выражало какую-то романтическую задумчивость. Конечно, лежать на траве обнаженным по пояс с прижавшейся к нему великолепной девушкой Женя был готов хоть всю ночь, если бы в руке у него не был зажат предмет, за которым гнались человек пятнадцать охраны графа Бисбрука.

– Чуть дальше через дорогу у меня спрятана машина, – сказал он, снимая ее руки со своих плеч и поднимаясь. Элен, опустив голову, расправила связанными руками свои длинные темные волосы. Женя понял, что влюбился.

«Линкольн» дожидался их в том же месте, где его оставил Кузнецов, – под сенью деревьев. Они добежали до него, и Женя толкнул Элен в распахнутую дверцу водительского места. Она перебралась на место пассажира через рычаг переключения передач, и Женя прыгнул в автомобиль вслед за ней. Он захлопнул дверцу; получив короткий удар тока, соединил провода и завел двигатель. Элен в это время рылась в бардачке, пытаясь отыскать нож. Женя, включив задний ход, выехал на дорогу. В зеркальце он увидел, как охранник с пистолетом в руке подбежал к багажнику «линкольна». Еще двое спешили к нему на помощь. Охранник, ударяя рукояткой пистолета по капоту, достиг окна водителя.

Что он хотел сделать, как остановить их – Кузнецов так и не узнал, вдавив педаль акселератора в пол. Мощный двигатель глухо взревел, автомобиль сорвался с места, и охранник исчез за окном.

Женю и Элен вдавило в сиденья. Вслед раздались два выстрела, ударившие по багажнику. «Линкольн» очень быстро набрал семьдесят миль, и охранники резко уменьшились в зеркальце заднего вида, вскоре исчезнув совсем. Только тогда Женя смог перевести дух.

«Линкольн» летел по освещенной дороге, за окнами по обе стороны темной стеной проносился лес. Женя не представлял, куда их может вывести дорога.

– Как они схватили тебя? – спросил Кузнецов.

– Я сама пошла к воротам и потребовала, чтобы вызвали Бисбрука.

Женя опешил.

– Я же просил тебя никуда не уходить! – произнес он, раздражаясь. – А вместо этого ты сама пошла к ним! Зачем тебе понадобился Бисбрук?

– Я собиралась потребовать у него, чтобы он рассказал о судьбе настоящего «солнца».

– Вместо этого они едва не убили тебя!

В ответ на эти слова Элен всхлипнула. Женя, выругавшись про себя, продолжал следить за дорогой. Освещенный участок кончился, и Кузнецову пришлось включить дальний свет.

– Я не думала, что он такой человек, – неожиданно сказала она. – Он всегда помогал нашему музею, мы считали его благотворителем. Я думала, что он истинно болеет за коллекцию древностей музея.

– Видела бы ты его собственную коллекцию... Вещи, украшенные золотом, бриллиантами. Я полагаю, его коллекция обширнее, чем коллекция вашего Королевского музея.

– Именно там ты и нашел «солнце»? – спросила она.

– Да, – ответил Кузнецов. – До сих пор не могу понять, какую роль играет Бисбрук в нашей истории. Это «солнце» являлось самой ценной вещью в подземельях графа, несмотря на то, что там я видел вещи большего веса, выполненные из золота.

– Ты не захватил с собой ни одной драгоценной вещи?

– Я же не вор. Мне нужно было только «солнце»!

– Но ты же залез в дом Бисбрука грабительски.

– Ну и что! – воскликнул Кузнецов, – Мои исследования могут перевернуть сознание всего человечества.

– Методы проведения твоих «исследований» незаконны!

– Думаешь, было бы лучше напрямик направиться к Бисбруку, как ты, и заявить: подавай-ка сюда «солнце», оно и так задержалось у тебя! Сейчас бы я уже не разговаривал с тобой. А поступив по-своему, я не только разговариваю с тобой, но и имею настоящее «солнце». – Женя замолчал, Элен в ответ не проронила ни слова. Они ехали молча несколько минут. Лес неожиданно кончился, и с обеих сторон появились холмистые поля. В небе стояла полная луна, сквозь стекло автомобиля были видны скопления звезд на небе.

– О чем говорил с тобой Бисбрук? – спросил наконец Кузнецов.

Чувствовалось, что Элен не хотелось вспоминать этот эпизод. Она некоторое время молчала, глядя в окно, а затем начала рассказывать:

– Я не хотела бы больше попадать к ним в руки. Это страшно.

– Надеюсь, этого больше не произойдет. Что он хотел узнать? Он ведь задавал вопросы?

– Да. – Она провела рукой по щеке. – Он не спрашивал, откуда мне известно, что «солнце» поддельное. Я сразу поняла, что настоящее «солнце» находится у него. Он спрашивал меня, где находится фигурка. Я ответила ему, что не скажу, пока он будет вести допрос под принуждением. Однако после того, как охранник ударил меня, я призналась, что о фигурке услышала от тебя. Где она находится, я не знаю. Единственное, что я знаю, – фигурка находится у тебя. Это так?

– Как ты добросовестно все им выложила! – иронично заметил Кузнецов.

– Я не умею лгать. Когда я лгу, у меня краснеет лицо и начинают бегать глаза... Потом он спросил, зачем тебе статуетка. Я ответила, что ты хочешь найти предсказание о грядущем землетрясении в пещере Гималаев. Ведь это так?

– Нет, – ответил Кузнецов.

– Ты обманул меня? – удивилась Элен.

– Не совсем. К тому, что я ищу, землетрясение имеет лишь косвенное отношение.

– И что же это?

– Я расскажу тебе, а ты все расскажешь Бисбруку, как только он вновь схватит тебя.

– Возможно, ты прав. – Она печально склонила голову.

Кузнецову стало ее жалко. Он обидел ее, хотя, видит бог, его слова были правдой! Стоит ли рассказывать женщине, которую он знает всего три дня, о сделанных им открытиях, которые запали в его душу на протяжении последних нескольких лет.

– Он очень странно отреагировал на мои слова о том, что ты собираешься найти предсказание, – вдруг произнесла она. – Бисбрук будто знает о предсказании. Он кивнул, подтвердив правильность моих слов.

Женя удивленно посмотрел на Элен. Значит, Бисбруку тоже нужна пещера. Эх, выяснить бы, что ему известно!

Хорошо, что Итгла сейчас находится в надежном месте и далеко отсюда.

Они проехали несколько домов, свет фар выхватил только какое-то название по-французски.

– Где мы? – спросил он.

– Я не успела прочитать название, – ответила она. – Остановись.

– Ни в коем случае. За нами погоня, я в этом не сомневаюсь.

Она обернулась.

– Сзади не видно ни одной фары.

– Это ничего не означает. – За окнами темной стеной снова начался лес. – Кроме охранника с Бисбруком в комнате находился еще человек, огромный такой. Ты разглядела его?

– Да, он действительно был огромным, – подтвердила Элен. – Он все время стоял в стороне и внимательно слушал. Он ни разу не обратился ко мне или к Бисбруку, а Бисбрук будто не замечал его. Его лицо словно сделано из камня. Выступающий вперед подбородок, прямой нос, широкие скулы. На вид – лет сорок с небольшим.

Женя молча выслушал описание спутника графа, вспоминая его хриплый басистый голос, показавшийся Евгению нечеловеческим. Кто он такой? Все вопросы следует оставить на будущее. Сейчас нужно думать, что им делать дальше.

– Я собираюсь покинуть Бельгию, – произнес он, не отрываясь от дороги. – Куда тебе нужно?

– Даже не знаю, – пожала плечами Элен. – Наверное, мне нужно домой. Правда, безумно интересно, найдешь ли ты пещеру.

– Меня это тоже интересует, – ответил он.

– Как ты собираешься переправить «солнце» через границу? – спросила она.

– Пока не знаю. Что-нибудь придумаю. – Он помолчал. – Элен, мне неудобно просить тебя, ты и так очень помогла... Без тебя я вряд ли нашел бы «солнце». Но мне сейчас нужна какая-нибудь одежда. У меня нет денег. Они остались в пиджаке. Ты не могла бы купить мне одежду и обувь? Я вышлю тебе деньги, обещаю.

– Я не смогу тебе помочь, – произнесла Элен, выдержав долгую паузу. Женя насторожился. – Пока ты не развяжешь мне руки, – продолжила она.

Он усмехнулся, облегченно вздохнув. Впереди показались огни небольшого селения. Женя увеличил скорость.

– Блики, – прочитала название Элен.

– Тебе знаком этот городишко? Здесь могут быть круглосуточно работающие магазины?

– Блики довольно большое поселение. Я думаю, их надо поискать.

Минут десять они колесили по пустым улицам, пока наконец не обнаружили небольшой магазин «24 часа». Двери были открыты, в магазине горел свет, на неоновой вывеске «24 часа» помаргивала первая цифра.

– Ты полагаешь, здесь можно найти одежду? – спросила Элен.

– Другого магазина поблизости нет.

– Хорошо. Развяжи мне руки наконец.

Женя вышел из машины и, покопавшись в багажнике, нашел лишь бокорезы. Минуты три он перерезал веревки и наконец освободил руки Элен. На ее запястьях остались заметные красные следы. Она скрутила свои распущенные волосы, закрепив их на затылке.

– Как я выгляжу? – спросила она.

– У тебя синяк под глазом, а на запястьях следы от веревки. В остальном ты выглядишь нормально, не похожа на беглянку из тюрьмы.

– Можешь зайти в магазин сам. Будешь выглядеть, как засушенный вариант Рэмбо. О! – Она сунула руку в бардачок и достала оттуда черные очки. Элен надела очки, и синяк под глазом перестал быть заметным.

– Ну как?

– Только не объясняй хозяину магазина, что луна слишком ярко светит. Я отъеду воон за тот дом, чтобы меня не было видно.

Элен проводила взглядом «линкольн», скрывшийся за зданием, похожим на муниципалитет, и, набравшись храбрости, толкнула двери магазина.

Магазин был залит светом. Несколько длинных полок с продуктами упирались в кассу, за которой находился полноватый человек – очевидно, хозяин заведения. Хозяин, подпирая лысую голову круглым кулаком, уставился в телевизор, висевший под потолком. Диктор передавал последние новости. Элен громко кашлянула., чтобы обратить на себя внимание. Хозяин вздрогнул, оторвался от телевизора и поднялся со стула, приветствуя позднюю посетительницу. Больше в магазине, кроме Элен, никого не было.

– Добрый день, – произнесла Элен и поняла, что волнение выдало ее. Добрым день быть не мог, так как на дворе стояла ночь. К счастью, хозяин не обратил на ее слова внимания и поздоровался с ней в ответ. Элен постепенно приближалась к прилавку.

– «Катастрофа „Боинга-727“ в республике Чад унесла жизни нескольких десятков человек. Представители „Боинга“ заявляют, что неполадки, приведшие к катастрофе, являются следствием нарушения условий эксплуатации...»

– Я решила прогуляться, – сказала Элен и тут же подумала, что городок не такой большой и, очевидно, хозяин знает всех жителей в лицо. Это был ее второй прокол. Она была готова провалиться сквозь землю. Лучше бы в магазин пошел полуголый доктор Кузнецов. Он хотя бы умеет лгать не краснея!

– Что вы сказали? – произнес хозяин. Кажется, он не расслышал фразы Элен. Она облегченно вздохнула.

– Я решила зайти к вам, проезжая мимо на машине, – перестроила фразу Элен. Это не было ложью, и ей не за что было краснеть. – Мой муж... он... что у вас есть, кроме продуктов?

– «Колумбийская наркомафия устроила взрыв в центре Боготы. В результате террористического акта никто не пострадал. Полиция Боготы полагает, что целью мог являться...»

– У меня есть тут очки, галстуки, плакаты аббатства Ла-Кросс, шорты...

– Брюки у вас есть?

– Нет, мадам, только шорты. Предсказывают жаркий сезон, поэтому я затоварился шортами.

– Тогда мне шорты. Одни.

– Голубые, бежевые, желтые с надписью «Зверь сидит здесь»?..

– Дайте любые, без надписи.

– «В штаб-квартире альянса НАТО в Брюсселе прошло заседание по вопросу вступления в альянс новых представителей...»

– Какой размер вам, мадам?

Элен словно парализовало. Она не могла представить, какой размер необходим Кузнецову. Она не была замужем и никогда не покупала мужчине шорты.

– Дайте XL.

– Вот, пожалуйста. – Он достал из-под прилавка шорты и протянул их Элен, затем стукнул пальцами по клавишам кассы, выбивая чек.

– Еще, пожалуйста, майки у вас есть?

– Майки? Майки есть. Мадемуазель интересуется молодежная мода? Сюжет из кинофильмов или рок-группа?

– Без кинофильмов и рок-групп, – попросила она. Хозяин кинул на прилавок сложенную вчетверо черную майку. – Что-нибудь еще?

– Шлепанцы... Сандалии. У вас есть сандалии?

– Есть, посмотрите на прилавке сзади вас.

Элен обернулась. Перед ней на прилавке выстроились сандалии разных размеров и фасонов. Она задержалась возле прилавка, опять пытаясь определить, какой размер необходим Кузнецову. Взяв в руки сандалии, похожие на греческие, она стала рассматривать их.

– «За совершение тройного убийства на даче Страммов в Герардсбергене полицией разыскивается Евгени Кузнесофф, рецидивист, представитель русской мафии в Бельгии, и его сообщница Элеонора Граббс, дважды судимая за проституцию...»

Ноги Элен вросли в пол, сердце провалилось в пятки. Тройное убийство? Дважды судимая за проституцию? Она заставила себя повернуться и посмотреть на экран телевизора. Хозяин магазина тоже уставился в экран.

– «Приметы преступников. Кузнесофф – лет тридцати трех, рост сто восемьдесят сантиметров, светлые волосы. Женщина – двадцати семи лет, рост около ста семидесяти сантиметров, одета в белую блузку и темную юбку до колен. Есть подозрение, что женщина будет пытаться купить одежду. Просьба всем, кому что-либо известно...»

Хозяин магазина обернулся. Его лицо выражало удивление. Он смотрел на Элен, и чувствовалось, что он оценивает ситуацию. Руки его потянулись под прилавок. Элен, недолго думая, схватила с прилавка майку, шорты и, развернувшись, бросилась было бежать, но путь ей преградила проволочная стойка с журналами. Элен сшибла стойку и, запутавшись ногой в проволочном каркасе, упала на пол. Журналы рассыпались по кафельному полу.

Хозяин магазина судорожно достал из-под прилавка дробовик, ствол которого был завернут в чехол. Элен дернула ногой, пытаясь освободиться от стойки, но это ей не удалось. Хозяин дрожащими руками пытался развязать веревку на чехле, но это ему тоже не удавалось.

Элен попыталась сосредоточиться и определить, как же ей все-таки вытащить ногу. Она повернула стопу, и казалось, что нога уже освободилась, но каблук зацепился за проволоку, и ей пришлось возобновить усилия. Между тем хозяин все-таки развязал веревку и скинул чехол. Элен поняла, что, если она и дальше будет оставаться на полу, жить ей осталось недолго.

Она выдернула ногу из туфли, оставив ее в хитросплетении проволочного каркаса стойки, и вскочила на ноги. Хозяин вскинул дробовик и нажал на курок. Элен вся сжалась. Она живо представила, как ее голову выстрелом разносит в клочья или в животе у нее карточью пробивается огромное отверстие, в точности такое же, какое она видела у героини Голди Хоун в фильме «Смерть ей к лицу».

Раздался щелчок, дробовик оказался не заряжен. Хозяин тихо выругался. Элен, не веря, что живот ее остался цел, скинула вторую туфлю и, крепко сжав в руках одежду и сандалии, вылетела из магазина.

Женя, заметив появившуюся Элен, включил фары и выехал из-за здания, подрулив к магазину. Элен прыгнула в кабину.

– Ну как? – спросил он.

– Дважды судимая за проституцию, – отрешенно повторила она.

– Кто? – недоуменно спросил Кузнецов, вскинув брови.

– Быстро! Поехали!

Женя дал газу. Через минуту они находились за пределами городка. Женя вел автомобиль, иногда поглядывая на Элен, которая сидела в прострации, зажав в руках одежду.

Она ничего не говорила, и, чтобы вывести ее из этого состояния, Кузнецов произнес:

– Хорошие шорты.

Элен ожила. Она заговорила, волнуясь и кусая губы:

– По телевизору передали сообщение, что полиция разыскивает нас за тройное убийство.

– Вот тебе и раз! – сказал Кузнецов по-русски.

– Ты являешься рецидивистом, членом русской мафии, а я – дважды судима за проституцию. Боже! – Она закрыла лицо руками, – Что скажет мама!

Женя удивленно присвистнул.

– Быстро они сориентировались. Вот почему за нами нет погони. Бисбруку это не нужно. Полиция перекроет все дороги и возьмет нас.

– Что же делать?

– Надо бросать машину. – Женя тут же свернул с дороги в лес. Он проехал сколько смог, пока позволяло расстояние между деревьями, и остановился. Он вышел из «линкольна», предварительно потушив фары, оставив светлишь в салоне.

– Но ведь я же никогда не подвергалась суду, – пыталась убедить его Элен. – Я даже никогда не пробовала курить. Я окончила университет в Париже, я доктор наук! А меня объявляют... Надо пойти в полицию и все им объяснить. Они ошиблись. Пусть посмотрят в своих архивах! Меня никогда не задерживали и уж тем более не судили.

– Мы бросим машину здесь, – не слушая ее, сказал Кузнецов, – Самим придется идти по лесу ночью, чтобы оказаться как можно дальше от машины и наутро попасть на поезд до Брюсселя.

– Зачем это? Нужно сдать полиции и объяснить, что это какая-то ошибка.

Наконец Кузнецов обратил внимание на ее слова. Он залез в салон и, глядя ей в глаза, произнес:

– Я не думаю, что объявление нас преступниками – это случайная ошибка. Возможно, что при задержании нас застрелят, ошибка выяснится потом. Но у Бисбрука будет «солнце», и он избавится от двух свидетелей.

– Свидетелей чего? Что мы сделали запретного? Женя, помедлив, ответил:

– Сокровища в подземелье особняка графа могут являться причиной, но я видел еще кое-что. Увиденное я не могу объяснить. Это был огромный котел с раскаленной жидкостью.

Элен недоверчиво скосила глаза.

– Я понимаю, – продолжил Кузнецов, – что это звучит еще более абсурдно, чем сокровища графа в подвале особняка, но я видел это! Ты можешь посмотреть, как опалились волосы у меня на голове... То, что нас объявили преступниками, – ошибка, но не случайная. Бисбрук имеет влияние на полицию. В таких обстоятельствах мне будет очень сложно покинуть Бельгию.

– А что же делать мне? Как я появлюсь в музее?

– Появляться в музее не следует до тех пор, пока я не покину Бельгию. Как только я пересеку границу, уверен, страсти улягутся.

– Но ведь меня убьют! Да-да! Охранник сказал, что убьет меня! Неужели ты думаешь, они оставят меня в живых, когда один раз пообещали убить! Я – нежеланный свидетель жестокости Бисбрука, который в обществе слышит милейшим человеком!

– Ты права, – подумав, произнес Кузнецов, – Оставаться в стране тебе опасно. Ты тоже должна покинуть Бельгию.

В ее глазах застыло удивление. Кажется, только сейчас она до конца осознала, в какую ситуацию попала и какие могут быть последствия. Элен нервно сглотнула.

– Ты хочешь сказать – я уже не житель этой страны? Я родилась здесь! Здесь живет моя мама! Куда я поеду? Кузнецов не воспринял всерьез ее панические слова:

– Покажи, что ты мне принесла.

Она вспомнила о вещах, которые по-прежнему сжимала в руках, и протянула вещи Кузнецову.

– Я не заплатила за них, – виновато произнесла она.

– Экономия нам сейчас не помешает. – Женья развернул майку. На черной майке был изображен грязный умывальник с тараканом, расположившимся около крана. Внизу стояла надпись «Продиджи». Женья непонимающе оглядел рисунок и перевел взгляд на Элен. – Это что?

– «Продиджи»? Это группа.

– Зачем ты взяла такую майку?

– Я просила без рисунка. Продавец такую подсунул!

– Теперь во всех сообщениях о нашем розыске будут добавлять, что мужчина одет в майку с надписью «Продиджи» и рисунком грязного умывальника.

Взглянув на шорты, Женья лишь хмыкнул и выбросил их в окно, решив остаться в своих брюках. Слава богу, они были не настолько протерты, как пиджак. Он надел сандалии, а ботинки с протертыми задниками последовали за шортами.

– Пошли, – сказал он. Элен вылезла из машины в темноту и ойкнула.

– Я оставила свои туфли в магазине, – сообщила она. После этого они около двадцати минут искали в темноте выброшенные Кузнецовым ботинки. Найдя, Женья вновь их надел, пожертвовав сандалии Элен. Кое-как она закрепила сандалии на своих миниатюрных ножках, и они двинулись в путь.

Лес был редким, луна освещала дорогу. Через пятнадцать минут пути они вышли на холмистую лужайку. Вдалеке виднелись фермерские хозяйства. Женья и Элен решили держаться подальше от поселений и двигались по равнине в неизвестном направлении. Несколько раз они пересекли шоссейные дороги. Через час пути, измученные зевотой, они остановились возле заброшенного дома с проломленной крышей. Женья сел под дерево на землю, Элен устроилась на груде сухих листьев. Засыпал Кузнецов, вспоминая взгляд Элен, когда они летели на проводе. Рука его крепко сжимала золотой диск «солнца».

* * *

3 июля

Кузнецов проснулся оттого, что кто-то лизал его влажным языком. Женья сморщился и открыл глаза. Раннее солнце, поднимаясь из-за горизонта, оранжевыми лучами слепило глаза. Кузнецов сощурился. Рядом с ним стояла корова и лизала его в лицо. Бока коровы покрывали рыжие пятна.

– Фу! – воскликнул Кузнецов, отпугивая корову, и вскочил на ноги.

От шума проснулась Элен. Глаза ее были оловянными, она не могла понять, где находится.

– Пошла вон! – вновь закричал Кузнецов, Корова перестала его лизать и жалобно замычала.

– *Elle ne veut, qu'on la caresse!*⁷ – раздался старческий хохот.

Из-за коровы вышел невысокий старичок с седыми волосами и беззубым ртом. Старик было весело. Женья насторожился. Откуда старик взялся здесь? Наверное, пасет корову.

⁷ Она только хочет, чтобы ее приласкали (фр)

Смотрел ли он новости? Если и смотрел, то преступников не узнал. Над убийцей-рецидивистом, как представили Кузнецова в новостях, он так бы не смеялся. Коли на то пошло, то, может, он накормит их? В подтверждение этих мыслей в животе заурчало. Он подумал, что нужно ответить старику. Но Кузнецов совершенно не знал французского. На помощь пришла Элен. Она поднялась, стряхнув листья с волос, и что-то произнесла извиняющимся тоном. Тот ответил, кажется, объясняя. Элен усмехнулась и ответила старику. Тот вновь захохотал. Женья взглядом просил Элен перевести разговор. Старик вдруг повернулся к Кузнецову и что-то спросил. Элен прервала его, отрицательно покачав головой, и стала что-то объяснять. Старик понимающе кивнул.

– Что? – не выдержал Евгений.

– Он спросил меня, почему мы ночевали возле его дома? Почему не постучались и не попросили пустить на ночлег. Я ответила – мы подумали, что дом заброшен. Оказывается, он по ночам экономит электричество, поэтому возле дома не горел ни один фонарь. Вот мы и подумали, что дом заброшен.

– Жюль! – протягивая руку, представился старик. Женья вопросительно посмотрел на Элен.

– Я сказала ему, что ты не говоришь по-французски, – ответила она. Женья расслабился. Если старик экономит по ночам электричество, вечерние новости он точно не видел. Женья улыбнулся своей неотразимой улыбкой, которой прельщал секретарш и работниц авиакасс.

– Джонатан! – представился Кузнецов, пожав руку старику. Рукопожатие того было крепким. Очевидно, старик до сих пор трудился в сельском хозяйстве.

Услышав ложь, произнесенную Кузнецовым, улыбка Элен поблекла. Женья постучал себя большим пальцем в грудь. – Америкам.

Старик Жюль понятиливо кивнул. Женья смотрел на одноэтажное жилище старика и теперь ясно видел, что оно не было покинутым. Остроконечная черепичная крыша в утренних лучах солнца стала красной. Стены выкрашены в бледно-желтый цвет, деревянная дверь аккуратная, сколоченная из толстых дубовых досок, покрытых темным лаком. С одной стороны к дому примыкал полуразрушенный сарай, увидев его ночью, Женья и подумал, что ферма заброшена. Но с другой стороны дома был виден совершенно новый сарай. Проследив за взглядом Кузнецова, Жюль что-то прокомментировал, а Элен перевела:

– Он недавно построил новый сарай, окна которого выходят на север. Говорит, удои от этого поднимаются, да и животные растут быстрее. А старый сарай не успел сломать. Крышу, говорит, собирается новую делать. Эта обветшала уже.

– У вас очень хороший дом, – постарался польстить старику Кузнецов.

– Он благодарит тебя, – перевела Элен, – и приглашает войти.

Старик Жюль жестом призвал их следовать за ним в дом и направился к двери по выложенной естественным булыжником дорожке. Элен и Женья проследовали за ним.

Хозяин дома жил один. Дорогих вещей он не держал, никакой электроники в доме Кузнецов не обнаружил. В комнатах стояли старинные комоды, темные полированные шкафы, стол на гнутых ножках; но ни телефона, ни магнитофона, ни кондиционера Женья не увидел.

– И телевизора у вас нет? – спросил Кузнецов. Старик опять засмеялся и, отрицательно помотав головой, что-то сказал.

– Он говорит, что не любит современные вещи. Он любит все старое, то, что осталось от отца, – перевела Элен.

Старик любезно потчевал их сыром собственного приготовления, который был свежим и необычайно нежным. Пока старик и Элен беседовали на французском, Женья с жадностью выпил целый кувшин молока и проглотил несколько приличных кусков ветчины.

Почувствовав тяжесть в желудке, Кузнецов откинулся на спинку стула. Им невероятно повезло, что они переночевали возле этого дома! У старика не оказалось телевизора, и он

не знал, что молодых людей разыскивают. Можно было остаться здесь на целый день, сориентироваться, а вечером, ближе к ночи, направиться в Брюссель. Или в аэропорт? Может, попытаться улететь? Вряд ли. Аэропорт – это первое место, где их будут поджидать. У таможенника, проверяющего паспорт, на столе будут лежать их фотографии. Пересекать границу по дорогам так же бесперспективно, там наверняка выставлены посты. Перейти через границу пешком? Можно попытаться. Куда? В Голландию? Во Францию? В Германию? Или уйти морем, через Антверпен?

Лицо Элен краснело по мере того, как она отвечала старику, а речь ее сбивалась. Очевидно, она придумывала какую-то историю, рассказывая о них. Она действительно не умеет врать, подумал Кузнецов. Стоит ли тащить ее с собой через границу? Да вообще, кто она ему? Осмыслив последний вопрос, Женя понял, что вопрос шел из головы, а не от сердца. Вопрос шел из его мозга – холодного, расчетливого, не брезгавшего любыми методами, настроенного на выживание. Но когда он смотрел на Элен, в груди его разливался непонятный жар. Такого чувства он не испытывал даже к жене, даже в те времена, когда только ухаживал за ней.

Взгляд Кузнецова остановился на полке у стены. Полка служила подставкой для фигурок, и там была фигурка слона, выполненная из гипса, и маленькое зеркальце в бронзовом обрамлении на подставке, а еще на полке лежали очки без одной дужки, связка больших ключей и даже кожаный ремень для брюк. На полке царил беспорядок, но Женя увидел эту вещь. словно под гипнозом, не сводя глаз с полки, он поднялся, подошел к ней и взял в руки маленький, размером с половину указательного пальца камешек в форме когтя. Старик и Элен прекратили разговор и посмотрели на Кузнецова. Женя как замороженный гладил пальцем полированную поверхность камня, на которой был выгравирован тонкий филигранный паз, в точности повторяющий форму камня. Два паза с одной и с другой стороны сходились в точке острия «когтя».

«Вот оно! – подумал он. – Вот еще одно!»

– Откуда у вас это? – спросил Кузнецов старика, забыв, что тот не понимает по-английски.

Старик вопросительно посмотрел на Элен. Она перевела. В ответ он начал что-то говорить, Элен переводила:

– Эту вещь нашел его отец, когда ходил на торговом судне к Новой Зеландии. Несколько дней они стояли у островов Соландер. Команда корабля развлекалась тем, что ныряла за кораллами. Они ныряли без акваланга. Отец мог находиться под водой без воздуха больше трех минут. Этого времени хватало, чтобы доплыть до дна, выбрать коралл и вернуться на поверхность. Его отец нашел этот «коготь» на дне, сплошь усыпанном каменными глыбами. Неизвестно чем, но «коготь» привлек его внимание. Он подумал, что это такой красивый камень. Однако позже, уже на судне, он обнаружил симметричные пазы по обеим сторонам камня. Эта вещь сделана руками человека, даже, возможно, древнего человека. Отец подарил ему это как сувенир из Новой Зеландии.

– Вы не отдавали камень специалистам? – спросил Кузнецов.

Элен перевела. Старик выслушал ее и ответил, пожав плечами.

– Он не видел в этом необходимости. Почему ты спрашиваешь? – задала от себя вопрос Элен.

– Я уверен, современные ученые не смогут определить материал, из которого сделан камень.

– Ты хочешь сказать, что это продукт внеземной цивилизации?

– Нет, я не хочу этого сказать.

– Но почему ты решил, что это необычный камень?

– Я сталкивался с такими. И потом, посмотри! – Он протянул камень Элен. Она взяла его в руку и вздрогнула.

Коготь был теплым. Рука Кузнецова, держащего камень до этого, не могла нагреть его так сильно. Температура камня была градусов сорок пять или больше. Следовательно, камень был нагрет еще до того, как его взял в руки Кузнецов.

– Он всегда такой... горячий? – спросила она старика Жюля.

Тот кивнул и ответил. Элен перевела:

– Он был таким всю его жизнь. Этот камень был теплым всегда.

Элен вопросительно посмотрела на Кузнецова и отдала ему «коготь». Принимая его, Женья произнес:

– Острова Новой Зеландии пересекает тектонический разлом. Много тысяч лет назад магма вырывалась в том месте из-под земли. Камни, увиденные его отцом под водой, являются продуктом подъема магмы на поверхность. – Женья остановился, а затем быстро сказал: – Спроси, сможет ли он продать мне камень?

Тень изумления скользнула по лицу Элен.

– Я не думаю, что стоит задавать этот вопрос, Евгений. Я полагаю, эта вещь дорога ему как память об отце.

– Спроси его, – настойчиво твердил Кузнецов.

– Я не буду этого делать! – со злостью в голосе ответила Элен. – Спроси его без моей помощи!

Женья вытянул вперед руку с камнем в направлении старика, другой рукой он достал из кармана пятидесятидолларовую бумажку и протянул в том же направлении. Двинув подбородком вверх, Женья изобразил немой вопрос. Веселье исчезло с лица старика. Он протянул свои сморщенные пальцы к руке Кузнецова, но не к той, в которой были зажаты деньги, а к той, в которой находился «коготь». Он выхватил его и положил на прежнее место, на полку.

– Скажи ему, что я дам тысячу долларов, – в пылу произнес Кузнецов.

– Я не буду ничего ему говорить, – ответила Элен. – Ты оскорбляешь чувства. Память об отце он не продаст.

Старик вдруг что-то резко сказал, нехотя усмехаясь, как будто ему за эти слова было неудобно. Элен перевела:

– Он сказал, что не продаст камень, даже если за долги выставят на аукцион его ферму. Это подарок отца, а подарок нельзя отдавать никому!

Рука Евгения с зажатой в ней пятидесятидолларовой бумажкой упала. Женья опустил голову.

– Скажи, что я прошу прощения, – произнес он и вышел из комнаты. Он успел услышать, как Элен переводила его слова старику.

Женья вышел из дома. Солнце уже встало над холмистой равниной, заливая ее радужным искрящимся светом. Несколько коров, гуляющих вдалеке и не обращающих на солнце никакого внимания, поедали траву. Лицо обдувалось свежим ветерком с легким запахом силоса. Женья опустился на скамейку возле дома. Элен вышла вслед за ним и присела рядом.

– Ты обижаешься на меня? – спросила она.

– Нет, – ответил Кузнецов. – Но когда на меня нападает жар исследования, я становлюсь сам не свой.

– Что это за камень?

– Ты сочтешь меня сумасшедшим, услышав ответ.

– Я знаю тебя лишь три дня и уже уверена, что ты ненормальный.

Женья улыбнулся, прислонился спиной к стене дома и вытянул ноги.

– Вот так бы и сидел на этой скамейке, никуда бы не спешил, – произнес он. – У тебя есть загранпаспорт?

– Да. Только он остался дома.

– Надо связаться с твоей матерью, чтобы она выслала паспорт. Ты выяснила, где мы находимся?

– Мы на юге Бельгии, недалеко от французской границы.

– Насколько недалеко?

– Пять-семь километров.

Женя задумчиво посмотрел на небо, словно ища там ответ. Он некоторое время разглядывал редкие прозрачные облака, почесал небритый подбородок и произнес:

– Меньше всего я хотел идти во Францию. Некоторые французы до сих пор меня недолюбливают. Ну, ладно! Во Франции мы не задержимся. Какой ближайший город во Франции?

– Кажется, Лилль.

– Значит, сегодня пешком перейдем границу, а до Лилля доберемся на попутном автомобиле. Вечером будем в Лилле. Оттуда свяжешься с матерью. Попросишь, чтобы она выслала тебе паспорт. Только бы на границе не поставили кордоны.

– Моя мама волнуется. Мне нужно позвонить сейчас.

– Ни в коем случае! – возразил Кузнецов. – Только когда мы окажемся во Франции.

– Что мы там будем делать? – спросила она.

– Главное – покинуть Европу. Здесь для нас стало опасно. Не могу понять, что нужно графу Бисбруку, но он будет искать нас.

Элен грустно вздохнула. Она думала о том, что неизвестно, сколько времени ей предстоит жить вне родной страны. Она думала о своей работе и, конечно, о матери. Женя понимал ее, и, хотя у него-то работа по-прежнему оставалась и даже позволяла совершать командировки, он практически не занимался своей непосредственной профессией.

Жене очень хотелось обнять Элен за плечи и успокоить, но он не сделал этого.

Они вышли с фермы старика, когда солнце уже довольно высоко висело над горизонтом. На прощание старик дал им в дорогу четверть головки сыра и литровую бутылку свежего молока. За час пути они миновали четыре фермы и один населенный пункт, который обошли стороной. На исходе второго часа пути Женя сказал Элен, что, по всей видимости, они уже находятся на территории Франции. Еще через час они вышли на оживленную автомагистраль.

– Не могу поверить, что мы уже во Франции, – говорила Элен, когда Кузнецов стоял на обочине дороги, пытаясь поймать машину.

– Если старик правильно указал направление, то мы во Франции, – пробормотал Кузнецов. Минуту спустя около него затормозил светло-серый «пежо». Водитель ехал в Лилль и любезно согласился подвести их. Через полчаса они были на окраине города и вышли около заправочной станции. Было два часа дня. На бензоколонке было пусто. Женя и Элен зашли в небольшое кафе, расположенное рядом с заправкой.

– Я себя очень неуютно чувствую в этой майке, – поделился Женя, жуя бутерброды с беконом и запивая крепким кофе. – Мне необходима нормальная одежда.

– У меня осталось совсем немного денег, – призналась Элен. – Мне нужно позвонить матери.

– Прямой звонок делать нельзя, телефон твоей матери непременно прослушивается.

– Что же делать?

– Тебе нужно позвонить соседке или знакомой матери, в общем, человеку, которого она хорошо знает. Ты попросишь этого человека передать матери сообщение от тебя. Скажешь, чтобы она не волновалась и не верила сообщениям по телевизору. Что с тобой все в порядке, только позвонить не можешь. Попросишь мать, чтобы она передала с близким тебе

человеком паспорт и деньги. Скажешь, что мы будем ждать этого человека до завтрашнего обеда здесь, на бензоколонке на окраине Лилля. В чем дело? – спросил Кузнецов, заметив недовольство на лице Элен.

– Ты чересчур нагло заявляешь о том, чтобы моя мать передала свои деньги.

– Эти деньги понадобятся тебе, – произнес Кузнецов, делая ударение на последнем слове. – Я говорю об этом, чтобы ты про них не забыла сказать по телефону.

– Именно это мне и не нравится. Мне не нравится, что ты распоряжаешься моими деньгами. Женья поморщился:

– Ну хорошо, я не говорил этого, но все-таки не забудь! И так, кому бы ты могла позвонить?

– Соседке, живущей этажом выше, мадам Лявур. Ей семьдесят лет, но память у нее крепкая. А вот кто мог бы доехать до Франции... – Элен задумалась. – Не могу представить такого человека. Моих знакомых мама не знает, ее знакомые уже стары, чтобы им можно было доверить такое задание.

– Хорошо, тогда пусть она попросит того, кого сочтет нужным. Только мы должны узнать этого человека. Пусть, подъехав к бензоколонке, этот человек включит сигнал аварийной остановки, чтобы мы узнали его. Ты все запомнила? Вон там находится телефон.

Налив себе еще чашку кофе и мелкими глотками отпивая его, Женья наблюдал, как Элен подошла к автомату и, вставив магнитную карту, долго набирала номер. Кофе был откровенно плохим. Женья разбирался в кофе и при других обстоятельствах пить такой не стал бы. Но сейчас ему нужно было взбодриться. Он устал за эти дни, проведенные в Бельгии, и усталость, аккумулировавшись, сейчас дала о себе знать. Его нервы находились на пределе, и он готов был сорваться в любую минуту.

Кажется, Элен дозвонилась. Она заговорила по-французски с почтительной интонацией. Мадам Лявур, мадам Лявур – только и мог понять Кузнецов. Так ли хороша память у этой старухи, как описывала Элен?

Закончив разговор, Элен вернулась к столику. Женья доедал кусок вишневого пирога, купленный на деньги Элен.

– Ну, как? – спросил он с набитым ртом.

– Мадам Лявур сразу заявила, что не верит сообщениям по телевизору. Она знает меня с детства и верит мне. Я все пересказала, как ты просил. Мадам Лявур обещала передать мои слова матери.

С обеда до вечера Женья смотрел телевизор, висевший над стойкой бара. Программы были сплошь на французском языке, поэтому к концу дня голова у Кузнецова шла кругом. Правда, он остался удовлетворен. Сообщения об их розыске во Франции не передавались. Может быть, Бельгия не просила Францию о помощи, хотя обе страны являются членами Европейского сообщества. А возможно, пока Женья и Элен скитались вдали от городов Бельгии, их уже перестали искать и махнули на них рукой. Как бы он хотел надеяться на это!

Элен сняла номер в маленькой гостинице и сейчас отдыхала. Женья раз в полчаса выходил на улицу, обходя заправку вокруг и высматривая, не стоит ли где автомобиль с мигающими сигналами поворота. В 22.30, когда Женья собирался сделать последний круг и идти в номер, он увидел его. Автомобиль находился недалеко от заправки и был наполовину укрыт кустами акации. Судя по радиаторной решетке, это был «фольксваген». Из-за кустов были видны лишь передние поворотники, которые мигали не чаще чем раз в секунду. Женья оглянулся и подошел ближе.

На улице было сумрачно, свет в салоне автомобиля не горел, поэтому увидеть человека, находящегося в салоне, не представлялось возможным. Не раздумывая, Женья дернул за ручку и запрыгнул в салон. Он не просчитывал вариантов, он не думал о том, что человек

в автомобиле может не говорить по-английски, что закономерно – ведь он, вероятно, уроженец Бельгии.

– Добрый вечер, – произнес Кузнецов, обращаясь к темной фигуре человека за рулем. – Элен находится недалеко. Вы привезли паспорт?

Он видел профиль лица незнакомца какие-то секунды. Человек повернул к нему голову, и Женя мог разглядеть лишь короткую стрижку и едва оттопыренные уши.

– Да, – ответил незнакомец приятным баритоном. Акцент выдал в нем американца.

– Вы отдадите его мне или нужно позвать Элен?

– У меня нет его с собой.

– Тогда где же он? – слегка озабоченно спросил Женя.

– Поедемте со мной.

– Это далеко?

– Минут пятнадцать.

Проехавшая навстречу машина на какое-то мгновение осветила фарами салон «фольксвагена», и Женя увидел лицо человека, сидящего рядом с ним. Женя не знал его. На вид человеку было лет сорок, высокий морщинистый лоб, широкие скулы, суровая складка губ. На подбородке Женя успел отметить косой шрам. Глаза человека были пронизательны.

Встречный автомобиль проехал, и салон вновь погрузился во тьму.

– Я пойду приведу Элен, – произнес Кузнецов. – Мы соберем вещи, так что подождите здесь, пожалуйста, еще минут десять.

– Хорошо, – ответил человек.

Женя вылез из машины и припустил к отелю. Элен спала, и ему пришлось долго стучаться к ней в номер. Она открыла дверь, зевая так, что рисковала вывихнуть челюсть.

– Кто-то приехал? – спросила она, подавив зевок.

– Вот именно, «кто-то»! – бросил Кузнецов, проходя в номер. – Быстро собирайся! Я полагаю, он не тот, за кого себя выдает.

Они бежали к тисовому лесу. Станция, гостиница и автомобиль с мигающими поворотниками остались сзади.

– С чего ты взял, что он не тот? – на ходу спросила Элен.

Женя остановился.

– Лет сорок, короткая стрижка, шрам на подбородке, американский акцент, наверное, ближе к нью-йоркскому, когда говорят как будто в нос?

– Нет, я не знаю такого человека.

– Вот и я засомневался, что в знакомые твоей матери мог затесаться человек из Северной Америки. К тому же и твоего паспорта у него не было.

– Полагаешь, это человек Бисбрука?

– Не знаю. Одно только для меня ясно: не надо сегодня ночевать в гостинице.

Так они и заночевали в лесу недалеко от автозаправочной станции. Слава богу погода была теплой. Проснувшись наутро под тисовыми деревьями, Женя почувствовал страшный голод. Солнце просвечивало сквозь листву. Он взглянул на часы, они показывали семь часов. Элен мирно спала недалеко от него. Стараясь не разбудить ее, Кузнецов выглянул из-за кустов, желая посмотреть, работает ли кафе. Кафе работало. Похоже, оно работало всю ночь. Пока спит Элен, можно сходить и купить что-нибудь поесть. Ну а уж после он решит, что делать дальше. Человек в машине не привез паспорт Элен и скорее всего не был посланником матери Элен. Женя не раз сталкивался с уловками типа «у меня нет сейчас денег, но я могу показать, где они лежат». Он сам раза два применял ее. Обычно человек, говорящий эти слова, пытается запутать собеседника, выиграть время. Женя был уверен, что у этого человека не было паспорта Элен. Из всего этого следовал естественный вопрос: откуда он узнал о встрече на автозаправочной станции города Лилля? Откуда он узнал о кодовом сиг-

нале – мигающих поворотниках? Или соседка мадам Граббс проговорила полиции, а та в свою очередь проинформировала Бисбрука? Или все телефоны в доме Элен прослушивались? Был ли это человек Бисбрука? С вероятностью в девяносто процентов Кузнецов мог сказать, что да.

Размышляя о хитросплетении текущих событий, он вошел в кафе, подошел к официантке, поздоровался с ней и... не смог сказать по-французски, что ему нужно. Она предлагала меню, но там он тоже ничего не мог понять. Наконец они сошлись на слове «гамбургер» и четырех отогнутых пальцах, показывающих их количество, а также двух стаканчиках кофе. Расплатившись за все, Кузнецов направился к Элен. Однако, выйдя из дверей кафе, он наткнулся на Элен и чуть не пролил на нее кофе. Волосы Элен были взлохмачены.

– Я думала, ты бросил меня, – произнесла она с обидой. – Ведь у тебя есть паспорт, а у меня нет.

– Но я же здесь, – возразил он, протягивая ей кофе с гамбургерами.

Они шли к автобусной остановке, жуя на ходу. Проходя мимо бензоколонок, Женя заметил светло-серый «пежо» с поднятым капотом. Хозяин ковырялся в двигателе и был скрыт от глаз. Поворотники «пежо» мигали, показывая аварийную остановку. Женя остановился. Элен заметила «пежо» и охнула.

– Это он? – спросила она.

– Тот был на «фольксвагене».

– Кажется, я знаю, кто это! – вдруг радостно воскликнула она. – Это машина дяди Виктора!

Опрокинув стаканчик с кофе, Элен бросилась к машине. Женя побежал вслед, наспех допивая из своего стакана. Элен быстрее него оказалась возле водителя, и Женя видел, как изменилось ее лицо. Он подошел к машине и встал рядом с Элен. Человек среднего роста с седыми волосами находился к ним спиной. Он что-то ковырял в двигателе и не видел подошедших.

– Дядя? – осторожно спросила Элен.

Человек повернулся, и сердце Кузнецова ушло в пятки. Это было то же самое лицо, которое он увидел на мгновение в свете фар встречной машины. Та же суровая складка губ, те же скулы. Шрам на подбородке... Женя невольно попятился и уперся спиной в колонну, держащую навес над бензоколонкой. Убежать они не успели бы, к тому же он не сомневался, что бензоколонка оцеплена людьми Бисбрука. Поэтому язык Кузнецова оказался самой подвижной частью его тела:

– Теперь у вас есть паспорт Элен?

– Почему теперь? – спросил незнакомец. Этот голос Кузнецов слышал вчера вечером в кабине «фольксвагена». И акцент в точности такой же.

– Потому что вчера вечером у вас не было паспорта.

– Извините, – человек виновато улыбнулся, – я пересек границу Франции полчаса назад. Вы меня с кем-то перепутали.

По каким-то причинам человек не хотел показывать, что он был здесь вчера. Но Кузнецов его очень хорошо запомнил. Пока Женя оглядывался, пытаясь заметить прячущихся в засаде людей, Элен задала простой вопрос:

– Кто вы?

– Простите. – Человек вновь улыбнулся. – Меня послала ваша мать. Она не смогла найти кого-нибудь, а я сын ее двоюродной сестры, которая сейчас проживает в Нью-Йорке. Чтобы вы меня признали, она дала машину вашего дядюшки Виктора. Ваша мать очень волнуется за вас, Элен, она просила передать, чтобы вы возвращались. Она уверена, что все это какое-то недоразумение.

– Я вас видел здесь вчера, я не шизофреник, – вновь —.. упрямо промолвил Кузнецов.

– Вы можете позвонить своей матери и спросить ее обо мне. Вчера вечером я ночевал дома у Элен. Вот, кстати, паспорт, а вот деньги.

Он протянул Элен паспорт, в который были вложены денежные купюры.

– Там записка от матери.

Элен кивнула и, раскрыв паспорт, достала записку. Пробежав глазами по строкам, Элен всхлипнула.

– Ну вот, – смахнув слезу, сказала она, – мама, как всегда, переживает.

– Я бы тоже на ее месте переживал, окажись моя дочь в такой ситуации, – произнес незнакомец.

– Поехали отсюда, – сказал Кузнецов, которому убедительно продемонстрировали, что его подозрения беспочвенны.

Человек захлопнул крышку капота и сел в машину. Женя уселся на переднее сиденье, а Элен – на заднее. Машина тронулась, и через несколько секунд автозаправочная станция исчезла из виду.

– Меня зовут Шон Уолкер, – запоздало представился человек.

– Джон Смит, – произнес в ответ Кузнецов.

– Не надо меня обманывать, вы – Евгений Кузнецов.

Сомнения вновь вернулись к Евгению. От всех загадок уже пухла голова. Кто он такой? Он представился родственником Элен, но в лицо она его не знает. Однако он сообщил некоторые подробности, которые убедили Элен, что он ее родственник. Тогда с кем разговаривал Кузнецов вчера вечером? Или это ему приснилось? Быть может, он заснул в баре?

– Откуда вы меня знаете? – устало спросил Женя.

– Мама Элен мне рассказывала о вас. Она не знала вашего имени, но по телевизору его сообщили. То, что передавали про Элен, было ложью. Отсюда следует, что вы тоже не являетесь членом русской мафии.

– Он сейсмолог, – вставила с заднего сиденья Элен.

Кузнецов выразительно посмотрел на нее. Было совсем ни к чему выдавать себя первому встречному.

– Вы сейсмолог? Серьезно?

Кузнецов отвернулся и стал смотреть в окно.

– Может быть, – ответил он.

– Я знаю кое-кого среди сейсмологов и вулканологов. Вы знали доктора Фишера?

Женя обернулся. Конечно, он знал Фишера! Исследования Фишера были близки ему. Исследуя состав выбросов магмы в различных точках планеты, Фишер делал поразительные выводы. Он полагал, что кремний при высоких температурах может образовывать макромолекулы, наподобие углеродных белков. Имя ученого не было широко известно, потому что его измышления считались фантастическими.

– Почему вы спросили о Фишере в прошедшем времени?

– Он скончался две недели назад от сильных ожогов, полученных в лаборатории.

Это было шоком для Кузнецова. Несмотря на различие взглядов, Женя считал Фишера своим другом. К тому же еще месяц назад он гостил у Фишера в Блюмингтоне.

– Что произошло? – охрипшим голосом спросил Кузнецов.

– Я точно не знаю. Кажется, он проводил опыты с разогреванием частей магмы. Огнеупорное стекло лопнуло, и магма, раскаленная до 2500 градусов, выплеснулась на доктора. Говорят, то же самое произошло и с Зигмундом Баркером полгода назад.

Женя промолчал. Баркер был выдающимся вулканологом. Он упал в вулкан на Камчатке. Это был несчастный случай. Баркера Женя тоже знал. Вот только откуда всех их знал этот Уолкер?

– Я сумел поставить вам американскую визу, – произнес тем временем Уолкер, обращаясь к Элен. – Это все, что я мог сделать.

– Спасибо, – поблагодарила Элен.

– Мы поедем в Россию, – сказал Кузнецов. Этот человек явно хотел направить их по какому-то пути. Мог ли он быть человеком Бисбрука? Опять попытка увести их с истинного пути? Женя полагал, что Бисбрук, начав с подмены страниц в каталогах и подмены «солнца», перешел к силовым методам. Возвращаться опять к хитрым подставкам было бессмысленно. «Солнце» находилось у Кузнецова, и было достаточно схватить Евгения, чтобы отобрать диск. Если этот человек действует не так, значит, он не человек Бисбрука. Он посторонний человек, который преследует собственные интересы. Кем бы он ни был, родственником Элен он не являлся.

– Куда мы направляемся? – поинтересовался Кузнецов.

– В Париж, если вам нужно получить российскую визу. Из международного аэропорта Шарля де Голля можете отправиться куда угодно.

Они выехали на скоростную автостраду А1. При повороте распахнулся пиджак Уолкера, и под мышкой у него Женя увидел матовое свечение рукоятки пистолета. Вот и подтверждение его догадкам! Родственничек с пистолетом. Кузнецов уставился на дорогу, сообщая.

Легкая дымка солнечного утра предвещала жаркий день. Листья акаций вдоль дороги серебрились. На широкой пятиполосной автостраде автомобилей было мало. За все время пути только одна легковушка обогнала их, а навстречу попало не более двух-трех. Они проехали небольшой населенный пункт под названием Сомбле, состоящий всего из нескольких улиц. Как только «пежо» миновал Сомбле, Женя попросил остановить машину.

– У вас не работает один цилиндр, – заявил он.

– По-моему, машина едет нормально, – недоуменно возразил Уолкер.

– Возможно, виновата свеча. Откройте капот, – не слушая его, произнес Кузнецов, выходя из автомобиля. Уолкер, пожав плечами, выполнил его просьбу и тоже вышел на дорогу. Элен осталась на заднем сиденье.

– Мы сможем доехать до ближайшей автомастерской, – сказал Уолкер. – Правда, я не почувствовал потери мощности.

– До автомастерской можно и не доехать, – произнес Кузнецов, поднимая крышку капота. Вот смотрите, я так и думал.

Он тыкал пальцем в двигатель. Уолкер, наморщив лоб, наклонился вперед. Женя схватился за крышку капота и обрушил ее на голову Уолкера. Элен в машине испуганно вскрикнула, когда голова Уолкера ударилась о пластмассовый кожух двигателя. Тело его наполовину оказалось скрыто под капотом, который сверху придавил Кузнецов. Задрав полу пиджака, Женя расстегнул предохранительную лямку на кобуре и вытащил пистолет.

Уолкер под капотом стонал. Кузнецов отпустил крышку. Уолкер безвольно вывалился из-под него, словно мешок с яблоками. Он был без сознания. Возле виска кровоточила небольшая ссадина.

– Зачем ты сделал это? – воскликнула Элен, выбегая из машины и собиравшись что-то еще воскликнуть, но, увидев в руках у Кузнецова оружие, замолчала.

– Все твои родственники ходят с пистолетами? – спросил Кузнецов.

– У него было письмо от матери! В нем она мельком упоминает, что это сын ее кузины, которая живет в Америке.

– Но ведь твоя мать и ты никогда не видели сына кузины? Я правильно понимаю? Значит, выдать себя за твоего родственника мог кто угодно.

Женя засунул руку во внутренний карман Уолкера (или, может быть, мнимого Уолкера). Вытащив портмоне, он раскрыл его. Первое, что попало на глаза, – это визитная кар-

точка. «Корпорация спутниковых сетей „Интраст-спектр“. Шон Уолкер. Вице-президент». Вице-президент с пистолетом на подержанном «пежо». Но то, что следовало за визитными карточками, было невозможно предположить. Кузнецов опустил дуло пистолета.

– Что там? – спросила Элен.

Женя показал ей раскрытое портмоне.

– ФБР? – переспросила она, не поверив своим глазам.

– Да. Я только что оглушил специального агента Федерального бюро расследований Соединенных Штатов.

Элен побрызгала в лицо Уолкера водой из найденной в машине бутылки. Женя, опустив пистолет, смотрел, как агент ФБР открывает глаза и непонимающе оглядывает стоящих перед ним.

– С вами все в порядке? – участливо спросила Элен.

– Было до тех пор, пока ваш приятель не прихлопнул меня крышкой капота.

– Вы не родственник Элен, нечего было себя выдавать за него! – огрызнулся Кузнецов.

Отстранив Элен, Уолкер встал. Поморщившись, он потрогал затылок и оперся руками на автомобиль.

– У вас мой табельный пистолет, – невинно произнес Уолкер. – Отдайте его.

– Может быть, вы – человек графа Бисбрука?

– Да никакого не Бисбрука! – Он протянул руку, прося вернуть оружие. Женя отдал пистолет. Уолкер сунул его в кобуру и застегнул лямку. – Теперь поехали.

Они сели в «пежо» и тронулись. Некоторое время никто не начинал разговор. Первой молчание нарушила Элен.

– Значит, вы не мой родственник?

– Нет, – ответил Уолкер.

– Как вы нашли нас?

– У меня были связи в полицейском управлении Брюсселя. Я узнал, что полиция прослушивала телефоны в доме вашей матери. Они проследили ваш звонок мадам Лявур. Из управления ФБР мне предоставили информацию о ваших родственниках в США, с которыми вы не поддерживаете отношения. Я понимал, что вы оказались в очень сложной ситуации, и попытался помочь. Ваша мама, Элен, находилась в растерянности, потому что волновалась за вас и не знала, кому поручить поехать в Лилль. Я представился сыном ее кузины и оказался как нельзя кстати. Она дала мне ваш паспорт и деньги. Я немедленно выехал во Францию.

– Значит, вы говорите, что полиция Брюсселя знала о нашем местонахождении? Почему же они не послали никого сюда? – спросила Элен.

– Кого-то они послали, – ответил Кузнецов. – Кого-то очень похожего на вас, специальный агент Уолкер! Но я заподозрил его и сбежал.

– У меня нет двойников, – сказал Уолкер. – Вы ошибаетесь.

– Быть может, – задумчиво произнес Кузнецов. – В чем нас обвиняют в Бельгии?

– Какие-то убийства в поместье графа Бисбрука. Люди, с которыми я общался, не вели расследования ваших так называемых преступлений. Позже оказалось, что никакого расследования нет. Вас просто искали. Да! Я слышал, что вы украли какую-то золотую вещь.

– Все это ложь! – проронил Кузнецов.

– Не та ли это вещь, которая выпирает у вас из-под майки?

Женя сложил руки на груди, пряча проступающее из-под майки «солнце».

– Все складывалось таким образом, – продолжал Уолкер что кто-то создавал иллюзию ваших преступлений. Кто-то запутывал полицию и общественность. К тому же ложь, передаваемая по телевидению, для меня, прочитавшего ваши биографии, была слишком очевидной.

– Что вам нужно от нас? – спросил Женья.

– От вас, доктор Кузнецов! – произнес Уолкер. – Откройте еще раз мое портмоне.

Женья обнаружил, что до сих пор держит в руках бумажник Уолкера.

– Там есть фотография. Посмотрите на нее внимательно.

Женья пропустил записную книжку, фотографию женщины и светловолосого мальчика лет девяти. Прямо за ними следовала черно-белая фотография человека лет сорока пяти с безжизненными глазами. Это лицо Кузнецов видел впервые.

– Я не знаю его, – сказал Кузнецов, захлопнул бумажник и отдал его Уолкеру. Тот, не отрываясь от дороги и одной рукой ведя машину, взял бумажник и сунул его в карман.

– ФБР полагает, что смерти вулканологов Фишера и Баркера не случайны, – произнес Уолкер.

– Баркер упал в вулкан на Камчатке.

– Это так, но к тому времени, когда он оказался в лаве, Баркер был уже мертв. Его тело доставили в лабораторию в Кливленде, где установили на теле два типа ожогов – наружные и проникающие. Последние, по заключению экспертов, были нанесены ранее и явились причиной смерти. Лава проникающего воздействия оказать не могла, ее термическому воздействию могли подвергнуться только верхние покровы тела. К тому же, по утверждению доцента МГУ Климова, лава в этом вулкане имела низкую температуру, очень близкую к температуре застывания.

– Вы консультировались с Климовым? – удивленно спросил Кузнецов.

– Нам сказали, что Климов лучше всех знаком с Камчатской грядой.

– Это правда.

– Так вот, участники экспедиции Баркера рассказывали, что за день до смерти их руководителя в лагере появлялся человек, которого вы видели на фотографии. Он говорил, с Баркером, после чего тот весь день ходил словно оглушенный. Говорят, что, когда Баркер находился на вулкане, рядом с ним среди испарений была замечена еще одна фигура. Участники экспедиции находились далеко от того места, где стоял Баркер, поэтому они не видели, откуда появился человек. Но то, что он был не из экспедиции Баркера, установлено точно.

– Откуда у вас фотография этого человека?

– Фотография сделана с видеокамеры университета штата Индиана. Как раз в тот день, когда в своей лаборатории погиб Фишер. По этой фотографии человека опознали люди из экспедиции Баркера.

– Зачем вам нужен я? – спросил Кузнецов.

– Исследования Фишера и Баркера были очень специфическими. Смерть работающих в одной области ученых от руки одного человека навеивает мысли о том, что кто-то хочет затормозить их работу.

– И что же это за область исследований? – с издевкой спросил Кузнецов.

– Вы ее, несомненно, знаете, доктор Кузнецов. Потому-то третьим в списке стоите вы! Мне объяснили суть этих странных исследований, заметив, что они скорее относятся к лже-науке.

– Я сейсмолог, а не вулканолог, поэтому не знаю, о каких исследованиях вы ведете речь.

– Вас хорошо знают и ценят в научных кругах как широкопрофильного специалиста. Фишер даже приглашал вас к себе в лабораторию. Поверьте, если эти ученые погибли за то, что продвинулись далеко в своих исследованиях, тогда следующий, кому грозит опасность, – это вы! Поэтому я помогаю вам уйти от преследования в Европе. Но помогите и мне поймать убийцу.

– Вы хотите сделать меня подсадной уткой?

– Я хочу поймать этого преступника и спасти вашу жизнь. Вы нужны мне в Соединенных Штатах. Только там я смогу гарантировать вам безопасность.

– Это вряд ли. Мне нужно в Россию. – Он посмотрел на Элен. – Нам нужно в Россию.
– Дело ваше Я довезу вас до Парижа, там вы сможете поставить визу в Российском посольстве. Оно находится на бульваре Ланнес.

– Я был в Париже, можете мне не подсказывать.

– Хорошо, – произнес Уолкер и сощурился от боли, причиняемой раной на щеке. – Вы можете найти меня по мобильному телефону. Вот визитная карточка.

Он протянул Кузнецову уже знакомую визитку.

– Позвоните мне, если этот человек вступит с вами в контакт. Показать еще раз фотографию?

– Не надо. – Кузнецов подумал, что нечего ему еще раз смотреть на фотографию. Он был уверен, что никогда не встретит этого человека. Женя находился в постоянных разъездах, а не сидел в лаборатории, как Фишер, поэтому его будет трудно найти. К тому же он не верил Уолкеру и не верил в человека, который убивает ученых, имитируя несчастные случаи.

Они въехали в девятнадцатый округ Парижа через ворота Виллет. Проехав по авеню Фландр метров четыреста, Уолкер остановил автомобиль.

– Здесь я вас оставляю, – произнес он, не глядя на Кузнецова.

– Спасибо вам, – сказала Элен.

Кузнецов, поджав губы, промолчал. Как только Женя покинул салон, Уолкер надавил на акселератор. «Пежо», взвизгнув покрывками, стронулся с места и, обдав Кузнецова клубами выхлопных газов, скрылся в потоке автомобилей.

* * *

4 июля

Париж всегда оставлял двойственное чувство у Кузнецова. По представлению людей, живущих вне Франции, это романтический город, улочки которого овеяны духом истории. Однако Кузнецову, в отличие от большинства людей, Париж казался воплощением человеческих пороков – скупости, тщеславия и стремления к обогащению. Кто-то любовался прекрасными каналами Сены, утопающей в зелени каштанов архитектурой, прелестными парижанками, но Кузнецов видел лишь занятых собой и вечно спешащих жителей столицы, торговцев, старающихся обобрать иностранцев до последней монеты, женщин с обворожительной улыбкой, пытающихся определить по вашим глазам размер вашего кошелька.

Именно это он и сказал Элен.

– Ты не прав, Женя. Париж – город, в котором нельзя считать деньги.

– Именно поэтому многие пользуются твоими словами. Одна прелестная мадам на блошином рынке Клиньянкур сказала, что у нее есть Гроздь Ацианы – каирский амулет. Только он находится у нее дома. Я как последний идиот пошел за ней, и в переулке ее дружки раздели меня догола, наградив вдобавок ударом дубинки по голове. Я был очень сильно расстроен.

Элен засмеялась. Женя также улыбнулся.

В одном из небольших магазинчиков возле Северного вокзала на бульваре Ла-Шапель за восемьдесят долларов они купили Евгению костюм. Ненавистную майку с надписью «Продиджи» Женя оставил в примерочной кабинке. Теперь он чувствовал себя уверенно, все-таки имеет степень кандидата физико-математических наук.

– Нам нужно в Российское посольство, – сказал Кузнецов, закончив разглядывать себя в зеркале витрины. – Нужна виза в твой паспорт.

– Как ты думаешь, – спросила Элен, – в Российском консульстве знают, что меня разыскивают в Бельгии?

– Не могу сказать, – пожал плечами Кузнецов. – Может быть, и нет.

– Но ведь бельгийская полиция знает, что мы находимся во Франции.

– Я думаю, стоит попытаться поставить визу.

Он все-таки уговорил ее. Женя оформил визовое приглашение для Элен, и они сдали документы в Российское посольство, где им сообщили, что виза будет выдана через четыре дня. Честно говоря, Женя не думал, что во Франции они задержатся так долго, поэтому попытался уговорить девушку, принимающую документы, на более короткий срок подготовки визы. Это оказалось делом бесполезным. Девушка была строга и ни на уговоры, ни на обаяние Кузнецова не поддавалась.

– Не расстраивайся, – сказала Элен, когда они выходили из консульства. – Четыре дня в Париже – великолепный отдых.

Женя промолчал о том, что у них практически нет времени Для поиска пещеры в Гималаях и что во Франции его помнят и жаждут рассчитаться не меньше, чем в Бельгии. Банда Рене Жино имела очень разветвленную сеть информаторов. До сих пор Женя не знал, как его обнаружил Жан-Люк Перье, который мельком упомянул, что следовал за Кузнецовым через несколько стран. Имея связи в полиции Бельгии, можно было получить информацию, что Кузнецов и Элен находятся во Франции.

Однако деваться некуда, и Жене пришлось остаться на четыре дня в Париже. Они пообедали в кафе «Ла Палетт», сняли два одноместных номера в отеле близ парка имени Жоржа Брассенса. Из отеля Женя позвонил в университет Мигранову, но трубку на сей раз никто не поднял. Жене очень хотелось поделиться с Мишей своим успехом. Но, так или иначе, услышит он Мигранова или нет, через четверо суток Женя был готов вставить «солнце» в руки статуэтки Иттлы, чтобы узнать, где находится пещера в Гималаях.

В семь часов. Элен постучала к нему в номер. Женя поднялся с кровати, на которой лежал в одних брюках, и открыл дверь.

– Я знаю одно маленькое кафе на берегу Сены, – немного смущаясь, проговорила она, – мы могли бы там посидеть, провести вечер.

– Даже не знаю, – с наигранной серьезностью произнес Кузнецов. – Я собирался весь вечер посвятить изучению французского языка.

– Для изучения языка необходимо живое общение. Нечего валяться на кровати. Пойдем!

«Надо пользоваться моментом», – подумал Кузнецов. Как только они прилетят в Россию, придется бросить все силы на подготовку экспедиции в Гималаи. Кроме того, Мигранов говорил о каких-то загадках, связанных с пещерой.

– Хорошо, – сказал Кузнецов, – но платить за ужин будешь ты.

– Я и так плачу за все. Тебе не откупиться.

– Вот погостишь у моих родственников в деревне, полюбишься первозданной уральской природой и поймешь, что деньги – это просто бумага, и не будешь на них заикливаться.

– Без этой бумаги ты рискуешь остаться голодным сегодня вечером. Или ты хочешь вместо телятины в тесте насытиться видами вечернего Парижа?

Кузнецов поднял руки вверх:

– Лучше телятина в тесте.

– Вот то-то!

Кафе понравилось Кузнецову. Выставленные на улицу десятки столиков под навесом были заполнены наполовину. От Сены их отделяли лишь ряд кустов и пешеходная дорожка. На противоположной стороне реки в престарелой величественности стояли два дома, как пояснила Элен, девятнадцатого века. Их фасад, рассеченный вытянутыми окнами, металлическими решетками балконов и пожарных лестниц, отражался в ровной глади воды. Пожилой лысый француз играл на аккордеоне, фоном ему служил шум проносящихся за домами автомобилей.

Ужин заказывала Элен. Через некоторое время на столе появился салат из розовых креветок с молодыми шампиньонами, жареная гусиная печень под яблочным соусом, «карпачо» из лосося с сыром пармезан и спаржей, рулет из осетрины для Элен и сочная телятина, запеченная в тесте, «Бриош» с шампиньонами, сыром, под грибным соусом и с лисичками – для Кузнецова. В завершение официант поставил на стол бутылку красного бордо.

– Ну как? – спросила Элен, глядя, как Кузнецов уплетает гусиную печень, запивая ее красным вином. Не в состоянии произнести ни слова в ответ, Кузнецов лишь кивал головой, одобрительно мыча.

Он съел все, выпил почти целую бутылку вина и откинулся на спинку стула. Брючный ремень казался туго затянутым. Нет, определенно у него была склонность к обжорству.

Элен смотрела на него, улыбаясь.

– Я думала, – произнесла она, – что ты не сможешь насытить себя.

– А я полагал, что женщины едят больше, чем воробушки. – Женя подавил возникшую отрыжку. Вино подействовало на него, и Кузнецов немного захмелел.

Элен спросила:

– Сегодня в машине Уолкера я вдруг подумала, что ничего о тебе не знаю. Ты доктор наук, сейсмолог, археолог-любитель. Охотник за неизвестным. Но кто вы в жизни, доктор Кузнецов?

– О тебе я тоже ничего не знаю, – попытался отойти от темы Евгений.

– Это неправда. Обо мне ты знаешь практически все. Я окончила Парижский университет, работаю экспертом в Королевском музее истории, обожаю фантастические романы, живу с мамой и увлекаюсь Средневековьем.

Женя вдруг засмеялся. Улыбка пропала с лица Элен.

– Что я сказала смешного? – обиделась она. Сдерживая смех, Кузнецов ответил:

– Ты знаешь, когда меня двинули по голове, тогда, в Брюсселе, и когда я открыл глаза и увидел тебя, мне подумалось, что ты причастна к преступлению. Представляешь, я знакомлюсь с тобой в музее, а в десяти кварталах от него меня бьют по голове, и первый человек, у кого я оказываюсь на руках, – это очаровательная доктор Элеонора Граббс.

Недоумение исчезло с лица Элен, и она, поддержав Кузнецова, засмеялась.

– Действительно чудно, – подтвердила она. – Как будто я навела на тебя этих бандитов!

– Да. – Женя чувствовал себя великолепно. Он развалился на стуле и наслаждался ароматом воздуха с запахами зеленой и влажной листвы. Мимо них проплыл крохотный теплоход. Его палуба и крыша были увенчаны горящими разноцветными фонариками, хотя до темного времени суток оставалось как минимум два часа.

– Я заметила у тебя на безымянном пальце след от обручального кольца. Ты женат? – неожиданно спросила Элен. Женя даже поежился.

– Да, я женат, – произнес он. – Мне бы не хотелось это рассказывать. Грустная история.

– Я полагала, может быть, я ошибаюсь, но если это правда...

– Да, это правда, – серьезно произнес Кузнецов. Он замолчал на некоторое время, собираясь с мыслями и упершись лбом о кулак. А затем заговорил:

– Лет восемь назад мы были счастливейшей парой. Я был молодым, подающим надежды ученым, она – победительницей конкурса Красоты «Московские красавицы». Она была великолепной девушкой, образованной, увлекающейся балными танцами. На дружеской вечеринке она подошла ко мне и спросила, что я читаю. Все вокруг пили, танцевали, веселились, а я штудировал работу Шенберга по распространению сейсмических волн в разных частях земной коры, готовился к завтрашнему опросу. Я ответил ей, что читаю фантастический роман, от которого невозможно оторваться. Она ответила, что оторваться можно, и пригласила меня на медленный танец. Как сейчас помню, это был Элтон Джон. Она сказала, что у меня очень красивые глаза, я ей не поверил. Знаешь, она была так красива, что

красота ее казалась опасной. Я предложил ей выпить, она ответила отказом. Она сказала, что за всю жизнь не пила даже шампанского, потому что занятия бальными танцами не совместимы с потреблением спиртного. Я ответил ей, что немного выпить можно, хотя бы за мои глаза. Я уговорил ее, и она выпила бокал вина. Боже, я не предполагал, что будет такой эффект! С бокала вина она потеряла сознание! Позже я почти забыл об этом эпизоде. Наша свадьба проходила весело, по-русски, если ты представляешь себе, что это такое. По традиции невеста должна была пить шампанское. Наталья упорно сопротивлялась этому и не выпила ни капли. Однако вскоре невеста пропала. Я обнаружил ее в туалете. Ее там стошнило. Оказалось, что одна из подруг уговорила-таки ее выпить бокал. Она пришла в себя, и свадьба продолжалась. Только я обратил внимание, что Наталья выпила еще один бокал шампанского. Я спросил, не будет ли ей плохо после этого. Она ответила, что никогда еще ей не было так хорошо. Она плясала, веселилась и пила шампанское. Когда нас отвозили домой, она заснула в машине. С тех пор ее организм стал воспринимать алкоголь без сопротивления. На дружеских вечеринках она была веселее всех. Незаметно она перешла на более крепкие напитки. Каждый раз после посещения друзей мне приходилось буквально тащить ее до дома. Она пила до тех пор, пока не падала. Она не знала меры. Тогда я решил прекратить общение с друзьями, чтобы сохранить семью. Около полугода мы не ходили ни на дни рождения, ни на свадьбы и юбилеи. Однако, возвращаясь с работы по вечерам, я стал обращать внимание на странный блеск в ее глазах и приподнятое настроение. Позже начал находить пустые бутылки из-под водки. Она пила, причем делала это скрытно. Я понимаю, когда человек пьет вечером. Он пытается снять усталость, накопившуюся за день. Но когда он делает это утром, это уже алкоголизм. Я несколько раз обращался к врачам, она кодировалась, но все безрезультатно. Наталья снова напивалась в стельку. Последний раз, возвратившись из Австралии, я обнаружил, что дверь в квартиру не заперта... – Тут Евгений остановился, чтобы промочить горло. Элен заворочено смотрела на него. Было странно, но сейчас он не мог определить по ее лицу, что она чувствует.

– Так вот, дверь в квартиру была не заперта, – еще раз напомнил Женя. – Я осторожно вошел внутрь, полагая, что, возможно, у нас в доме побывали воры... Она лежала посредине гостиной, в руке ее была зажата пустая бутылка. Она была грязна, волосы в беспорядке. Ее юбка была сырой оттого, что Наталья обмочилась... С того момента я подумал: все! Так жить нельзя!

Элен засмеялась. Она смеялась живо и так заразительно, что из глаз катилась слезы.

– Ну ты и выдумщик! – сквозь смех произнесла она. – Надо же ТАКОЕ придумать! Он улыбнулся в ответ:

– Да, это действительно шутка. Я просто разведен. Не ужились мы вместе.

Она перестала смеяться и посмотрела на него.

– А у тебя действительно красивые глаза, – сказала она тихо. Женя демонстративно щелкнул пальцами и громко крикнул:

– Официант! Подайте зеркало! Я хочу видеть свои глаза!

Она рассмеялась еще сильнее. Женя откинулся на спинку стула и вытер пальцы о салфетку. Аккордеонист заиграл медленную композицию Элтона Джона «Я верю в любовь». Похоже, что он подслушал рассказ Жени. Кузнецов подумал, что такую аранжировку этой песни он слышит впервые. Он поднялся.

– Ты танцуешь? – спросил он, глядя исподлобья. Элен немного стушевалась, но согласилась:

– Предупреждаю, я бальными танцами не занималась!

Он взял ее за руку, выводя из-за стола, и они вышли в центр маленького кафе. Другой рукой Женя обнял ее за талию (он неожиданно вспомнил момент, когда они летели на проходе, он держал ее, а она нежным романтическим взглядом изучала его лицо).

Она положила одну руку ему на плечо, вторая лежала в его ладони. Они двигались в такт музыке, но Женя не замечал игры аккордеониста, он чувствовал только ритм и талию Элен под тонкой тканью платья. Элен так же, как и тогда, на проводе, не отрываясь смотрела ему в глаза. Люди за столиками с удивлением взирали на них. Кажется, здесь еще никто не танцевал. Старый аккордеонист, видя, что его старания смогли побудить к танцу двух молодых людей, заиграл с еще большей страстью, иногда перебарщивая и фальшивя.

Женя был слегка пьян от вина, а также от красоты Элен. Ее чудесные каштановые волосы искрились в свете фонарей, а тонкие губы были сложены в изящную улыбку.

– Ты лучшая партнерша по танцам, которую я встречал, – прошептал он ей на ухо. Она вновь улыбнулась, и он обнаружил у нее на щеках ямочки. Желание поднялось в нем, страсть прокатывалась по телу волнами.

– Вы были не правы, ругая Париж, доктор Кузнецов, – сказала она.

– Я был не прав! – поддакнул очарованный Кузнецов, не имея сил возразить.

– И вы не правы, когда преступными методами пытаетесь добиться целей, которые считаете возвышенными.

Желание вдруг исчезло, слова Элен задели его, словно неожиданный толчок в спину. Женя остановился и оторвал руки от Элен. Аккордеонист с недоуменным лицом оборвал мелодию на мажорной ноте.

– Что такое преступные методы? – агрессивно спросил он. Шаткий контакт, установившийся между ними в этот вечер, тут же улетучился.

– Преступные методы? – переспросила Элен, задетая поведением Кузнецова. – Это когда представляешься чужим именем, чтобы получить нужную информацию. Когда заезжаешь в чужую усадьбу, не спросив хозяина...

– Ты спросила хозяина, когда входила в чужую усадьбу! Если бы не я, лежать бы тебе под землей в саду у Бисбрука где-нибудь рядом с посадками нарциссов под двумя метрами земли!

– ... Когда пытаешься заставить старика продать память об отце! Совести у тебя нет! – продолжала она, не заметив тирады Кузнецова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.